

Российское общество интеллектуальной истории
Краснодарское отделение Российского общества
интеллектуальной истории
Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар)

КУБАНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

XVI Международная
научно-практическая конференция
(г. Краснодар, 30 мая 2025 г.)

2025

**Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ)
Краснодарское отделение Российского общества
интеллектуальной истории
Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар)**

***КУБАНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ***

**XVI Международная научно-практическая
конференция (г. Краснодар, 30 мая 2025 г.)**

2025

УДК 93/94;(091)

ББК 63.3

К 88

К 88 Кубанские исторические чтения: Материалы XVI Международной научно-практической конференции (Краснодар, 30 мая 2025 г.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2025. – 251 с.

ISBN 978-5-00202-808-5

Оргкомитет конференции

Курусканова Н.П., к.и.н., доцент – *председатель*

Улезко Б.В., к.и.н., доцент – *зам. председателя*

Елеуханова С.В., к.и.н., ассоциированный профессор (Карагандинский государственный университет им. академика Е.А. Букетова, Республика Казахстан, г. Караганда)

Гарунова Н.Н., д.и.н., профессор (Дагестанский государственный университет, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала)

Гребенкин А.Н., д.и.н., доцент (Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Россия, г. Орёл)

Хроленок Е.В., к.и.н., докторант (Белорусский государственный университет, г. Минск)

Штырбул А.А., д.и.н., профессор, эксперт РАН (Омский государственный педагогический университет, г. Омск)

Ответственные редакторы: Курусканова Н.П., Улезко Б.В.

В сборнике опубликованы материалы XVI Международной научно-практической конференции “Кубанские исторические чтения”, состоявшейся в г. Краснодаре 30 мая 2025 г. В конференции приняли участие ученые, преподаватели, соискатели из ряда регионов Российской Федерации, Беларуси и Казахстана. Обсуждались актуальные проблемы развития исторического знания. В сборник вошли материалы 7 секций.

Доклады и сообщения публикуются в авторских вариантах.

Для специалистов – историков, аспирантов, всех, интересующихся проблемами исторической науки.

ISBN 978-5-00202-808-5

УДК 93/94;(091)

ББК 63.3

© Авторы публикаций, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые коллеги!

Для участия в XVI Международной научно-практической конференции «Кубанские исторические чтения» подали свои заявки 53 ученых, преподавателей, соискателей из 20 городов Российской Федерации, Беларуси и Казахстана: Москвы, С.-Петербурга, Караганды, Минска, Геленджика, Гусь-Хрустального, Екатеринбурга, Елизово, Казани, Краснодара, Майкопа, Махачкалы, Новокузнецка, Омска, Орла, Перми, Ростова-на-Дону, Самары, Сочи, Шахт.

Работа конференции «Кубанские исторические чтения», состоявшейся 30 мая 2025 г. в Краснодаре, проходила по 7 секциям: «Актуальные проблемы мировой истории», «Актуальные проблемы российской истории», «Историческое краеведение: современное состояние и тенденции развития», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Методика преподавания исторических дисциплин в средних и высших учебных заведениях», «История русской и мировой культуры», «Проблемы историографии и источниковедения». В данном сборнике представлены 43 доклада 53 участников конференции, которые расположены с учетом хронологии событий.

Организаторами конференции «Кубанские исторические чтения» выступили Российское общество интеллектуальной истории (РОИИ), Краснодарское отделение РОИИ, редколлегия Всероссийского сборника научных трудов «Социально-гуманитарный вестник» (г. Краснодар). Членами оргкомитета конференции стали известные ученые и преподаватели из ведущих вузов Кубани, российских регионов, Беларуси, Республики Казахстан.

Оргкомитет конференции приглашает участников конференции продолжить сотрудничество с нами и в дальнейшем. Свои страницы для публикации статей по гуманитарным наукам предлагает Всероссийский сборник научных трудов «Социально-гуманитарный вестник» (г. Краснодар) (см. сайт: <http://www.soc-gum-vestnik.narod.ru>).

Желаем участникам конференции успехов и научных достижений!

Оргкомитет

Секция I «Актуальные проблемы мировой истории»

УДК 94(44).026"15"

НУЖДИН О.И.
Россия, г. Екатеринбург

Бесславный конец Жана де Монтегю: участь чиновника в борьбе принцев крови

Данная статья посвящена исследованию заключительного этапа жизни гран-мэтра отеля короля Жана де Монтегю. Будучи человеком невысокого происхождения, он добился высокого положения в обществе, стал богатым и знаменитым, что позволило ему участвовать в большой политике. Но, как показало исследование, решающая роль, по-прежнему, оставалась в руках принцев крови.

Ключевые слова: Жан де Монтегю, орлеанисты и бургиньоны, Карл VI, Жан Бесстрашный.

**Nuzhdin O.I.,
Russia, Ekaterinburg**

Ignominious end of Jean de Montaigu: fate of an official in struggle of princes of the blood

This article is devoted to the study of the final stage of the life of the Grand Master of the hotel of king, Jean de Montaigu. Being a man of humble origin, he achieved a high position in society, became rich and famous, which allowed him to participate in big politics. But, as the study showed, the decisive role still remained in the hands of the princes of the blood.

Keywords: Jean de Montaigu, Orleanists and Burgundians, Charles VI, Jean the Fearless.

Жан де Монтегю, гранд-мэтр отеля короля Карла VI, был богатым и влиятельным чиновником, человеком, в руках которого с 1405 г. находились ключи от ворот бастиды Сент-Антуан, обеспечивающей свободный выезд из Парижа. Он родился в 1350 г. в семье Жерара де Монтегю и Бьетты де Кассинель, которые, благодаря своей службе приобрели право именоваться «noble homme» и «noble dame» [1, с. 252], но их сын сделал впечатляющую карьеру. В его полномочия в начале XV в. входили «общее управление королевством с полной и всеобъемлющей властью (l'administration générale du royaume, avec une pleine et entière autorité), в мирное время и на войне, внутри страны и за границей, над всеми королевскими чиновниками, большими и малыми, и управление хозяйством (maison) короля, королевы и герцогов» [2, с.

269]. Однако Жан де Монтегю оказался вовлечен в распри между Бургундским и Орлеанским домами, что стоило ему жизни.

Арест Жана де Монтегю оказался непосредственно связан с формальным примирением враждовавших сторон, зафиксированным договором, подписанным в г. Шартре 8 марта 1409 г. Присутствовали сам Карл VI, его жена Изабелла Баварская, дофин Людовик, герцог Бургундии Жан Бесстрашный, три сына покойного Людовика Орлеанского – Карл, Филипп и Жан, два президента Парламента, священнослужители, члены Королевского совета и Счетной палаты [2, с. 201,203; 3, с. 336-337; 4, с. 442-442]. Главы домов – Жан Бесстрашный и Карл Орлеанский – на Евангелиях поклялись отказаться от вражды, а Карл VI обещал выступать личным арбитром в спорах между ними, если таковые возникнут [5, с. 400]. Однако секретарь Парламента Никола де Бай отнесся скептически к формальному примирению и сделал запись следующего содержания: «Мир, мир, говорит Пророк, но мира нет» («Рах, рах, inquit Propheta, et non est рах») [6, с. 260]. И он, к сожалению, оказался прав.

Сторонники Орлеанского дома отказались ехать в Париж, и новая система власти стала формироваться в их отсутствие. Неудивительно, что она защищала интересы Жана Бесстрашного более, чем остальных. Так, 24 марта Изабелла Баварская, Людвиг Бородатый, с одной стороны, и Жан Бесстрашный и Вильгельм Геннегау, с другой, подписали между собой соглашение. Этот «квартет» присвоил себе право обсуждать все важнейшие вопросы в «отсутствие» короля (так именовались периоды болезни Карла VI) и вырабатывать консолидированное мнение. Жан Бесстрашный вернул себе место в Королевском совете и право участвовать в воспитании дофина, что прежде было привилегией исключительно Изабеллы Баварской.

Некоторые исследователи утверждают, что Совет, дофин Людовик, и сам Карл VI оказались под влиянием герцога Бургундии [7, с. 78; 8, с. 177,194]. При этом Жан Бесстрашный пользовался поддержкой части горожан столицы, но далеко не всех и, возможно, даже не большинства. Любовь и преданность парижан носили прагматичный характер и зависели от выполнения герцогом Бургундии своих обещаний. Прежде всего, от него ожидали снижения налогов [5, с. 402].

Самой заметной жертвой политики Жана Бесстрашного стал Жан де Монтегю. О намерениях герцога Бургундии гранд-мэтр узнал заблаговременно, благо, что сторонников у него также было достаточно. Но их советами он пренебрег, видимо, полагаясь на то, что соглашение от 24 марта, подписанное Изабеллой Баварской и Жаном Бесстрашным, гарантирует его от преследований [8, с. 183]. Кроме того, он полагался

на дружбу короля, королевы и герцога Жана Беррийского [2, с. 271, 273], считая их покровительство достаточным для своей безопасности.

Однако вечером 7 октября 1409 г. он был арестован и, несмотря на требование отвести его в тюрьму Парламента, отправлен в Малый Шатле. Тем самым, его передали в юрисдикцию прево Парижа. Этот пост в 1409 г. занимал Пьер дез Эссар, человек низкого происхождения, вспыльчивый и жадный до власти и денег, «лишенный мудрости и дальновидности» [2, с. 287,289]. Однако он был тесно связан с Жаном Бесстрашным, будучи одним из его приближенных лиц.

Помимо Жана де Монтегю были арестованы Пьер де л'Эскла и епископ Шартра Мартен Гуж – советники Изабеллы Баварской и Жана Беррийского, а также военный казначей Эмон Рагье. Этого оказалось достаточно, чтобы противники Жана Бесстрашного поспешили покинуть Париж. Оттуда уехали епископ Парижа Жерар де Монтегю и архиепископ Санса Жан де Монтегю, а также герцог Жан Бурбонский со своим сыном Карлом.

Во время следствия Жерар де Монтегю, иные родственники и друзья гранд-мэтра и даже Жан Беррийский обратились в Парламент с просьбами освободить арестованного. При этом они ссылались на тот факт, что все сделано по воле Жана Бесстрашного, который, как известно, испытывал к Жану де Монтегю «непримиримую ненависть» и являлся его «самым большим врагом» [2, с. 271,273,275]. Изабелла Баварская, как предполагал Р. Фамильетти, будучи главой Королевского совета в «отсутствие» Карла VI, пыталась истребовать его дело себе [8, с. 183], но все было тщетно. Никто не стал дожидаться выздоровления короля, что лишило гранд-мэтра возможности обратиться к нему за помилованием.

Простые парижане также чувствовали несправедливость ареста, и, несогласные с ним, были готовы взяться за оружие. И только личное вмешательство прево не позволило недовольству вылиться в бунт [2, с. 273; 9, с. 6]. В качестве причины ареста Жана де Монтегю Пьер дез Эссар назвал преступление оскорбления величества, проступки и злодеяния (*à cause de plusieurs crimes de lèse-majesté, délicts et autres maléfices*) [1, с. 279], не разъяснив, в чем именно оно заключалось. Поэтому исследователи выдвинули несколько собственных версий для объяснения случившегося.

По мнению Ф. Майяра, за годы своей службы сначала королю Карлу V, а потом его сыну Карлу VI, Жан де Монтегю нажил себе много врагов, одним из которых стал Жан Бесстрашный [10, с. 70]. В свою очередь, Л. Мерле счел, что причиной ареста Жана де Монтегю стало его богатство и роскошный образ жизни. Свой достаток гранд-мэтр

продемонстрировал во время праздника, посвященного браку своего сына и провозглашению своего брата епископом Парижа. В этом Л. Мерле усмотрел сходство с судьбой суперинтенданта финансов Людовика XIV Жана Фуке. В подтверждение своих слов он привел тот факт, что Жан Бесстрашный продемонстрировал выздоровевшему Карлу VI драгоценности, якобы украденные Жаном де Монтегю, и король признал правомерность действий герцога Бургундии [1, с. 273,281].

Б. Шнерб считал, что казнь Жана де Монтегю связана с намерением Жана Бесстрашного устраниТЬ своих главных политических противников, особенно из числа так называемых «мармузетов», людей низкого происхождения, сумевших благодаря своим способностям добиться высокого положения. Кроме того, гранд-мэтр был связан с герцогом Людовиком Орлеанским, одним из врагов герцога Бургундии [11, с. 102]. Такой же позиции придерживалась Х. Кимм [12, с. 167].

Действительно, в первых числах ноября 1405 г. Жан де Монтегю вместе с герцогом Людовиком де Бурбоном участвовал в деянии, которое можно было квалифицировать как похищение короля. В связи с приближением к Парижу войск Жана Бесстрашного они тайно вывезли Карла VI на лодке через р. Сена и уже по суше доставили в г. Жьен [2, с. 183; 4, с. 442; 13, с. 124]. Но, видимо, публично признать недееспособность короля, которого могли перевозить из места в место, показалось невозможным. Поэтому Жана де Монтегю заставили под пытками признаться в расхищении денег от налогов [2, с. 271; 4, с. 444], и подписал соответствующий документ. По мнению М. де Баранта, для вынесения приговора была составлена особая комиссия, состоявшая из нескольких членов Парламента под председательством прево Парижа Пьера дез Эссара [14, с. 250]. Она приговорила Жана де Монтегю к смерти. И 17 октября 1409 г. он был казнен на Монфоконе. Его имущество, земли и владения конфисковали в пользу короля [1, с. 279].

Когда в начале декабря 1409 г. король Карл VI вновь пришел в себя от болезни, герцог Бургундии предложил ему провести преобразования в сфере финансов, частью которых стало устранение из центрального финансового аппарата всех, кто виновен в хищениях и иных злоупотреблениях. Под предлогом борьбы с коррупцией Жан Бесстрашный осуществил чистку ведомств от сторонников герцогов Людовика Орлеанского и Жана Беррийского [11, с. 103].

Таким образом, гранд-мэтр отеля короля Жан де Монтегю стал жертвой в противостоянии двух домов – Орлеанского и Бургундского в их борьбе за власть и влияние на больного короля Карла VI. Вместе с тем его карьера продемонстрировала, как человек невысокого происхождения смог добиться впечатляющего успеха благодаря своим спо-

собностям. Но в начале XV в. решающая роль в политике, по-прежнему, принадлежала принцам крови, а в их борьбе друг с другом простолюдинам нередко отводилась роль жертвы.

Примечания

1. *Merlet L.* Biographie de Jean de Montagu, grand maître de France (1350-1409) // Bibliothèque de l'École des Chartes. – 1852. – T. 3. – Ser. 3. – pp. 163-189.
2. Chronique du religieux de Saint-Denys, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422 / publ. en latin et traduite par M.L. Bellaguet. – Paris: De l'imprimerie de chapelet, 1842. – T. IV. – 781 p.
3. *Mirot L.* Autour de la paix de Chartres (9 mars 1409) // Annales de Bourgogne. – 1931. – T. III, fasc. 4. – P. 305-342.
4. Histoire de Charles VI, roy de France par Jean Juvenal des Ursins // Choix de chroniques et mémoires relatifs à l'histoire de France / par J.-A.-C. Buchon. – Orléans: H. Herluisson, 1875. – T. IV. – 800 p.
5. *Monstrelet E. de.* Chronique en deux livres. 1400-1444 / par L. Douët-d'Arcq. – Paris: Jules Renouard, 1857. – T. I. – 416 p.
6. Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400-1417 / publ. par A. Tuetey. – Paris: Librairie Renouard, 1885. – T. I. – 432 p.
7. *Vaughan R.* John the Fearless. The Growth of Burgundian Power. – Woodbridge: The Boydell Press, 2005. – 320 p.
8. *Famiglietti R.C.* The French Monarchy in Crisis, 1392-1415, and the Political Role of the Dauphin, Louis of France, Duke of Guyenne. – New York: University Press, 1982. – Pt. 1. – 435 p.
9. Journal d'un bourgeois de Paris. 1405-1449 / publ. A. Tuetey. – Paris: Chez H. Champion, 1881. – 481 p.
10. *Maillard, F.* Le gibet de Montfaucon. (Étude sur le vieux Paris). – Paris: Auguste Aubry, 1863. – 100 p.
11. *Schnerb B.* Les Armagnacs et les bourguignons. La maudite guerre. – Paris: Librairie Académique Perrin, 1988. – 309 p.
12. *Kimm H.* Isabeau de Bavière, reine de France. 1370-1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogstochter und des französischen Königshauses. München: Stadtarchiv, 1969. – 476 s.
13. Chronique de la Pucelle ou Chronique de Cousinot, suivie de la Chronique normande de P. Cochon / par A. Vallet de Viriville. – Genève: Slatkine – Megariotis Reprints, 1976. – 564 p.
14. *Barante M. de.* Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois. 1364-1477. – Paris: Ladvocat, 1826. – T. 3: Jean sans Peur. – 600 p.

Вклад Дж. Тедальди в разработку проблемы Волжско-Каспийского транзита

Рассматриваются сообщения итальянского купца Джованни Тедальди о его жизни в Московском государстве в середине XVI в. В качестве главного источника используются материалы разговоров торговца с католическим дипломатом А. Поссевино (1581 г.). Сделан вывод, что Тедальди внес определенный вклад в сбор информации о Волжско-Каспийском транзитном маршруте, соединявшем Россию с Персией. Наибольший интерес для европейской публики могли представлять воспоминания итальянца о путешествии на Восток по Волге и Каспию.

Ключевые слова: история международных отношений, Московское царство, Волжско-Каспийский транзитный путь, Италия, Персия.

**Astashkin R.S.,
Russia, Samara**

Contribution of G. Tedaldi to the development of Volga-Caspian transit problem

Article examines the reports of Italian merchant Giovanni Tedaldi about his life in Muscovy state in the middle of XVI century. Materials of the merchant's conversations with Catholic diplomat A. Possevino (1581) are used as a main source. It is concluded? that Tedaldi made a certain contribution to the collection of information about the Volga-Caspian transit route that connected Russia with Persia. Italian's recollections of his journey to the East along the Volga and Caspian Sea could have been of greatest interest to the European public.

Keywords: history of the international relations, the Muscovy empire, the Volga-Caspian transit route, Italy, Persia.

В XVI-XVII вв. представители Запада (торговцы, дипломаты, деятели церкви) проявляли интерес к маршрутам, соединявшим Русское царство со странами Востока. В эпицентре этого сюжета находился «Волжско-Каспийский транзит», включавший в себя Великий Волжский путь и набор коммуникаций в бассейне Каспия и на Кавказе. Спуск по Волге до Астрахани, в конечном итоге, позволял проникнуть в прикаспийские регионы Персии. Заметный вклад в сбор и распространение сведений о Волжско-Каспийском «коридоре» внесли выходцы из Италии. Еще в 1475-1476 гг. венецианский дипломат А. Контари-

ни совершил экспедицию по искомому маршруту, преодолев расстояние от Дербента до Москвы. В своем «Путешествии в Персию» (1486 г.) он привел описание данного транзитного пути [3, с. 99; 10, с. 217-219,221-226]. Соотечественник Контарини – купец И. Барбаро – опубликовал краткую информацию о Поволжье и Волго-Окском междуречье (т.е. о северном, «русском» отрезке транзита) [3, с. 99; 4]. Среди источников XVI в. выделяется труд географа П. Иовия о тогдашней «Московии» (1525 г.). Опираясь на сообщения русского посла в Риме, ученый знакомил европейскую публику с актуальным состоянием Поволжья [9, с. 35-36]. К числу первых европейцев, сообщивших о переходе всего Волжского бассейна под власть русских царей, относятся Ф. Тьеполо и Р. Барберини (1560-е гг.). Последний лично посетил Верхнее Поволжье, будучи в России по торговым делам. Заметим, впрочем, что рукописи обоих авторов были изданы лишь в последующие столетия [3, с. 98-101; 12; 13; 14]. Наконец, уроженец Вероны А. Гваньини включил в «русский» раздел «Описания Европейской Сарматии» (1574 г. или 1578 г.) новые данные о Волго-Окском регионе [2, с. 8-10; 5].

На наш взгляд, к деятелям, популяризовавшим знания о Волжско-Каспийском транзите, следует отнести и флорентийского купца Джованни Тедальди. В отличие от вышеназванных персонажей, этот итальянец не оставил письменных работ. Однако в 1581 г. почтенный коммерсант (в тот момент ему, якобы, было 78 лет) фактически стал информатором Святого Престола по «Волжско-Каспийскому вопросу». Источником по этой теме является отчет знаменитого иезуита А. Поссевино, беседовавшего с Тедальди в течение трех дней. Записав полученные сведения, папский эмиссар отоспал рукопись в Рим. Данный документ был обнаружен П. Пирлингом в Ватиканском архиве (первая публикация датирована 1884 г.) [8; 15, с. 121-122]. Отголоски указанных разговоров можно найти и в трактате «Московия», изданном А. Поссевино в 1586 г. [11] К сожалению, жизнь и личность самого Тедальди остаются неизученными. Известно лишь, что он принадлежал к влиятельному тосканскому роду, прославившемуся уже в XV в. [15, с. 123,125; 17; 18]. Обстоятельства знакомства двух итальянцев – торговца и дипломата – достаточно туманны. 3 июля 1581 г. А. Поссевино прибыл в литовский город Дисну, где в то время находился король С. Баторий. Ранее Григорий XIII поручил иезуиту организовать мирные переговоры между Речью Посполитой и Московским царством. Через неделю в Дисне объявился Дж. Тедальди, приехавший из Гданьска, где он тогда проживал. Если верить Поссевино, то пожилой купец проделал этот путь для встречи с королем [6, с. 10; 8, с. 128; 15, с. 123]. По версии Е.Ф. Шмурло, таинственный визит коммерсанта мог объясняться его

репутацией эксперта по делам «Московии». Сам Тедальди утверждал, что в течение 1551-1565 гг. он посетил Россию едва ли не двенадцать раз. Вопрос о роли нашего героя в подготовке русско-польских переговоров остается открытым [8, с. 128,132; 15, с. 123-124]. Так или иначе, 11, 12 и 13 июля состоялись пресловутые беседы Поссевино и Тедальди, в ходе которых иезуит подробно расспросил нового знакомца о его жизни в Русской державе. Отчет, найденный в XIX в., во многом сохранил форму живого диалога. Основной массив информации, судя по всему, относился к первой поездке торговца в «Московию» (около 1551-1554 гг.). В ходе этих встреч Тедальди снабдил собеседника сведениями, которые должны были облегчить выполнение папского поручения. Одновременно иезуит получил обнадеживающие данные по поводу перспектив миссионерства в Москве [8, с. 128,132-134; 15, с. 125]. Особый интерес у Поссевино вызвал вопрос о «тиранстве» Ивана IV. Любопытно, что Тедальди поспешил опровергнуть подобные слухи, выказав явную симпатию в адрес русского государя [2, с. 10; 8, с. 129-132; 15, с. 125-126]. Как отмечает Е.Ф. Шмурло, воспоминания купца подтверждаются свидетельствами других авторов, и в этом смысле на них «лежит печать правды». Отдельные заявления флорентийца, однако, «местами преувеличены и даже прямо ошибочны» [15, с. 125,126-127]. Что касается трактата «Московия» (в частности, второго тома), то на его страницах нельзя найти ни одного упоминания Тедальди. При этом в тексте фигурирует безымянный собеседник Поссевино, под лицом которого, возможно, скрывался все тот же житель Гданьска [11, с. 64]. Далее мы рассмотрим выдержки из источников, проливающие свет на вклад Дж. Тедальди в разработку «Волжско-Каспийской» темы.

Наибольшее значение для нас имеет рассказ итальянского торговца о его путешествии в Персию, совершенном с позволения Ивана Грозного. Хотя эта информация не имела отношения к текущей задаче Поссевино, но она составила весьма объемную долю его отчета. Подчеркнем, что с начала XVI в. Ватикан интересовался возможностями использования Великого Волжского пути для проникновения в Азию. Более того, этот интерес приобрел реальные контуры именно в связи с деятельностью А. Поссевино в Восточной Европе. Можно утверждать, что иезуитский агент был ярым энтузиастом вопроса о «русском транзите» [1]. Официальная Москва в тот же период выражала готовность даровать католическим миссионерам и итальянским купцам право проезда на Восток. Об этом свидетельствуют материалы переписки между царем и папой, включая грамоты, привезенные Поссевино из русской столицы [6, с. 7; с. 148,149]. Рискнем предположить, что иезуит с большим рвением ухватился за возможность расспросить человека, лично

прошедшего весь путь от Волги и до Ирана. Точная датировка восточной экспедиции Тедальди не приводится, но из контекста можно понять, что это предприятие пришлось на конец его первоначального пребывания в России, т.е. примерно на 1554 г. По словам путешественника, посещенная им тогда Астрахань уже принадлежала русскому правительству. Согласно гипотезе Е.Ф. Шмурло, этот пассаж подтверждает версию о 1554 г., т.к. именно в этот момент астраханский престол занял русский ставленник – хан Дербыш. В ином случае придется отодвинуть срок поездки Тедальди на несколько лет вперед – на период после ликвидации Астраханского ханства (1556 г.), что, однако, противоречит хронологии жизни итальянца в Русском государстве [8, с. 128]. Предположительная дата (1554 г.) означает, что наш герой опередил английского агента А. Дженкинсона. Последний, напомним, в 1558 г. также проехал по Волге и до Каспия [16, с. 125]. Более того, Тедальди стал вторым (после Контарини) итальянцем в истории (или даже вторым европейцем как таковым!), кто совершил вояж по Великому Волжскому пути в эпоху раннего Нового времени. Нужно иметь в виду, что в рассказе торговца почти отсутствует описание Поволжья как такового. Тедальди лишь поведал, что он проплыл «20 лег» (или «лиг», т.е. около 80 русских верст) по Москве-реке, а затем за 15 дней спустился по Волге до «Астрахани, порта у Каспийского моря», где его встретили «большое стечние народа и прославленная торговля» [8, с. 128]. Поскольку в этом отрывке не упомянута Ока, можно подумать, что Москва-река впадала напрямую в Волгу (не исключено, что итальянец действительно пал жертвой такого заблуждения). Поэтому не ясно, с какой точки следует начинать отсчет срока в 15 дней – с Коломны (т.е. с бассейна Оки) или, все-таки, с реального Поволжья (в районе Нижнего Новгорода). Историки расходятся в оценках достоверности сообщений Тедальди о расстояниях между населенными пунктами, но нужно признать, что другие авторы того времени ошибались гораздо сильнее [4, с. 137; 15, с. 126]. Покинув Астрахань, торговец «вступил в страну черкесов» – «славных людей, христиан-якобитов». «Черкесами» тогда часто называли многочисленные народы Северного Кавказа, в то время как упоминание якобитов (монофизитов) заставляет вспомнить об армянах. В другом отрывке Тедальди вновь позитивно отзыается о «черкесах и татарах, живущих в самой глубине Азии», с которыми «не трудно было бы достигнуть кой чего хорошего во славу Божию». Очевидно, имелись в виду перспективы распространения католицизма, так волновавшие Поссевино и его коллег [8, с. 128]. За неделю «чертесы» провели итальянца «верхом на выночных лошадях до границ Персии», а еще через 15 дней он дошел «до Тавриза [Тебриз – тогдашняя персидская столица –

Р.А.] по местности вполне безопасной». Е.Ф. Шмурло указывает, что маршрут вглубь Персии, скорее всего, проходил через Дербент (в этом случае названные сроки путешествия совпадают с данными, приведенными у Контарини) [8, с. 128]. В Тебризе купец, якобы, общался с «царем персидским» (шахом Тахмаспом?) и многочисленными европейцами, а затем, распродав свой «суконный товар» из Гданьска, «вернулся обратно туда же» [8, с. 128]. Далее по тексту уточняется, что из Персии Тедальди отбыл не в Россию и не в Гданьск, а в Венецию (через Армению, Турцию и Средиземное море) [8, с. 134]. Заметим, что на момент общения двух итальянцев речь шла о событиях тридцатилетней давности. Тем не менее, судя по записям Поссевино, сам он считал полученную информацию вполне актуальной. В частности, у него должно было сложиться мнение о сравнительном удобстве и безопасности плавания по Волге с последующим переходом через Восточный Кавказ. Важно также, что Тедальди, говоря о своем путешествии, ссылался на добрую волю царя, правившего и в 1581 г. Такие известия могли внушить иезуиту и всему Ватикану определенный оптимизм. В том же отчете Поссевино пишет: «20 лет тому назад [1561 г. – Р.А.], Московит [Иван IV – Р.А.] показывал ему [Тедальди – Р.А.] те самые письма, которые папа Климент [VII – Р.А.] писал его отцу [Василию III в 1525 г. – Р.А.], прося для купцов позволения провозить в Персию через Москвию шелковые материи». Царь, будто бы, лично пообещал торговцу, что он, в отличие от предшественника, даст такое разрешение [8, с. 133]. Кроме того, Тедальди дал папскому посланцу практический совет на будущее: для поездки в Персию через Казань и Астрахань следовало «взять кого-нибудь из польских [правильнее «литовских» – Р.А.] татар, которые хорошо владеют тамошними языками» [8, с. 134].

Во второй книге «Московии» перед нами предстает «некий человек», повстречавшийся автору перед отъездом в Москву (возможно, в Дисне?). Именно этот информатор сообщил Поссевино о ликвидации волжских ханств и о победе русских над турками под Астраханью (1569 г.). У него же иезуит выяснил, что «Московские земли не соприкасаются с Персией», так как между двумя державами лежит «область черкесов, простирающаяся на 8 дней пути» [11, с. 64-65]. На наш взгляд, версия В.И. Годовиковой о тождестве этого анонимного персонажа и Дж. Тедальди представляется вполне убедительной. Тот же собеседник рассказал Поссевино, что корабли могли «в определенные месяцы года» добраться до Каспия по Волге. Как видим, в глазах автора этот человек был настоящим экспертом по интересующим нас регионам. Иезуит признается, что обрушил на него «многочисленные вопросы» о Волге, Каспии и Персии [11, с. 64]. В той же беседе Поссевино узнал о захвате

турками Дербента в ходе персидско-османской войны 1578-1590 гг. Это означало, что теперь приходилось «проделывать более длинный путь в Персию через Московию» [11, с. 65]. Между прочим, этот отрывок можно считать косвенным подтверждением гипотезы о проезде Тедальди через Дербент около 1554 г.

Таким образом, экспертиза флорентийского торговца представляла собой важный источник информации для европейской публики, интересовавшейся Волжско-Каспийским транзитом. В этом смысле Дж. Тедальди, безусловно, внес персональный вклад в сбор и популяризацию сведений по соответствующей тематике. Главной его заслугой следует признать повествование о транзитной поездке в Персию в середине XVI в., пусть даже между самим путешествием и «интервью», данном в Дисне, прошло почти три десятка лет. В то же время нужно учесть, что рукописный отчет, содержавший воспоминания Тедальди, не предназначался для широкой общественности. Целевую аудиторию составляли представители римско-католических кругов, начиная с того же А. Поссевино. Трактат «Московия», напротив, стал сразу доступен для ознакомления, и нельзя исключать, что его «транзитные» фрагменты могли привлечь внимание европейцев, искавших обходные пути в Азию. Дальнейшая деятельность знаменитого иезуита, вопреки его амбициям, так и не привела к активизации усилий папства по освоению «русского транзита». С другой стороны, в том же трактате 1586 г. итальянец писал: «Как бы то ни было, ясно, что через Московию открывается путь в Азию с гораздо меньшими расходами и опасностями, чем через любую другую страну мира. Я имею в виду путь распространения христианской веры...» [11, с. 65]. Напрашивается мысль, что на этот вывод А. Поссевино надоумил все тот же Дж. Тедальди. Вполне возможно, что процитированным умозаключением руководствовались другие католические деятели, изучавшие «Волжско-Каспийскую» проблему уже в последующем столетии.

Примечания

1. Асташкин Р.С. Проблема транзитных путей в Азию в католических сочинениях о России XVI-XVII вв. // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: мат-лы XXXVI междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 11-12 октября 2017 г.). – М.: НИЦ “Институт стратегических исследований”; Перо, 2017. – С. 38-43.

2. Асташкин Р.С. Сведения о Волжском транзитном пути в “Описании Московии” А. Гваньини // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 35. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2024. – С. 8-11.

3. *Асташкин Р.С.* Сообщения Р. Барберини о Русском царстве в контексте проблемы Волжско-Каспийского транзита // Клио. – 2025. – № 1 (217). – С. 97-102.
4. *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итalo-русских связей в XV в. – М.: Наука, 1971. – С. 136-161.
5. *Гваньини А.* Описание Московии. – М.: Греко-Латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. – 182 с.
6. *Годовикова В.И.* Предисловие // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. – М.: МГУ, 1983. – С. 5-20.
7. Григорий XIII – Великому Князю Московскому Ивану Васильевичу // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. – М.: МГУ, 1983. – С. 148-150.
8. Известия Джiovanni Tedalldi о России времен Иоанна Грозного // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1891. – № 5. – С. 128-134.
9. *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. – Т. 1. – СПб., 1836. – С. 5-56.
10. *Контарини А.* Путешествие в Персию // Барбаро и Контарини о России. – М.: Наука, 1971. – С. 210-235.
11. *Поссевино А.* Московия. Книга II // Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. – М.: МГУ, 1983. – С. 40-76.
12. Путешествие в Москвию Рафаэля Барберини в 1565 году. Ст. 1 // Сын отечества. – 1842. – № 6. – С. 3-16.
13. Путешествие в Москвию Рафаэля Барберини в 1565 году. Ст. 2 // Сын отечества. – 1842. – № 7. – С. 3-48.
14. *Тьеполо Ф.* Рассуждение о делах московских // Исторический архив. – Т. III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – С. 327-344.
15. *Шмурло Е.Ф.* Известия Джiovanni Tedalldi о России времен Иоанна Грозного // ЖМНП. – 1891. – № 5-6. – С. 121-127.
16. *Щербакова Л.В.* Феномен пограничного города: Астрахань XVI-XVII веков в описаниях европейцев // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2012. – № 2 (54). – С. 123-129.
17. *Monticini Fr.* L'informativa per il cardinale di Avignone: Il contesto storico della cosiddetta Cronaca di Jacopo Tedaldi // Byzantium. – Vol. 93. – 2023. – Pp. 157-192.
18. *Tedaldi G.B.* Discorso sull'Agricoltura, ed. Marco Lastri. – Firenze, 1776.

Секция II «Актуальные проблемы российской истории»

УДК 94(470)

ХРОЛЕНКОК Е.В.
Республика Беларусь, г. Минск

Стародубский полк в Казанском и Крымском походе (1774-1778)

В статье на основе архивных источников освещается малоизвестный вопрос участия Стародубского полка в составе Малороссийского корпуса в подавлении восстания под руководством Емельяна Пугачева и в интервенции на территорию Крымского ханства для свержения Девлет Гирея в 1776 г.

Ключевые слова: Стародубский полк, Крымский поход, восстание Емельяна Пугачева, казаки, реформы в Малороссии.

**Khrolenok E.V.,
Republic of Belarus, Minsk**

Starodub Regiment in Kazan and Crimean campaigns (1774-1778)

Article, based on archival sources, describes the little-known issue of the participation of Starodub Regiment as part of Malorussian Corps in the suppression of the uprising led by Yemelyan Pugachev and the intervention in the territory of Crimean Khanate to overthrow Devlet Giray in 1776.

Keywords: Starodub regiment, Crimean campaign, uprising of Emelyan Pugachev, cossacks, reforms in Malorussia.

Стародубский полк – военно-административная единица в составе Войска Запорожского с 1654 г. Первоначально являлся частью Нежинского полка, но в 1663 г. получил полностью самостоятельный статус. Его региональным центром являлся г. Стародуб (сегодня, как и большая часть территории полка, входит в состав Брянской области Российской Федерации).

Казаки полка в разной степени принимали участие во всех военных кампаниях, которые вела Россия в период с 1654 г. по 1764 г. Однако с воцарением на престоле императрицы Екатерины II Войско Запорожское ждали глубокие реформы. Одним из поводов для них послужила Семилетняя война 1756-1763 гг., в процессе которой казаки показали свою слабую боеспособность.

С окончательным упразднением института гетманства высшая власть в Войске Запорожском перешла к назначенному в 1764 г. генерал-губернатором Малороссии П.А. Румянцеву. Тот, будучи человеком

военным, начал преобразования в регионе именно с реформы казацкой службы. Им был организован Малороссийский корпус, в состав которого вошел и Стародубский полк. В полк набирались только зажиточные казаки, способные обеспечить себя снаряжением и лошадьми. Свою службу они должны были нести, «не переменяясь», по правилам максимально приближенным к регулярным частям российской армии.

Начавшаяся вскоре русско-турецкая война 1768-1774 гг. показала, что реформы П.А. Румянцева были своевременны и эффективны. Однако, если участие малороссийских казаков (в том числе и стародубских) в вышеуказанном конфликте еще нашло отражение в историографии, то дальнейшая их служба, вплоть до упразднения полкового деления в 1782 г., обделена таким вниманием. Данная работа является попыткой восполнить этот пробел.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. завершилась Кючук-Кайнарджийским миром, и стародубские казаки, воевавшие в составе второй армии получили возможность вернуться домой. За время их отсутствия Стародубский полк утратил свой пограничный статус, так как в результате первого раздела Речи Посполитой государственная граница России была отодвинута на восток. Однако ситуация на новоприсоединенных территориях еще оставалась сложной. Поэтому на стародубцев была возложена обязанность по охране «старой» границы по Могилевской губернии [0, л. 126об.].

В то же время с конца 1773 г. в Поволжье разгоралось народное восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Военные успехи повстанцев вынудили российское правительство изыскивать дополнительные силы для их усмирения. 15 января 1774 г. последовал императорский указ о наряде в Казанскую губернию со всех полков 1000 малороссийских казаков «доброконных, с надлежащим числом надежных старшин» [0, л. 1а]. Сборным местом команды назначался г. Глухов, куда Стародубский полк должен был прибыть уже 10 февраля. Оттуда, учитывая особую надобность в войсках в Поволжье, казакам было приказано, не дожидаясь подхода других частей, следовать в Казань через Ливны, Воронеж, Новохоперскую крепость, Саранск, Алатырь и Свияжск. Общая протяженность маршрута составила 1153 версты [0, л. 3-5]. По прибытии в Казань стародубцы должны были поступить в распоряжение генерал-аншефа А.И. Бибикова.

4 февраля 1774 г. 300 выборных стародубских казаков выступили в поход во главе с полковым хорунжим Кондратом Лайкевичем, при трех сотниках: погарском, второпочепском и шептаковском, четырех значковых товарищах, наказном писаре и семи сотенных старшинах. Кроме того, команду сопровождали на повозках 30 погонщиков из чис-

ла казаков подпомощников, а также слюсарь, кузнец и коновал. Каждый из выборных казаков был при одной лошади, вооружен ружьем, саблей и пикой, а в снаряжении имел 1 ладунку, 30 патронов с пулями, 1 фунт пороха и 12 кремней [0, л. 16,22].

Из Глухова малороссийские казаки отправлялись тремя партиями – 12, 13 и 16 февраля. Стародубцы, как быстро прибывшие в сборный пункт, были включены во вторую команду [0, л. 2об.].

О непосредственном участии Стародубского полка в военных действиях сведений пока обнаружить не удалось. Известны лишь эпизодические случаи применения малороссийских казаков при подавлении восстания Е. Пугачева. Например, в мае 1774 г. 300 из них были направлены к Бузулукской крепости для истребления повстанцев.

После подавления восстания Е. Пугачева стародубцы продолжали находиться на территории Казанской губернии, вплоть до 1778 г. Здесь, вероятно, на них была возложена обязанность несения полицейской и конвойной службы. За время этого похода Стародубский полк понес значительные потери не только в результате прямых столкновений с противником, но и вследствие болезней. Так, к июню 1778 г. из 300 выборных казаков осталось лишь 256, из которых 13 характеризовались как «обнищавшие» [0, л. 126].

Кючук-Кайнарджийский мир, хоть и завершил русско-турецкую войну 1768-1774 гг., но не закончил спор о судьбе Крыма между Османской и Российской империями. При этом воцарение протурецки настроенного хана Девлет Гирея совершенно не устраивало последнюю. В качестве альтернативного кандидата Россией рассматривался его родственник Шахин Гирей, которого провозгласили ханом Кубани. Уже в начале 1776 г. российское правительство в С.-Петербурге начало активную подготовку к утверждению его на ханском престоле.

28 апреля 1776 г. граф П.А. Румянцев предложил «привести во всю воинскую надлежащую исправность» 3000 казаков. А 3 мая об этом уже был издан императорский указ. Учитывая, что на Стародубский полк была возложена обязанность по охране старой границы, а треть полка еще находилась в Казанской губернии, то в Крымский поход должны были выступить лишь 100 стародубцев. Распоряжение также устанавливало необходимость комплектования корпуса надлежащим количеством старшин. Так, в соответствии с предложением графа П.А. Румянцева еще от 1767 г., командирами над отрядами от 25 до 30 человек назначались атаманы, от 100 чел. до 150 чел. – сотник и хорунжий, свыше 300 чел. – один из представителей полковой старшины, и далее по пропорции. Над частями от 1000 казаков и выше коман-

диром назначался полковник или за него полковой обозный, есаул и хорунжий по одному [0, л. 4-5].

Стародубская полковая канцелярия получила императорский указ 10 мая, а уже 21-го числа того же месяца команда казаков выступила из сборного места в с. Андрейковичи в поход. Руководство отрядом было возложено на бакланского сотника Николая Ноздрю и трех сотенных старшин: атамана и двух хорунжих. Также при казаках на каждые 10 человек имелась повозка троеконная с погонщиком, загруженная принадлежащими им инструментами: топорами, сверлами, долотами и косами, а, кроме того, запасом провианта на 1 месяц. Команда стародубцев передавалась в распоряжение генерал-майора И.В. Гудовича. От него в полковую канцелярию еще 15 мая поступило распоряжение, которым предписывалось «таковых казаков отправить немедленно к Чигириин Дубраве, где и ожидать о дальнейшем марше от него повеления» [0, л. 12,14,16].

Вероятно, по прибытию в указанное место команда Стародубского полка вместе с другими российскими частями была направлена в Крым, куда и вступила осенью того же года. Приняв участие в возведении на престол Шахин Гирея, она оставалась там еще до 1778 г., обеспечивая лояльность крымских элит. К тому времени стародубцы потеряли лишь 3 чел., однако 13 казаков были признаны обнищавшими [0, л. 131об.].

Таким образом, несмотря на отсутствие крупных военных конфликтов, Стародубский полк в 1770-е гг. продолжал нести службу не только на границе Российской империи, но и в дальних командированиях. При этом возможность проявить себя на поле боя помогла многим казакам сделать успешную военную карьеру, что, в свою очередь, в дальнейшем способствовало их легкой интеграции в российское дворянство.

Примечания

1. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАК). – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 11199.
2. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 8471.
3. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 8474.
4. ЦГИАК. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 10065.

Георгиевский трактат в системе русско-грузинских отношений XVIII века

Рассмотрены отношения между Грузией и Россией, которые складывались на протяжении длительного времени и завершились подписанием Георгиевского трактата, по которому Грузия была присоединена к Российской империи.

Ключевые слова: Грузия, Российская империя, XVIII век, трактат, Северный Кавказ, русско-грузинские отношения.

**Velagaev Y.T., Garunova N.N.,
Russia, Dagestan, Makhachkala**

St. George's Treatise in system of Russian-Georgian Relations of XVIII century

Article examines the relations between Georgia and Russia, which developed over a long period of time and ended with the signing of the Treaty of Georgievsk, according to which Georgia was annexed to the Russian Empire.

Keywords: Georgia, Russian Empire, XVIII century, treaty, North Caucasus, Russian-Georgian relations.

Отношения между Россией и Грузией имеют достаточно долгую историю, но по факту официально начало им было определено со второй половины XVIII в., когда между двумя государствами был заключен договор.

Георгиевский трактат 1783 г. – военно-политическое соглашение между Российской империей и Картли-Кахетинским царством, утверждавшее российский протекторат над Восточной Грузией. Своё название трактат получил из-за того, что был подписан официальными представителями обеих государств в городе Георгиевск.

В современной политической обстановке возникают многочисленные дискуссии по поводу значимости для Грузии заключения Георгиевского трактата о добровольном вхождении в Российскую империю. Рассмотрены особенности исторического развития Грузии в конце XVIII в. Исследование взаимоотношений двух государств через призму исторического наследия выявило положительную оценку современниками покровительства России, принесшего мир на разоряемые соседи.

ними государствами земли, экономические и культурные блага для Грузии [1, с. 15].

В течение XVI-XVIII вв. грузинский народ боролся за сохранение своей идентичности, пытаясь лавировать между этими государствами. Порой Грузии удавалось обеспечить относительно приемлемый, а порой даже привилегированный статус в составе этих держав, но религиозный барьер оказался, в конечном счете, непреодолимым препятствием для возможной интеграции. В этих тяжелых условиях в стране постепенно формировалась и крепла надежда на помощь со стороны России [2, с. 26]. Попытки грузино-русского сближения имели место еще в XVI-XVII вв., но без серьезных последствий. Первая реальная попытка установления долговременного и прочного союза с Россией была предпринята лишь на закате эпохи Петра I.

Обострение отношений между странами, негативное восприятие России мировым сообществом вызвало многочисленные дискуссии, отражающие полярные мнения историков и политологов. Предметом национальной рефлексии закономерно становится история страны и ее взаимоотношения с другими государствами. На современном этапе такая рефлексия приводит к переоценке и прямой фальсификации исторических фактов и событий. Осмыслению взаимоотношений России и Грузии на историческом поле посвящены многочисленные работы ученых.

Георгиевский трактат значительно укрепил положение Российской империи в Грузии и одновременно с этим подорвал позиции Османской империи в данном регионе.

Договор был заключен 24 июля (4 августа) 1783 г. в крепости Георгиевск (Северный Кавказ) и подписан от имени России генерал-аншефом, князем Павлом Сергеевичем Потемкиным, от имени Грузии – князьями Иванэ Багратион-Мухранским и Гарсеваном Чавчавадзе. 24 января 1784 г. Георгиевский трактат вступил в силу.

Георгиевский трактат состоял из преамбулы, 13 основных и 4 сепаратных статей, или артикулов. К ним прилагался текст присяги, которую должен был принять грузинский царь на верность России, а также дополнительный артикул о порядке наследования грузинского престола.

В целом, последствия Георгиевского трактата для Грузии были двойственными. С одной стороны, она была защищена от агрессии со стороны Турции и Персии, с другой – утратила независимость (впоследствии, в 1811 г. даже и церковную). Тем не менее, протестные выступления в стране утихли довольно быстро, поскольку позитивные результаты союза с Россией, все же, преобладали [3, с. 87].

Важное значение Георгиевского трактата состояло в установлении протектората России над Восточной Грузией, резко ослабившего в Закавказье позиции Турции и Ирана, а также формально уничтожившего их притязания на Грузию. Наряду с этим, в 1783 г. в связи с подписанием трактата были предприняты меры для установления более тесных коммуникаций двух стран, а также началось строительство Военно-Грузинской дороги. По ее маршруту были сооружены важные укрепления и крепости, в том числе Владикавказ (1784 г.).

Георгиевский трактат, принесший мир на разоряемые соседними государствами земли Грузии, экономические и культурные блага для этой страны, крайне важен для восстановления добрососедских, партнерских отношений между Россией и Грузией.

Примечания

1. Клычников Ю.Ю. “Всероссийская империя служила защитою, помощью и убежищем”: Георгиевский трактат в истории русско-грузинских отношений: науч. изд. / под. ред. проф. Ю.Ю. Гранкина. – Пятигорск: ПГУ, 2023. – 66 с.
2. Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. Комментарии Г.А. Анакидзе и Б.П. Миловидова. – СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2009. – 262 с.
3. Бочвардзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузинско-русских политических взаимоотношениях XVI - XVIII веков. – Тбилиси: изд-во “Мецниереба”, 1974. – 106 с.

УДК 334.7(47):636.1”19”

МЕЛЬНИКОВА Д.А.
Россия, г. Санкт-Петербург

Государственное коннозаводство в Российской империи в 1820-1830-е гг.

В первой половине XIX в. в Российской империи возникла необходимость реформирования коневодческой отрасли, в первую очередь, с целью разведения лошадей для нужд армии. Основным источником пополнения кавалерии и других войск должны были стать военно-конские и придворные заводы, породистые составы которых позволяли сосредоточиться на разведении именно верховых лошадей. В статье на основе комплекса неопубликованных архивных материалов, публицистических работ и нормативно-правовых актов рассматриваются основные направления деятельности государственных ведомств по реформированию и созданию новой системы государственного коннозаводства.

Ключевые слова: Россия, XIX век, государственное коннозаводство, коневодство, сводные служебные конюшни, Комитет о коннозаводстве Российской, военные конские заводы.

Mel'nikova D.A.,
Russia, St. Petersburg

State horse breeding in Russian Empire in the 1820s and 1830s.

In the first half of 19th century Russian Empire faced a need to reform its horse breeding industry, the main goal of the reform was to breed horses for use in the army. The military and court factories were seen as the main sources of horses for the cavalry and other troops. The thoroughbred compositions from these factories allowed for the breeding of riding horses. This article, based on a collection of unpublished archival materials, journalistic works, and regulatory legal acts, examines the main efforts of government agencies to implement the reforms and establish a new system for state horse breeding.

Keywords: Russia, 19th century, state horse breeding, horse breeding, consolidated horse stables, Committee on Russian horse breeding, military stud farms.

Первую половину XIX в. в экономической и аграрной истории России по праву можно назвать периодом коннозаводских реформ, когда в системе органов государственного управления для модернизации и управления коневодческой отраслью государством стали создаваться специализированные ведомства. В результате Отечественной войны 1812 г. русская кавалерия потеряла немалую часть конского поголовья, что требовало оперативных мер по его восстановлению. Это явилось толчком к серьезным преобразованиям в структуре государственного управления.

Еще в 1807 г. министр внутренних дел В.П. Кочубей выступил с проектом по учреждению военных конских заводов для выведения лошадей с целью ремонтирования армии. В проекте отмечалось, что «... нужно обратить внимание на конские заводы, потому что сие может иметь влияние на ремонты кавалерийские. ...Известно, что многие владельцы уничтожают совсем, или уменьшают свои заводы. ...полезным казалось бы учредить несколько конских казенных заводов в Новороссийском крае, вместо Рязани, Владимира и прочих мест» [1, с. 74-75]. В 1819 г. указом Александра I было повелено: «Составить Комитет для соображения средств относительно ремонтирования гвардейских конных полков и артиллерии лошадьми из казенных заводов и управления этими заводами» [2, с. 55]. В том же году казенные заводы были разделены на придворные и военные.

В 1818 г. при кавалерийских округах военных поселений стали создаваться конские заводы в Херсонском, Бобринецком, Александрий-

ском уездах Херсонской губернии и на территории Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии. «Главным источником для укомплектования плодового состава этих военно-конских заводов послужили дворцовые заводы, давшие туда маток» [3, с. XVI]. Кроме того, в годы правления Александра I в Старобельском уезде Харьковской губернии построили три военных конских завода: Стрелецкий (1805 г.); Лимаревский (1822 г.); Ново-Александровский (1825 г.) [1, с. 76-78]. К концу правления Александра I на европейской территории России функционировало 17 военных конских заводов, кроме трех вышеперечисленных – Скопинский в Рязанской губернии, Починковский в Пензенской и Нижегородской губерниях, Деркульский в Харьковской губернии и 11 на территории военных поселений [3, с. XVI]. По штату 1823 г. было определено каждый год отбирать 576 лошадей для кавалерии, что было весьма затруднительно. Только в 1825 г. в ремонт поступило 287 лошадей [1, с. 82].

Помимо военно-конских заводов, оставалось три дворцовых – Бронницкий, Гавриловский и Хорошевский в Московской губернии, из которых два последних и Пахринская сводная случная конюшня в той же губернии были упразднены в 1829 г. [4, с. 256]

Главным источником комплектования военных конских заводов лошадьми в первое время служили дворцовые конские заводы. Из них поступали, преимущественно, заводские матки. Позже для заводов были приобретены лошади у графини А.А. Орловой-Чесменской, у частных лиц в Малороссии, в Англии, Дании, Голштинии, Турции, а также поступали «даримые Государю разными ханами ...иностранными посланниками и русскими богатыми людьми» [1, с. 84-85]. Вопросу правильного подбора породистого состава уделялось не так много внимания. Исключение могли составить императорские заводы, в которых непосредственное участие принимал император Александр I, «поддерживал породу» путем приобретения английских и арабских жеребцов [1, с. 86], а также приобретал лошади у частных лиц.

Для управления коннозаводской системой в 1819 г., взамен экспедиции государственных конских заводов, был учрежден Комитет для управления военно-конских заводов, а управление придворными конскими заводами подчинено Придворной конюшенней конторе [2, с. 55]. В 1833 г. Комитет преобразовали в Комитет о коннозаводстве Российском и Управление императорских военно-конских заведений [5, с. 43]. В дальнейшем ведомства снова подверглись реформированию, что привело к созданию Управления государственного коннозаводства, просуществовавшего до 1918 г. [6, с. 174] До 1842-1843 гг. Комитет о коннозаводстве российском изыскивал «все средства к улучшению лошадей в

Государстве и к водворению порядка о сохранении в известности пород конских ...» и «... собирал сведения от местных начальств и заводчиков к улучшению коннозаводства относящиеся» [7, л. боб.].

Согласно высочайше утвержденному докладу Комитета о конских заводах от 24 января 1833 г., на территории европейской части России планировалось учредить шесть сводных случных конюшен «для поддержания внутреннего в Империи коннозаводства» [8, л. 3]. Ранее по правилам Комитета о конских заводах от 26 марта 1826 г. при Скопинском и Починковском военных конских заводах производилась случка помещичьих и крестьянских кобыл с казенными жеребцами [9, л. 1].

Первой была учреждена конюшня в Ельце Орловской губернии, где для случки определялись жеребцы английской скаковой, арабской и голландской пород. Отмечалось, что кровь данных жеребцов будет полезна для «произведения ...кирасирских и упряжных лошадей», а благодаря голландской крови «ожидать возможно рысистых лошадей» [9, л. 6].

Следующую конюшню создали в Москве вместо планируемого по плану Ревеля. Как отмечал член отделения скакового общества А.Н. Дьяков, «...сводня конюшня должна быть устроена там, где с большею удобностью могут ...коннозаводчики ею пользоваться ...Москва, есть то место, которое заключает в себе нужные для сего дела условия, почти все лучшие заводы кровных лошадей приводят в Москву свои ремонты, для продажи, и присылают своих кобыл для случки с жеребцами английских барышников ...сами владельцы оных заводов, из которых большая часть находится членами Московского скакового общества, имеют в Москве постоянное или временное свое пребывание» [8, л. 23,23об.]. Породистый состав жеребцов Московской конюшни также включал представителей арабской и английской кровей [9, л. 7]. Для своевременной подачи заявки на случку частной кобылы коннозаводчиков извещали в «Московских ведомостях». Состав конюшни включал двух скаковых, одного рысистого и одного каретного жеребца [8, л. 25]. Смотрителем конюшни назначался чиновник коннозаводского ведомства.

В течение 1834 г., по сведениям Управления, было выдано 154 свидетельства на случку в Московской конюшне, 147 – в Елецкой конюшне, 67 – в Ревельской конюшне, 52 – при Скопинской конюшне и 27 – при Починковской конюшне [10, л. 1-1об.]. В 1835 г. случные конюшни располагались в Москве, Ельце Орловской губернии, Ромнах Полтавской губернии, в Ревеле Эстляндской губернии и Пензе [11, л. 2]. В 1836 г. сводную конюшню учредили в Екатеринославле [12, л. 24].

Штат конюшни формировался из нижних чинов, ранее служивших при других конюшнях.

Посредством конюшен заводчики получали возможность «улучшить без значительных издержек породы лошадей» [9, л. 14]. Коннозаводчики и владельцы лошадей подавали специальное объявление до 1 октября. К случке допускались кобылы, имевшиеся у лиц всех сословий. Устройство кобыл в конюшнях, их доставка представлялись «собственному распоряжению Г. Главного Директора Императорских военно-конских заведений [9, л. 10]. Штат каждой сводной случной конюшни включал: смотрителя, ветеринарного помощника, нарядчика и нижних чинов в качестве конюшенной прислуги. Попечитель конюшни (конюшен) следил за исполнением обязанностей смотрителя, содержанием лошадей и их здоровьем.

С 1826 г. по 1841 г. учредили 12 сводных конюшен. Как отмечал Д.Н. Дубенский: «Состав их был ничтожен: на каждую полагалось всего по 5 случных жеребцов, 1 пробнику и 1 рабочему мерину» [3, с. XVII]. Большинство жеребцов относились к чистокровной и полукровной английской породам, что не могло дать хороший результат для разностороннего развития коневодческой отрасли. Кроме того, плата за случку с казенным жеребцом была весьма высока от 25 до 100 руб. ассигнациями. В 1842 г. при создании Управления государственного коннозаводства сводные случные конюшни упразднили, а с 1843 г. в губерниях с наиболее высоким уровнем развития коневодства стали создаваться земские случные конюшни [13, с. 76].

Помимо управления конными заводами и создания сети сводных случных конюшен Комитет о коннозаводстве заведовал вопросами императорских скаковых призов [5, с. 44]. Основными центрами скачек в 1830-е гг. являлись Санкт-Петербург, Москва и Лебедянь. Ежегодно для каждого пункта проведения скачек определялись суммы и категории призов.

Таким образом, 1820-1830-е гг. стали первым этапом становления органов государственного коннозаводства. В данный период основной целью поддержки конных заводов была необходимость ремонтирования армии. Создание сети сводных случных конюшен по планам руководства коннозаводского ведомства должно было повлиять, в целом, на улучшение коневодческой отрасли. Однако высокая стоимость случки и ограниченный породистый состав казенных жеребцов не позволяли масштабно повлиять на отрасль. Системе государственного коннозаводства предстояло пройти путь очередной реформы при Николае I в начале 1840-х гг. Именно тогда была создана уже более «стройная» и

отвечавшая объективным требованиям отрасли структура органов государственного коннозаводства.

Примечания

1. Зезюлинский Н.Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России: в 3 вып. – Вып. 3. – СПб.: типо-лит. Месника и Римана, 1893. – 223 с.
2. Мердер И.К. Исторический очерк русского коневодства и коннозаводства. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 159 с.
3. Дубенский Д.Н. Коневые средства Европейской России: (Обследование современного состояния коннозаводства и коневодства губерний Европейской России с историческим очерком). – СПб.: Гл. штаб, 1903. [6], XIV. – 420 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. – Т. IV. – СПб., 1830.
5. ПСЗ. Собр. 2. – Т. VIII. – СПб., 1834.
6. Мельникова Д.А. Органы государственного коннозаводства во второй половине XIX - начале XX в // XXI Царскосельские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25-26 апреля 2017 года). – СПб.: Ленинград. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2017. – С. 171-175.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 410. – Оп. 1. – Д. 22.
8. РГИА. – Ф. 410. – Оп. 1. – Д. 79.
9. РГИА. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 204.
10. РГИА. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 244.
11. РГИА. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 307.
12. РГИА. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 298.
13. Мельникова Д.А. Земские и заводские случные конюшни Российской империи во второй четверти XIX - начале XX вв // Клио. – 2018. – № 5(137). – С. 76-84.

УДК 94(470.638/479.22):342.5

ПСИХОМАХОВА А.Р.

Россия, г. Москва

Деятельность М.С. Воронцова на посту наместника на Кавказе (1844-1854)

В статье рассматривается биография светлейшего князя генерал-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова, его деятельность на посту Кавказского наместника. М.С. Воронцов являлся выдающимся государственным деятелем Российской империи в середине XIX в.

Ключевые слова: М.С. Воронцов, политика, наместник, Кавказ, горцы, реформа, князь, генерал-фельдмаршал.

M.S. Vorontsov's activity as Governor of Caucasus (1844-1854)

Article deals with the biography of Prince General Field Marshal Mikhail Semenovich Vorontsov, his activities as governor of Caucasus. M.S. Vorontsov was an outstanding statesman of Russian Empire in the mid-19th century.

Keywords: M.S. Vorontsov, politics, governor, Caucasus, mountaineers, reform, prince, field marshal general.

Процесс становления Российского государства предполагает политico-административные и экономические преобразования, поэтому в этих условиях очень ценным является опыт такого института, как Кавказское Наместничество. Особую роль в функционировании которого играл видный российский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал Михаил Семенович Воронцов (1782-1856).

В 1803 г. М.С. Воронцов по собственной инициативе решил отправиться на Кавказ. Здесь он был прикомандирован к кавказским войскам, во главе которых стоял П.Д. Цицианов. Воронцов выполнял различные поручения кавказского главнокомандующего князя, за что его произвели в капитаны, минуя чин штабс-капитана. По настоянию родственников он вернулся в С.-Петербург. Однако здесь пробыл недолго, поскольку с 1805 г. начал участвовать в военных кампаниях против наполеоновской Франции [1]. В 1823 г. М.С. Воронцова назначают генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабской области.

В этот период главной проблемой Российской империи стал Кавказ, где боевые действия не приносили реальных результатов. Тогда император Николай I решил интегрировать этот регион в состав империи экономическими и политическими методами. Вводилась новая должность – наместник Кавказа. В функции наместника входило решение целого спектра гражданских и военных вопросов, причем без консультации с Петербургом. Кандидатура графа М.С. Воронцова была, разумеется, наилучшей для должности наместника. Есть воспоминания племянника А.Х. Бенкендорфа К.К. Бенкендорфа, который писал: «Человек совершенно независимого характера и, как ходили слухи, граф был в больших конфликтах с правительством... Говорят, что Государь в этом отношении подчинился обстоятельствам» [2, с. 13]. Сам Михаил Семенович не был особо рад предложению занять пост кавказского наместника, ведь ему уже шел 63-й год. Учитывая состояние дел на Кавказе, ему предстояло решать множество проблем, связанных, как с организацией боевых действий, так и с устройством мирной жизни. По-

этому он счел невозможным отказаться от просьбы императора. В Петербурге учредили Кавказский комитет, независимый от министров и главноуправляющих различных ведомств. В его состав вошли влиятельные чиновники, обладавшие значительными полномочиями. Задачей Кавказского комитета являлся контроль над теми делами Кавказа, которые выходили за пределы власти наместника.

24 марта 1845 г. граф М.С. Воронцов прибыл в Тифлис. Воронцов мог отстранить от должности, предавать суду и лишать чинов офицеров, а также производить в офицеры на поле боя, повышать в чине, награждать золотым оружием и «младшими» степенями орденов св. Георгия, св. Владимира, св. Анны и св. Станислава. В гражданской сфере он также мог решать самостоятельно основные вопросы, касающиеся политической, экономической и культурной жизни края. Наместник контролировал аппарат управления, местные правительственные учреждения, невзирая на их ведомственную принадлежность, имел право связываться с министрами, распоряжения которых, обязательные для всей страны, на Кавказе вводились только после личного утверждения М.С. Воронцовым, который проверял степень их соответствия региональным условиям, мог самостоятельно вести некоторые дипломатические переговоры с правительством соседних стран. При особых случаях он должен был обращаться за указаниями к императору. Как указывал Дж. Баддели: «Имя и слава графа Воронцова притягивали к нему самых блестящих аристократов из Санкт-Петербурга и Москвы» [3, с. 281].

Несмотря на неудачи на военном поприще, Михаилу Семеновичу был пожалован титул князя на Кавказе. Воронцов говорил: «Я был прежде старый граф, а теперь стал молодым князем» [4, с. 80].

Воронцову приходилось бороться со злоупотреблениями офицеров Отдельного Кавказского корпуса и чиновников. Знакомясь еще в столице с положением дел в регионе, он «проникся твердым убеждением в господстве в Кавказском крае необузданного своеволия, в повторстве, оказываемом всеми и каждым, противозаконным деяниям» [5, с. 699]. Казнокрады внушали ему «чувство крайнего нерасположения, которого он не скрывал даже перед туземным населением» [6, с. 220].

У себя в канцелярии Воронцов установил желтый ящик для анонимной подачи жалоб на противозаконные действия своих подчиненных, причем эти дела рассматривались лично князем. Принятые им решения порой противоречили законам. Так, однажды в Тифлисе повешены были разом девять горцев, уличённых в разбое, грабеже и убийстве. Когда ему однажды доложили, что отдаваемое им приказание противно закону, он ответил: «Если бы здесь нужно было только ис-

полнять законы, Государь прислал бы сюда не меня, а Полный Свод Законов» [7, с. 379]. Воронцов часто прибегал к суду по полевому уголовному уложению, полагая, что форма суда безразлична, лишь бы суд был правый и скорый. Михаил Семенович понимал, что законы Российской империи в те годы были несовершенны, поэтому иногда поступал так, как считал справедливым. Разумеется, имелись в ящике и ложные доносы, поэтому наместник порой ошибался в принятии своих решений.

Понимая, что война – это грандиозное стихийное бедствие, Воронцов предпочитал работу мирного деятеля. А главной своей целью он считал не «покорение» Кавказа, а установление там прочного мира. Снятие с народа некоторых тягостей, уничтожение какой-нибудь пошлины на хлеб и соль. Торговля ещё только зарождалась, отсутствовало хорошее морское сообщение. Поэтому для привлечения переселенцев в благодатный край Воронцов предлагал многочисленные льготы. Не было почти ни одной отрасли государственного хозяйства, которой бы не коснулась рука нового правителя.

Михаил Семенович создал в Тифлисе торговую полицию. Эти меры позволили уменьшить цены на продовольствие, которое теперь продавали сами производители без посредничества перекупщиков. М.С. Воронцов позволил местным жителям лечиться в военных лазаретах, причем за казенный счет, уделял внимание размежеванию казачьих и горских земель, чтобы не возникало раздоров по данному вопросу.

При Воронцове сильно изменился социальный облик Тифлиса: «Фрак и чоха, чепчик и чадра, караван и карета, итальянская ария и строгая грузинская полифоническая песня, полонез и лезгинка, европейские магазины и восточный базар». Как писала О.Ю. Захарова: «Европейская культура постепенно стала теснить восточную патриархальную обстановку. Модистки из Одессы и Парижа привили вкус к европейскому туалету» [8, с. 339-340]. В.А. Сологуб писал в своих воспоминаниях: «Общество русское, хотя тогда и еще небольшое, было, тем не менее, в Тифлисе избранное, общество туземное с каждым днем все более и более примыкало к нему» [9, с. 513]. Для сближения русской и грузинской аристократии регулярно устраивались балы, вечера, концерты. При М.С. Воронцове положение женщин менялось. В.И. Немирович-Данченко отмечал: «Повсюду организуются, до тех пор неизвестные, благотворительные общества, куда впервые получает доступ теремная затворница... для нее открыли училище Св. Нины, и несколько лет спустя в местном обществе уже появляются образованные по тому времени девушки». Поменялся и внешний облик Тифлиса: «М.С. Воронцов для Тифлиса был в одно и то же время и межевик, и архитектор, и чуть ли не каменщик; город рос не по дням, а по часам, он рас-

ширялся, устраивался и застраивался. Всюду прокладывались новые улицы, пустыри покрывались общественными сооружениями» [10, с. 505-506].

Учитывая специфику региона, Воронцов учредил «Кавказское общество сельского хозяйства». На собственные средства наместник выращивал и распространял здесь виноградные лозы и черенки плодовых деревьев, а также тонкорунных овец и баранов. Одновременно Михаил Семенович поощрял развитие в крае ремесел и промышленного производства. Он даже устроил в Тифлисе выставку, где можно было увидеть образцы местных изделий и добываемых минералов. При нем на Кавказе началась разработка запасов каменного угля, стал работать серебряно-цинковый завод.

Особое внимание князь уделял развитию на Кавказе путей сообщения и внедрению здесь новейших видов транспорта. При нем строились дороги, мосты, портовые сооружения, началось регулярное пароходное сообщение между кавказскими и крымскими портами. В городах Кавказа ежегодно происходили ярмарки. Сам наместник, напротив, полагал, что транзитная торговля Европы с Востоком через Кавказ, естественно, под строгим контролем России, могла бы и принести империи доход, и оказать сильное умиротворяющее действие на местное население.

М.С. Воронцов знал цену образованию и помогал делу просвещения вверенных ему областей, учреждая здесь учебные заведения [11, с. 841]. Он принял большое количество различных постановлений и указов. Часть из них относилась к возможности обучения горцев в учебных заведениях, как в местных, так и в столичных. Например, в Екатеринодаре открылась Кубанская учительская семинария, а в Тифлисе – учебное заведение св. Нины для девушек, в Андреанополе – уездное училище, в Ставрополе – женский пансион и женское училище св. Александры. При Воронцове учреждаются мусульманские училища в Тифлисе, Дербенте, Шуше и Елизаветполе. По итогам поездки в Осетию в 1847 г. В.С. Толстым было принято решение о преподавании во Владикавказском училище осетинской письменности [12, с. 266-267]. Для улучшения управления учебным процессом кавказские и закавказские учебные заведения передали из Ставропольского учебного округа в непосредственное управление канцелярии наместника Кавказа. В 1846 г. в Тифлисе при канцелярии наместника открылась библиотека и нумизматическая коллекция, учредили публичные библиотеки, открылся первый русский театр.

Наместник Кавказа М.С. Воронцов уделял внимание массовому распространению информации, поэтому при нем учредили ряд печатных

изданий. В 1845 г. стала выходить газета «Кавказ», а в 1846 г. – «Закавказский вестник», а еще через два года появилась литературная газета на армянском языке «Аракат», в 1850 г. – «Ставропольские губернские ведомости». С 1847 г. стал также издаваться многостраничный «Кавказский календарь».

При М.С. Воронцове были созданы условия для удовлетворения религиозных потребностей. Так, в Ставрополе была основана духовная семинария, выпускники которой должны были распространять на Кавказе христианство. Огромную поддержку в своих начинаниях оказывала Воронцову его супруга. А.М. Дондуков-Корсаков писал о ней: «Незабвенную оставила по себе память на Кавказе княгиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова, жена главнокомандующего, обратив внимание на безвыходное положение дочерей кавказских офицеров. Попечениями и пожертвованиями ее устроено было в Тифлисе воспитательное заведение Св. Нины, а также в Ставрополе и, наконец, в Эривани для дочерей служащих на Кавказе, и этим упрочилась судьба и будущность сотен сирот и заброшенных на Кавказ детей офицеров» [13, с. 428].

М.С. Воронцов был человеком, способным соединить преданность делу и любовь к Отечеству. Его заслуги в экономическом и культурном развитии региона очень велики, его деятельность способствовала интеграции Кавказа в Российскую империю.

Примечания

1. Коршунов Э.Л., Щерба А.Н. Российское военное присутствие во Франции в 1815-1818 гг. // Военно-исторический журнал. – 2017. – № 9. – С. 12-19.
2. Колюбакин Б.М. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года. – СПб.: тип. Т-ва п.ф. “Электро-тип. Н.Я. Стойковой”, 1911. – 123 с.
3. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими / пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2010. – 351 с.
4. Огарков В.В. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность: Биогр. очерки В.В. Огаркова: С портр. кн. М.С. Воронцова, грав. в Лейпциге Геданом. – СПб.: тип. товарищ. “Общ. польза”, 1892. – 96 с.
5. Щербинин М.П. Заметки по поводу рассказа о деле флигель-адъютанта Копьева // Русская старина. – 1873. – Т. 7. – Кн. 4. – С. 698-704.
6. Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе: (1842-1867). Ч. 1: 1842-1851. – СПб.: тип. А.С. Суворина, 1879. – 424 с.
7. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. – 1884. – Кн. 1-2. – М.: Университет. тип., 1884. – С. 331-390.
8. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М.: Центрполиграф, 2001. – 380 с.
9. Сологуб В.А. Повести. Воспоминания. – Л.: Худ. лит. ЛО, 1988. – 720 с.

10. Немирович-Данченко В.И. Горе забытой крепости: роман // Избранные произведения: в 2 т. – Т. 2. – Нальчик: Эль-Фа, 1998. – 551 с.

11. Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. X: [Кавказ и Закавказье за времена управления генерал-адъютанта генерала от инфanterии князя Михаила Семеновича Воронцова, 1844-1854] / под ред. Ад. Берже. – Тифлис: тип. Главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1885. – 936 с.

12. Из служебных воспоминаний В.С. Толстого. Поездка в Осетию в 1847 году // Русский архив. – 1875. – № 7. – С. 279-282.

13. Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. / сост. Я. Гордин. – СПб.: Изд-во журнала “Звезда”, 2000. – С. 408-506.

УДК 94(47).081"1862"

ФОКИН Ф.А.
Россия, г. Санкт-Петербург

Подготовка к открытию памятника тысячелетия России при участии чинов Морского гвардейского экипажа

В статье представлен исторический материал о проведении мер по подготовке к открытию в 1862 г. памятника тысячелетия России в Великом Новгороде. Автор статьи акцентирует внимание на деятельности чинов Морского гвардейского экипажа, а также о материально-бытовой подготовке матросов и офицеров к этому празднованию. Автором статьи использованы документы и материалы Российского государственного архива военно-морского флота, ряд из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: памятник тысячелетия России, Великий Новгород, 1862 г., Морской гвардейский экипаж, моряки-гвардейцы, гвардейский корпус, повседневная служба.

**Fokin F.A.,
Russia, St. Petersburg**

Preparations for the opening of monument to Millennium of Russia with the participation of officials of Marine guards crew

Article presents historical material on the measures taken to prepare for the opening of the Russian Millennium Monument in Veliky Novgorod in 1862. Author of the article focuses on the activities of the ranks of Marine guard crew, as well as on the material and household training of sailors and officers for this celebration. Author of the article uses documents and materials from the Russian State Archive of Navy, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: monument of the Millennium of Russia, Veliky Novgorod, 1862, Marine Guards crew, guard sailors, Guards corps, daily service.

В течение XIX в. – начале XX в. Морской гвардейский экипаж представлял собой крайне привилегированную часть российских вооружённых сил. На протяжении десятилетий моряки-гвардейцы выполняли, наряду с воинской, совершенно разнообразные функции. Одна из ведущих их задач заключалась в участии в различных торжественных мероприятиях. И именно таким очередным мероприятием стало открытие памятника тысячелетие России в Великом Новгороде в 1862 году.

15 августа 1862 г. по гвардейским подразделениям Санкт-Петербурга было опубликовано особое приказание по отдельному гвардейскому корпусу [1]. В приказе по гвардии было написано, что 8 сентября 1862 г. в Новгород для торжественного открытия памятника тысячелетия России, по распоряжению императора Александра II, должны принять участие следующие подразделения:

- 1) Первые роты полков 1-й, 2-й и 3-й гвардейских пехотных дивизий, соединенные в три сводных гвардейских батальона.
- 2) Первые роты гвардейских стрелковых батальонов его императорской фамилии и царскосельского соединения и первая рота Гвардейского экипажа, соединенных в один сводный гвардейский стрелковый батальон.
- 3) Первая рота лейб-гвардии Саперного батальона.
- 4) Образцовый пехотный батальон.
- 5) Гренадерский Саперный батальон.
- 6) Три сводные гренадерские батальоны, составленные из первых рот полков Гренадерского Корпуса.
- 7) Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус.
- 8) Новгородский батальон внутренней стражи.

Таким образом, можно увидеть, что только со стороны гвардейской пехоты, куда и был вписан Морской гвардейский экипаж, участвовало в открытии памятника свыше 2500 чел. При этом не стоит упускать из виду и тот факт, что в таком глобальном мероприятии участвовали кавалерия и артиллерия. Это прибавляет еще дополнительно несколько тысяч военнослужащих императорской гвардии.

Нижние чины и офицеры Морского Экипажа попали под командование командира лейб-гвардии Царскосельского стрелкового батальона флигель-адъютанта, полковника Н.Е. Баранова [2, с. 35].

Всем частям из Санкт-Петербурга и окрестностей было приказано следовать к сборным пунктам по прилагаемым у подразделений маршрутами [1]. Пехотные части следовали частями из двух эшелонов. 1, 2 и

3-й сводные гвардейские батальоны составили первый эшелон, а сводный стрелковый и образцовый батальон, а также рота лейб-гвардии саперного батальона – второй эшелон. Оба эшелона были перевезены по Николаевской железной дороге до станции Чудово, а далее следовали в Новгород по шоссе [3]. Лазаретные фургоны и ротное хозяйства пехоты перевозились на артельных и подъемных лошадях точно также до станции Чудово. При этом ротное хозяйство роты гвардейского экипажа, рот образцового пехотного батальона и образцового кавалерийского эскадрона должно было перевозиться на обычательских подводах, для этого разрешалось запросить у Петербургского гарнизона необходимое количество лошадей [4].

Все новое обмундирование частей пехоты, кавалерии и артиллерии перевозилось по Николаевской железной дороге до станции Волховской и далее на пароходах по реке Волхов [2]. Для переноса имущества морского гвардейского экипажа с пристани и до места расположения присыпались 8 лошадей от лейб-гвардейской облегченной № 3 конной батареи.

На время местного довольствия в Новгороде провиант и фураж был заготовлен на месте попечением Провиантного ведомства для всех частей Гвардейского корпуса, отправленных из Санкт-Петербурга [5, с. 199]. Затем предполагалась покупка фуража попечением самих войск, постоянно квартирующимся в Новгородской губернии, по ценам, утвержденным командиром отдельного гвардейского корпуса на тот период.

Приварочные деньги роты, эскадроны и артилерийские дивизионы получали перед выступлением из столицы Российской империи [6, с. 301]. Этих денег хватило, чтобы в полной мере закрыть все потребности Морского экипажа.

От Морского гвардейского экипажа для участия в торжественном открытии памятника тысячелетия России было отправлено 6 офицеров, 21 унтер-офицер, 6 музыкантов, 180 нижних строевых чина, а также 14 нестроевых матросов. Всего Экипаж насчитывал 6 офицеров и 221 нижний чин [7]. Это количество являлось ниже численности среднего батальона русской армии. Однако из-за небольшой численности всего гвардейского экипажа, а также участия многих военнослужащих в морских экспедициях, подразделение не могло предоставить большее количество моряков.

При открытии памятника предполагалось использовать холостые патроны, которые доставлялись в Новгород по распоряжению артиллерийского департамента и хранились в погребе лейб-гвардии, облегченной № 3 батареи [8]. Для получения патронов войсками следовало об-

ращаться с письменными требованиями, ведя полученным патронам строгую отчётность. Неизрасходованные патроны необходимо было затем сдать в департамент обратно.

Таким образом, несмотря на всю сложность указанного мероприятия, можно считать, что меры, принятые командующими гвардейским корпусом, являлись эффективными. Дополнительную сложность создавал факт взаимодействия различных видов войск при открытии памятника. Если же акцентировать внимание на Морском гвардейском экипаже, то следует подчеркнуть, что это подразделение справилось с поставленной задачей. Причем за это и получило высочайшую благодарность от императора Александра II.

Примечания

1. Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). – Ф. 935. – Оп. 3. – Д. 2.
2. Памятка Гвардейского экипажа. 1710-1910: Крат. ист. очерк. / сост. штабс-капитан Щепотьев. – СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910. – 100 с.
3. Рембелинский А.М. Из воспоминаний старого офицера Гвардейского Экипажа. – М.: Синод. тип., 1910. – 338 с.
4. РГАВМФ. – Ф. 935. – Оп. 1. – Д. 16.
5. Чернышев А.А. Морская гвардия Отечества. – М.: Вече, 2013. – 285 с.
6. Поливанов В.Т., Бякин Г.И. Морской Гвардейский экипаж: Страницы истории. – СПб.: Изд-во ПиК, 1996. – 392 с.
7. РГАВМФ. – Ф. 935. – Оп. 1. – Д. 2989.
8. РГАВМФ. – Ф. 935. – Оп. 1. – Д. 496.

УДК 94(470).082"19"

ГРЕБЕНКИН А.Н., ЛАРИН А.А.
Россия, г. Орёл

Вклад Охраны Его Императорского Величества в развитие института государственной охраны в России

В статье дана краткая характеристика вклада созданной при Александре III Охраны Его Императорского Величества в развитие института государственной охраны в России. Рассмотрены формирование и реализация концепции единой службы императорской охраны, охарактеризован вклад Охраны Е. И. Вел. в совершенствование системы охраны императорских резиденций, оценен ее вклад в обеспечение безопасности Высочайших особ во время железнодорожных поездок, театральных представлений и торжественных мероприятий.

Ключевые слова: Российская империя, Александр III, Охрана Его Императорского Величества, институт государственной охраны.

**Grebennik A.N., Larin A.A.,
Russia, Orel**

Contribution of His Imperial Majesty's Guards to development of the institute of state protection in Russia

This article provides a brief description of the contribution of His Imperial Majesty's Guards, created under Alexander III, to the development of the Institute of state Protection in Russia. Formation and implementation of the concept of a unified imperial security service are considered, the contribution of H. I. Maj. Security to the improvement of the security system of imperial residences is described, its contribution to ensuring the safety of the Highest persons during railway trips, theatrical performances and solemn events is evaluated.

Keywords: Russian empire, Alexander III, His Imperial Majesty's Guards, Institute of State Protection.

В разработке схемы обеспечения безопасности российского императора Александра III принимали участие один из его ближайших друзей, начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии И.И. Воронцов-Дашков, ставший первым Главным начальником охраны царя, министр внутренних дел граф Н.П. Игнатьев, товарищ министра внутренних дел П.А. Черевин, начальник Охранной стражи Департамента полиции МВД Е.Н. Ширинкин и командир 1-го Железнодорожного батальона Л.М. Албертов. Концепция основывалась на принципах создания единого центра управления в лице Главного начальника Охраны Е. И. Вел., общего усиления охранных структур, формирования эффективной тайной охраны царя, создания системы обеспечения безопасности императорских поездов во время Высочайших железнодорожных путешествий. Большее, нежели прежде, внимание, стало уделяться ведению оперативно-розыскной работы и взаимодействию с политической полицией.

Создание Охраны Е. И. Вел. 11 августа 1881 г. стало одной из наиболее важных вех в развитии института отечественной государственной охраны. Структура, призванная обеспечивать царскую безопасность, обладала статусом самостоятельного государственного учреждения. Ее руководитель – Главный начальник Охраны Е. И. Вел. – подчинялся исключительно императору и имел право отдавать приказания по вопросам охраны всем государственным органам и учреждениям. В его непосредственное подчинение вошли воинские и полицейские формирования, которые решали практические задачи, связанные с охраной императорских резиденций (Сводно-гвардейская рота, Двор-

цовая полицейская команда), обеспечением безопасности императора в местах его временного пребывания (Секретная часть) и охраной железнодорожных поездок императора (Военная инспекция железных дорог и 1-й Железнодорожный батальон). Статуса охранных подразделений де-юре лишились Собственный Е. И. Вел. конвой и рота дворцовых гренадер, которые, тем не менее, продолжали участвовать в проведении охранных мероприятий.

Главной специфической чертой организационно-штатного развития Охраны Е. И. Вел. в 1881-1894 гг. являлось отсутствие официального утверждения многих изменений. Так, в течение нескольких лет, до 1887 г. канцелярия Главного начальника Охраны Е. И. Вел. действовала на основе отдаанных в разное время устных распоряжений и неофициальных соглашений, ее сотрудники формально проходили службу в других ведомствах, где числились в постоянном откомандировании. Подобное неустойчивое служебное положение негативно отражалось на их статусе, не позволяя претендовать не только на награды, но и на получение пенсии. Многие распоряжения, которые влекли за собой изменение штатной структуры охранных подразделений, закреплялись новыми штатами по прошествии еще более длительного времени. Так, Дворцовая полиция, созданная в 1884 г. в результате объединения Дворцовой полицейской команды и Секретной части в Охране Е. И. Вел., получила собственный штат только спустя десять лет. Подобная бюрократическая неупорядоченность, отчасти, объяснялась близостью Главного начальника к царю, его приятельскими взаимоотношениями с министром императорского двора и другими высшими сановниками, а также нелюбовью к канцелярской работе. Некоторые существенные изменения в схеме охраны также стали следствием субъективных факторов. Так, упразднение в апреле 1882 г. Военной инспекции железных дорог, которое формально объяснялось неудобством объединения в одних руках охраны поездов и технического надзора за ними, а также стремлением к экономии средств, на самом деле явилось следствием конфликта между Главным начальником охраны и военным инспектором железных дорог полковником Л.М. Албертовым, который имел обыкновение докладывать о своих планах по охране железнодорожных поездок царя непосредственно Александру III.

Благодаря исключительному служебному положению Главного начальника Охраны Е. И. Вел. и его неформальным отношениям с руководителями ключевых ведомств, задействованных в охранных мероприятиях, взаимодействие Охраны Е. И. Вел., дворцовых и полицейских структур, в целом, осуществлялось достаточно конструктивно. Более официальный характер носили взаимоотношения охранного ведом-

ства с Военным министерством и Министерством путей сообщения. Контакты П.А. Черевина с их руководителями носили строго служебный характер; кроме того, интересы армии и железнодорожного ведомства при проведении охранных мероприятий существенно ущемлялись. Что же касается взаимодействия на уровне нижестоящих руководителей и рядовых сотрудников, то оно часто сопровождалось возникновением конфликтных ситуаций, обусловленных тем, что начальники воинских формирований (даже в генеральских чинах) не были знакомы с секретными инструкциями по охране, а П.А. Черевин не стремился посвятить их в нюансы проводимых мероприятий, ограничиваясь указанием их обязанностей. Наибольшей конфликтогенностью отличались мероприятия по охране железных дорог, где дело доходило до угрозы применения оружия.

После создания Охраны Е. И. Вел. система обеспечения безопасности императорских резиденций приобрела комплексный характер и стала осуществляться таким образом, чтобы «различные подразделения государственной охраны подстраховывали и контролировали друг друга» [1, с. 82]. Внешнюю охрану дворцов и прилегавших к ним территорий обеспечивали часовые Сводно-гвардейской роты (батальона) и постовые Дворцовой полицейской команды. Первые представляли собой силовой компонент охраны, вторые – интеллектуальный, так как обладали большим опытом и лучше ориентировались в сложных ситуациях. При необходимости к несению караульной службы привлекались гвардейские и армейские полки. Разрабатывались табели постов, общие должностные инструкции и инструкции для каждого поста, своевременно осуществлялась их корректировка. Кроме того, был организован пропускной режим, определен перечень документов, предоставлявших право прохода. Следует отметить несовершенство разработанных в 1880-е гг. правил пропуска, которые заставляли часовых полагаться на свою зрительную память при пропуске не только высокопоставленных лиц, но и многочисленной прислуги. Патрулирование территорий за пределами дворцов и дворцовых парков поручалось казакам Собственного Е. И. Вел. конвоя, кавалерийским частям и местной полиции. Вспомогательные функции по полицейскому присмотру во дворцах возлагались на роту дворцовых гренадер и служительские дворцовые команды. Предусматривалось усиление охраны во время мероприятий, проводившихся во дворцах. Однако отмеченная выше межведомственная рознь, свойственная и отдельным структурам, подчиненным Главному начальнику Охраны Е. И. Вел., потенциально могла привести к пропуску во дворец террористов.

В рамках Охраны Е. И. Вел. до апреля 1882 г. охраной железнодорожных путей во время следования императорских поездов занималась Железнодорожная инспекция (военная инспекция железных дорог). Ее упразднение привело к отсутствию должного надзора со стороны охраны за технической стороной железнодорожных поездок царя и его близких. Откомандирование в распоряжение Черевина чиновников Министерства путей сообщения не позволяло осуществлять технический контроль в полном объеме. Следствием этого стало крушение царского поезда под Борками в октябре 1888 г. Лишь в 1890 г., после создания Инспекции императорских поездов, технический надзор за поездами был поставлен на надлежащую высоту.

Ключевую роль в охране императора во время железнодорожных поездок играл 1-й Железнодорожный батальон. Он отвечал за осмотр всех «главнейших искусственных сооружений» (труб, мостов, туннелей и т.д.), расположенных на пути следования, а также рек, каналов и оврагов, расположенных вблизи этих сооружений, обеспечивал проверку станционных построек и платформ, контролировал работы на искусственных сооружениях, наблюдал за паровозами, назначенными для императорских поездов, а также исполнял распоряжения «по обращению императорских поездов, содержанию императорского подвижного состава и паровозов» [3, л. 11]. На поезде от батальона находился караул в составе 10-14 нижних чинов. Кроме того, батальон отвечал за охрану железнодорожных линий между Санкт-Петербургом, Гатчиной, Царским Селом и Петергофом, по которым постоянно следовали императорские поезда.

Помимо 1-го Железнодорожного батальона, в обеспечении безопасности царя и его близких во время железнодорожных поездок принимали участие жандармско-полицейские управления железных дорог, общая полиция и воинские части тех округов, через которые следовал поезд. В соответствии со схемой, разработанной командиром 1-го Железнодорожного батальона полковником Л.М. Албертовым, часовые от воинских частей выставлялись вдоль полотна железной дороги цепью через каждые 100-150 метров, чтобы не допустить приближения к нему потенциальных террористов. Железнодорожные жандармы отвечали за принятие мер безопасности в полосе отчуждения железной дороги, а полиция – за охрану так называемой стосаженной полосы в обе стороны от железнодорожного полотна. При необходимости к охране пути привлекались казаки и местные жители. Комендантом императорского поезда неизменно являлся начальник Дворцовой полиции полковник Е.Н. Ширинкин.

Привлечение к охране пути войск было существенным обременением для Военного министерства, которое постоянно ходатайствовало об уменьшении наряда. Кроме того, взаимодействие железнодорожной администрации, чинов охраны, жандармов, полиции и войск не было четко регламентировано, вследствие чего постоянно возникали конфликтные ситуации, как между начальствующими лицами, так и рядовыми сотрудниками.

Охрана Высочайших особ во время театральных представлений предусматривала, как выставление постов в зданиях театров и на прилегавших к ним территориях, так и принятие ряда мер технического характера (проверку коммуникаций, устранение пожароопасных факторов, ликвидацию отдушин, отверстий и проходов, которыми могли воспользоваться злоумышленники, защиту императорской ложи от предметов, уроненных или специально брошенных кем-либо). Постовую службу несли сотрудники театров, чины Дворцовой полицейской команды, Секретной части в Охране Е. И. Вел., а также агенты Санкт-Петербургского Охранного отделения. Наряду с этим, была также организована тщательная проверка лиц, имевших доступ в театры. Созданию четкого пропускного режима мешала текучесть техников и статистов, привлекавшихся к подготовке и проведению представлений.

Обеспечение безопасности императорской семьи во время коронационных торжеств в мае 1883 г. было сопряжено с принятием следующих охранных мер:

- 1) сбор информации о потенциальных угрозах жизни и здоровью членов императорской семьи и наблюдение за политически неблагонадежными лицами;
- 2) охрана дворцов и зданий Московского Кремля, а также Петровского и Александринского (Нескучного) дворцов и других зданий;
- 3) контроль за людьми, имевшими доступ в Московский Кремль;
- 4) контроль за маршрутами передвижения Высочайших особ по улицам Москвы;
- 5) обеспечение пропускного режима в местах проведения коронационных торжеств;
- 6) усиление мер по обеспечению общественной безопасности в Москве.

Сведения о возможных терактах поступали от Заграничной агентуры Департамента государственной полиции МВД и чинов Отдельного корпуса жандармов, после чего товарищ министра внутренних дел сообщал их Главному начальнику Охраны Е. И. Вел. Кроме того, были

усилены таможенный контроль и наблюдение за неблагонадежными лицами.

Охрана Московского Кремля, его построек, Петровского путевого дворца и Александринского (Нескучного) дворца была поручена чинам Сводно-гвардейской роты и Дворцовой полицейской команды. В охране Московского Кремля, кроме того, принимали участие чины московского отряда роты дворцовых гренадер, московских дворцовых охранной и служительской команд, а также вновь сформированной особой охранной команды Московского Кремля [2, с. 407], а в обеспечении безопасности всех дворцов – казаки Собственного Е. И. Вел. конвоя и воинские части Московского военного округа. Контроль за обстановкой в районе Московского Кремля и дворцов осуществляла Секретная часть в Охране Е. И. Вел. Все здания и сооружения были заранее осмотрены, лишние вещи убраны, служебные проходы, отдушины и отверстия заделаны. Внутри помещений и снаружи зданий и сооружений выставили часовых.

Контроль за лицами, имевшими доступ в Московский Кремль, осуществлялся агентами Секретного отделения московского обер-полицеймейстера и полицеймейстером кремлевских дворцов. Трасса проезда императорской семьи по улицам Москвы была взята под контроль полиции, все здания и сооружения, а также подземные коммуникации подвергнуты своевременному осмотру.

Пропускной режим в места Высочайшего пребывания осуществлялся по особым именным билетам различных цветов. Контроль билетов осуществлялся в два этапа: сначала представителем того ведомства, к которому принадлежал посетитель, а затем чинами Дворцовой полиции. Кроме того, проверка билетов осуществлялась и в дворцовых помещениях. Особое внимание уделялось вопросам пропуска многочисленной прислуги, которая была разделена на три категории в зависимости от того, насколько тщательной должна быть ее проверка.

Наконец, обеспечение общественной безопасности в Москве во время подготовки и проведения коронационных торжеств возлагалось на городскую полицию, прикомандированных чинов полиции из других городов, а также чинов Отдельного корпуса жандармов.

Охрана Е. И. Вел., созданная при Александре III, стала важным этапом в развитии института отечественной государственной охраны, а дата ее учреждения – 11 августа 1881 г. – одним из ключевых исторических событий для всех, причастных к обеспечению безопасности первых лиц Российской государства. Уроки и рекомендации, которые следует сформулировать на основе анализа опыта деятельности Охраны Е. И. Вел., должны быть учтены при выстраивании основных направлений

работы Федеральной службы охраны Российской Федерации. Речь идет, разумеется, не о личной охране или охране резиденций, так как и угрозы, и методы противодействия им изменились до неузнаваемости. Осознание элитарного статуса охранных структур, корпоративное единение, восприятие служебной деятельности как высокой миссии, почетного служения интересам государства, убежденность в необходимости самоотверженного исполнения своих обязанностей, готовность к конструктивному взаимодействию с коллегами из других ведомств – вот что должны вынести сотрудники органов государственной охраны из содержательного анализа и достижений, и просчетов охраны Александра III.

Примечания

1. История государственной охраны России. Собственная Его Императорского величества охрана. 1881-1917 / под общ. ред. Е.А. Мурова. – М.: Медиа-Пресс, 2006. – 464 с.
2. На страже главной цитадели России: к 100-летию Службы коменданта Московского Кремля Федеральной службы охраны Российской Федерации / [В.И. Жиляев, Д.А. Клочков, И.И. Кондратьев, О.Г. Леонов, Т.Д. Панова; сост. Д.А. Клочков]. – М.: Фонд “Русские витязи”, 2018. – 924 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1328. – Оп. 1. – Д. 2.

УДК 94(470.62/.63)

ЧИКАЕВА К.С.
Россия, г. Краснодар

Дворянское землевладение в Кубанской области и Ставропольской губернии: характеристика и особенности

В статье рассматривается своеобразие эволюции поместного землевладения ставропольского и кубанского дворянства по сравнению с другими регионами. Показано, что дворяне своей службой на Северном Кавказе получили щедрые земельные пожалования. Отмечено, что росло землевладение горской знати, состоявшей на государственной службе.

Ключевые слова: Кубанская область, Ставропольская губерния, дворянское землевладение, Дворянский банк, предводитель дворянства.

Chikaeva K.S.,
Russia, Krasnodar

Noble land ownership in Kuban region and Stavropol province: characteristics and features

Article considers the peculiarity of the evolution of local land ownership of Stavropol and Kuban nobility in comparison with other regions. It is shown that the nobles with their service in North Caucasus received generous land awards. It is noted that the land ownership of the mountain nobility, which was in the public service, grew.

Keywords: Kuban region, Stavropol province, noble land tenure, Noble Bank, leader of the nobility.

Северный Кавказ был поздно присоединен к основной территории Российской империи. Это объясняет особенности развития здесь дворянского землевладения, по сравнению с другими регионами. В Кубанской области и Ставропольской губернии проживало значительное количество инородческого населения и казаков. Дворянство на Северном Кавказе существенно отличалось от общероссийского по национальному, этническому, культурному составу.

Исследование характеристики и особенностей развития поместного землевладения кубанских и ставропольских дворян является актуальным, поскольку это позволяет существенно расширить имеющиеся представления об экономическом состоянии дворянских имений в по-реформенной России.

В современной исторической науке проблематика дворянского землевладения стала предметом активного научного изучения [1]. Современные ученые, рассматривая дворянство на региональном уровне, все чаще обращаются к изучению его экономического статуса: анализируются помещичье хозяйства, принципы землепользования и землевладения, характеризуется сложный процесс адаптации помещиков к быстро развивающейся капиталистической экономике.

Дворянское землевладение в Кубанской области и Ставропольской губернии прошло несколько этапов развития от времени зарождения до окончательной ликвидации и социально-экономического банкротства дворян как общественного класса. Первоначально в процессе освоения и заселения края представители дворянского сословия получали различные финансово-экономические преимущества. Они основывались на социально-политический модели управления в Российской империи, в которой правительство отводило дворянству главную социальную и политическую роль, а также рассчитывало на него при реализации основных задач в государственной политике регионов.

В момент вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи регион обладал собственными специфическими особенностями, в отличие от остальной территории Российской империи [3]. В Центральной России значительная часть земель была закреплена за поме-

щиками дворянского происхождения. Там преобладали уже сложившиеся социальные и культурные паттерны, давно оформилось помещичье землевладение, причем система «дворянских гнезд» насчитывала уже не одно столетие. Другая ситуация сложилась в Северо-Кавказском крае. Его вхождение в состав России было достаточно непростым процессом. На территории региона продолжительное время велись военные действия, поэтому хозяйственное освоение происходило постепенно и с учетом многочисленных этнических, культурных, социальных особенностей края. Процесс развивался поступательными темпами с начала XIX в., и к его середине в регионе сформировались определенные формы землевладения, связанные с различными видами собственности имеющихся здесь земельных угодий [6; 7; 8].

В течение достаточно продолжительного времени на Северном Кавказе оформлялись казенные земли. Дворяне объективно имели возможность своей службой заслужить достаточно щедрые земельные пожалования. Это было важно, потому что семьи дворян (как и казаков), переселявшихся на передовые линии, сохраняли права собственности на свои усадьбы, которые оставались на прежних местах их жительства. Они могли их продать или передать кому-либо по своему усмотрению не более, чем на трехлетний срок. Те лица, которые затруднялись в продаже и нуждались в деньгах, могли передать свои участки в казну с уплатой им денег по оценки в течение года.

Вместе с тем росло и землевладение горской знати, состоявшей на российской службе. Особенно активно стали раздавать земельные участки на Северном Кавказе с конца 1850-х гг., ввиду массового выселения части местных племен в Турцию и близившегося окончания Кавказской войны. Стремясь закрепить влияние среди горских народов, командование российской армии целенаправленно проводило политику по наделению землей горцев, находившихся на русской службе. К примеру, 31 июля 1859 г. командующий войсками левого крыла Кавказской линии граф Н.И. Евдокимов обратился к главнокомандующему Кавказской армией, князю А.И. Барятинскому с просьбой о выделении «в вечное владение» земельных участков по 500 десятин для состоявших при его штабе переводчиков, подполковников Арцу Чермоеву (чеченец) и Алибеку Пензулаеву (кумык).

В целом, представители горской знати, которые рассматривались царским правительством как основная социальная опора в крае, сосредоточили в своих руках обширные участки самой лучшей земли, получив на то гарантии со стороны царской администрации. По данным, собранным одним из дореволюционных исследователей, в частную собственность им было отведено: у кумыков – 347 участков (186.311 дес.),

127 в Чечне, 144 в Кабарде, в Осетии два больших участка отданы генералам Туганову (500 дес.) и Кундухову (2.800 дес.) [2, с. 178].

После окончания Кавказской войны правительство стало уделять особое внимание казачьему дворянству. Однако процесс наделения его землями существенно затянулся. Наконец, 23 апреля 1870 г. было обнародовано «Положение об обеспечении генералов, штаб- и обер- офицеров и классных чиновников Кубанского и Терского казачьих войск земельными участками в потомственную собственность», положившее начало частной земельной собственности.

Согласно этому нормативному акту, земельная собственность генералов и офицеров автоматически превращалась в помещичье владение. Офицеры и генералы сохранили право на пользование общинными наделами. В числе целого ряда привилегий, предоставляемых самодержавием дворянскому казачеству, было право владения крупными земельными наделами (1500, 400 десятин каждому). Однако большинство офицеров получили участки от 50 до 400 десятин. Размер земельного участка зависел от чина и класса землевладельца: 1) произведенным на службе генералам – по 1500 десятин, штаб-офицерам – по 400 десятин и обер-офицерам – по 200 десятин каждому; 2) генералам в отставке – по 800 десятин, войсковым старшинам – по 300 десятин, хорунжим – по 100 десятин каждому; 3) классным чиновникам не ниже IV класса – наравне с генералами, не ниже VIII класса – наравне со штаб- офицерами, а остальным – наравне с обер-офицерами.

Приведение в исполнение этого Положения началось лишь с 24 сентября 1874 г., когда был утвержден первый проект распределения земель Кубанского казачьего войска на наделы. К 1876 г. русским дворянам в Ставропольской губернии пожаловали 303 тыс. десятин земли, в Кубанской области – 213,9 тыс., в Терской – 64,6 тыс. Среди получивших землю на Северном Кавказе значились представители известных дворянских фамилий, среди них дядя царя князь Николай Николаевич (имел более 5 тыс. десятин в Александровском уезде).

При пожаловании земель такого рода знатным дворянам особое значение имели личные пожалования императора. К примеру, в 1870 г. Александр II пожаловал Н.В. Гулькевичу 3000 десятин земли в Кубанской области в потомственное владение в награду за особую деятельность на пользу Кавказского края. После его смерти пожалованные земли перешли к сыну – Константину Николаевичу Гулькевичу. Его родовое имение в Кубанской области насчитывало 4300 десятин земли. Имением руководили управляющие, так как К.Н. Гулькевич являлся служащим Министерства иностранных дел и находился в составе рус-

ской миссии сначала в Мюнхене, затем в Риме и Константинополе, а с 1916 г. стал чрезвычайным послом в Норвегии.

Однако родовитые дворяне не оставались жить на Северном Кавказе и очень редко посещали свои имения. Так, Николай Петрович Скаржинский, владевший 25 666 десятинами земли в Ставропольской губернии, всего один раз, да и то проездом, заглянул в свои обширные владения.

В результате растущего числа земельных пожалований, на Северном Кавказе к началу рассматриваемого периода сложилось, хотя и в ограниченных масштабах, помещичье землевладение. При этом среди местных землевладельцев был высок удельный вес крупных помещиков. Поместное землевладение на Северном Кавказе изначально оказалось довольно неустойчивым. В частности, в Кубанской и Терской областях земли, которые были дарованы офицерам за оказанные ими на пользу Отечества подвиги, а также отмежеванные офицерам казачьего сословия из свободных войсковых земель взамен пенсий, постепенно стали переходить посредством продажи к разным лицам. Покупателями казачьего дворянского землевладения в 80-е гг. XIX в., в основном, стали мелкие чиновники и спекулянты. В связи с крестьянской колонизацией спрос на офицерские участки был велик. Стоимость земли в крае поднялась в 5-7 раз, поэтому покупатели дворянских земельных участков сдавали их в аренду крестьянам на выгодных условиях.

При удобном случае помещики стремились продать свои кавказские имения. Князь М.А. Андроников, владевший 2000 десятин земли в Александровском уезде Ставропольской губернии, продал свою собственность крестьянину В.И. Мамонтову. Горская знать также избавлялась от своих владений. Так, дворянин Мирза бек Аджи Асланов- Туганов, у которого находилось в собственности в Новогригорьевском уезде 488 десятин земли, распродал ее казакам С.Д. Жуку, С.И. Носоку, крестьянам Е.Д. Гореславскому, Г.Е. Дейну, А.С. Кодоровичу, Т.Е. Федоренко [5].

После отмены крепостного права многие дворяне не смогли адаптироваться к новым экономическим условиям и их материальное положение ухудшилось [4]. Предводитель дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей П.А. Мачканин участвовал в работе Особого совещания по делам дворянства. И.Н. Дурново в конце 1897 г. отправил дворянскому предводителю письмо с просьбой обсудить вопросы, затрагивающие интересы сословия. Все идеи, связанные с укреплением социально-экономического и политического статуса дворян, Мачканин обстоятельно проанализировал и представил в виде конкретной программы. Предводитель дворянской организации писал о

перспективном развитии мелкого поместного землеведения, которое проявляло большую устойчивость при всех экономических колебаниях и сельскохозяйственных кризисах. Он в своем обращении правительству предлагал предоставить дворянам возможности для льготного приобретения имений.

В 1885 г. был учрежден Государственный Дворянский земельный банк. Для дворян ввели различные льготы при получении земельного кредита под залог имений. Самодержавие фактически субсидировало помещиков. Правительство опасалось, что в условиях падения цен на зерно многие дворяне разорятся и самодержавие потеряет свою социальную опору. Результаты анализа публикаций Дворянского банка позволяют сделать выводы о модернизации хозяйств за счет кредитов банка. В Кубанской области и Ставропольской губернии, в сравнении с другими регионами, количество помещичьих имений, имевших недодимки, было незначительным.

Однако дворянство так и не сумело извлечь какую-либо долгосрочную финансово-экономическую выгоду из своего привилегированного положения. Северокавказские дворяне-землевладельцы не смогли выдержать социальной и экономической конкуренции в крае и в сфере сельского хозяйства были вынуждены уступить в ней другим социальным группам. Буржуазные реформы вызвали к жизни процессы ускоренной капиталистической модернизации и развития рыночного хозяйства и здесь бенефициарами выступали представители других слоев общества. Дворянские усадьбы остались в историческом прошлом, уступая свое место более прогрессивным формам организации социально-экономических отношений в одном из самых развитых земледельческих регионов в России.

Примечания

1. *Жабчик С.В., Вент П.Б.И. Историография российского дворянства в контексте современных региональных исследований // У разрыва: сб. мат-лов Второй междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 24 июня 2021 г.). – Краснодар: Изд-во “Магарин Олег Григорьевич”, 2021. – С. 61-67.*

2. *Иваненко Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района нагорной полосы Терской области // Терский сборник. – Вып. 7. – Владикавказ: электропечатня тип. Тер. обл. правл., 1910. – С. 1-182.*

3. *Salchinkina A.R., Khoruzhaya S.V. The military everyday life of the Caucasian war of 1817-1864 years in historical-anthropological dimension // British journal for social and economic research. – 2016. – V. 1. – № 3. – P. 33-43.*

4. *Терещенко О.В., Кошокова С.Я., Хоружая С.В. История России: учебник. – Краснодар: КубГАУ, 2024. – 192 с.*

5. Чикаева К.С. Дворянское землевладение на Северном Кавказе в 1861 – 1917 гг. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 93. – С. 1085-1096.

6. Шавлохова Е.С., Степанова Л.Г. Власть и общество в России и ее регионах в начале XX века: состояние, тенденции и противоречия развития // Культурная жизнь Юга России. – 2014. – № 3(54). – С. 74-76.

7. Шавлохова Е.С. Централизация государственного управления на Северном Кавказе во второй половине XIX – первой четверти XIX в.: автореф. дис. ...докт. ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2009. – 57 с.

8. Шавлохова Е.С. Централизация государственного управления на Северном Кавказе во второй половине XIX – первой четверти XIX в.: дис. ...докт. ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2009. – 404 с.

УДК 94(57):329/929"19/20"

КУРУСКАНОВА Н.П.

Россия, г. Краснодар

ФЛОРОВСКИЙ А.К.

Россия, г. Москва

Народник С.Н. Флоровский в Сибири (1892-1902 гг.)

В статье освещен сибирский период жизни известного народника Сергея Николаевича Флоровского. Авторы статьи, используя опубликованные и архивные источники, показали его профессиональную деятельность, а также участие в общественной и культурно-просветительской работе во время ссылки в Сибири. В статье обращено внимание на связи Флоровского с политзаключенными, проживавшими в Омске, которым он оказывал посильную помощь.

Ключевые слова: С.Н. Флоровский, Сибирь, Омск, ссылочные, народники, социал-демократы, эсеры, демократическая печать, врач, железнодорожные рабочие, общественная и культурная деятельность.

Kuruskanova N.P.,

Russia, Krasnodar

Florovsky A.K.

Russia, Moscow

Populist S.N. Florovsky in Siberia (1892-1902)

Article covers Siberian period of the life of the famous populist Sergei Nikolaevich Florovsky. Authors of the article, using published and archival sources, showed his professional activities, as well as participation in public and cultural and educational work during exile in Siberia. Article draws attention to Florovsky's connections with political exiles, who lived in Omsk, to whom he provided all possible assistance.

Keywords: S.N. Florovsky, Siberia, Omsk, exiles, populists, social-democrats, social-revolutionaries, democratic press, doctor, railway workers, social and cultural activities.

Авторы предлагаемой статьи, используя различные опубликованные и архивные источники, предприняли попытку осветить сибирский период жизни известного народника Сергея Николаевича Флоровского (12.09.1860-04.02.1905).

Флоровский Сергей Николаевич (см. Фото 1), будучи студентом Военно-Медицинской Академии, являлся одним из учредителей и активным участником народнической организации «С.-Петербургская Студенческая Корпорация», связанной с видным народником Г.А. Лопатиным. В 1884 г. он был уволен из Академии, привлечен к дознанию за участие в этой организации и находился в заключении в Петропавловской крепости. Затем его выслали в Казань, а позже – в Олонецкую губернию на 2 года. В 1888 г. после окончания срока ссылки С.Н. Флоровскому было разрешено завершить учебу в Военно-Медицинской Академии в С.-Петербурге [1, л. 124; 2, с. 265; 3; 4, л. 1-1об.].

Фото 1. Флоровский С.Н.

Фото 2. Фигнер-Флоровская О.Н.

В 1889 г. Флоровский окончил курс, получив звание «лекарь». Он стал работать по специальности в Оренбурге, затем в Вильно [5, л. 1,2-2об., 4,7,8,27,38,47,56; 6, л. 3; 7, л. 4].

Сергей Николаевич, даже находясь под негласным надзором полиции, продолжал свою революционную деятельность. В сентябре 1890 г. С.Н. Флоровский был арестован в Москве [8, л. 17]. За участие в деятельности народнической группы «Социалистов-федералистов» и издание нелегального журнала «Самоуправление» (Женева, 1887-1889, 4 номера), а также за распространение возваний противоправитель-

ственного содержания «Кровавая история в Якутске» и «Кровавая расправа» его выслали в 1891 г. в Сибирь. Флоровский был сослан на пять лет в Степное генерал-губернаторство под гласный надзор полиции. Вместе с ним в Сибирь поехала одна из руководителей группы «Социалистов-федералистов», ставшая его женой, Ольга Николаевна Флоровская (1862-1919) – младшая сестра известной революционерки-народницы Веры Фигнер (см. Фото 2) [1, л. 100-100об.; 7, л. 4-4об., 5-5об., 6; 9, с. 52].

29 сентября 1892 г., как сообщала Канцелярия Степного генерал-губернатора в Департамент полиции (ДП), С.Н. Флоровский прибыл в Омск и остановился временно, до зимнего пути, в местной гостинице [1, л. 27].

Пристав 2-й части г. Омска 13 декабря 1892 г. докладывал начальству: «У жены врача Ольги Флоровской детей и родственников в Омске нет. Живет она здесь с мужем, одевается прилично, обстановка в квартире хорошая, по-видимому, в средствах не нуждается» [10, л. 8].

Хотя Флоровский 6 мая 1893 г. ходатайствовал перед директором ДП о «разрешении занимать медицинские должности на всем протяжении строящейся Западно-Сибирской железной дороги», ему отказали. В дело вмешался начальник Омского жандармского управления (ЖУ) полковник Н.Н. де Лазари. 12 мая 1893 г. де Лазари писал в ДП: «По определению Флоровского на службу в качестве врача на строящуюся железную дорогу, при водворении его на каком-либо участке, ему, конечно, предоставлено будет право во всякое время посещать все, более или менее населенные пункты; при том громадном наплыве рабочих, численность которых, по строящейся линии, с каждым днем увеличивается; при том значении, которое Флоровский может приобрести в среде этих рабочих, при той вредной агитации, которою, как Флоровский, так и жена его, могут подействовать на умы разнородной, по положению и состоянию, массы рабочей силы, при отсутствии неотложного и постоянного бдительного надзора за образом жизни и поведением этих супругов, – все это представляется такими данными в руках Флоровских, которые дают полное право предположить, что Флоровские могут принести громадный вред и ущерб Правительству и обществу» [1, л. 33-41].

Сергей Николаевич, все-таки, получил место врача в Омском уезде в поселке Курганском на строительстве Западно-Сибирской железной дороги. 4 июня 1893 г. из Омска Сергей Николаевич и его супруга выехали в поселок Курганский [6, л. 18].

Оттуда в Омск они вернулись 17 сентября 1893 г., чтобы выехать 27 сентября в село Плотниково Аевской волости Тарского округа То-

больской губернии. Здесь Флоровский руководил строительством первой местной больницы и работал в ней врачом на лесозаготовках для строительства железной дороги. На крестьянских телегах и санях, в лодках и пешком С.Н. Фроловский побывал во многих деревнях, оказывал неотложную медицинскую помощь населению, ведя пропаганду санитарных знаний, занимаясь просвещением народа. В Плотниково супруги прожили до августа 1896 г. [11]

1 сентября 1896 г. Сергей Николаевич прибыл в г. Омск, но вскоре выехал в европейскую часть России, откуда вернулся 14 ноября. Жандармы доносили, что он «поселился на Новослободском форштадте в квартире поднадзорного Николаевского» [7, л. 80,81]. Флоровский стал работать врачом на станции Омск в период строительства Транссибирской железной дороги (участок Челябинск-Омск-Новониколаевск) [7, л. 6].

В ведомости Омского ЖУ (1 января 1898 г.) значилось, что «Флоровский живет в г. Омске с 14 ноября 1896 г., состоит врачом при железнодорожной больнице, поведения хорошего и ни в чем предосудительном не замечался» [7, л. 6].

В заметке, опубликованной в газете «Сибирская жизнь» (1902, 20 июня. № 132), отмечалось, что «С.Н. Флоровский лечил бесплатно, что необыкновенно в наш практичный век», поэтому благодарные рабочие видели в нем «врача-друга». Известный сибирский журналист В.Д. Митрич¹ писал, что «Сергей Николаевич, как врач, был врачом бедного населения и, не глядя ни на какую погоду и время, шел к больным на самые отдаленные окраины г. Омска» [13].

Наряду со своей непосредственной работой в качестве врача на железнодорожной станции Омск, Сергей Николаевич активно участвовал в общественной и культурной жизни города и региона. Так, в вышеупомянутой газетной заметке («Сибирская жизнь» (1902, 20 июня. № 132)) сказано, что «супруги Флоровские были инициаторами и способствовали организации любительских спектаклей на омском вокзале... Флоровскими же организована железнодорожная библиотека и при ней читальня». Сергей Николаевич также стал «одним из деятельных членов Пироговского комитета при омском медицинском обществе, которое в 1901 году развернуло широкую помощь голодающему населению Акмолинской области».

С.Н. Флоровский также являлся сотрудником Общества попечения о начальном образовании и одним из инициаторов организации регулярных народных чтений [14, с. 187].

¹ Владимир Дмитриевич Соколов (1850-1917) (псевд. Митрич) – ссыльный народник, журналист, сотрудничал с редакциями сибирских газет [12].

Кроме того, Флоровский «принимал участие в редакционных работах и вел, чередуясь с товарищами, “хронику русской жизни” в “Степном крае” в 1897 году, когда в нем работали Мельник, П. Гриневич, М. Рафаилов, С. Марусин и др.» [15, с. 3].

В.Д. Митрич вспоминал о совместной работе с Флоровским в газете «Степной край»: «С Сергеем Николаевичем я познакомился на одном из редакционных собраний газеты “Степной край”. Это было начало 1897 года, когда редакционный кружок редакции Ивана Федоровича Соколова взялся вести газету на паях, обусловив невмешательство издателя в литературную часть. При первом знакомстве Сергей Николаевич производил впечатление сурового и замкнутого человека, но это впечатление быстро сменялось, и вы видели перед собою сердечного и задушевного товарища. В лице Сергея Николаевича газета “Степной край” приобрела ценного сотрудника, который открыл в газете вновь разрешенный тогда отдел “Заграничное обозрение”. “Мы ограничиваем свою задачу, – писал покойный (т.е. С.Н. Флоровский) в своей вступительной статье, – тем, что будем по возможности подчеркивать отдельные факты европейской действительности, давать им освещение, объяснять их, помогая таким образом разобраться читателю в том пестром калейдоскопе событий, который представляет собой текущая европейская действительность … Не можем не прибавить, однако, что преимущественное внимание будет обращаться на экономическую сторону европейской жизни, на положение рабочего класса, на те факты европейской жизни, в которых, так или иначе, отражаются классовые отношения, наконец, на те меры, которые в различных странах принимаются для поднятия умственного и экономического уровня рабочих классов и предотвращения тех аномалий действительности, которыми так богата европейская жизнь» [13].

В течение 1897-1900 гг. С.Н. Флоровский являлся действительным членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества (ЗСОИРГО) [16, с. 188]. Из отчетов о деятельности ЗСОИРГО за 1898-1901 гг. следует, что на общем собрании 24 апреля 1898 г. «происходили выборы … в члены Ревизионной комиссии. Закрытой баллотировкой в комиссию оказались избранными гг. В.И. Пищиков, С.Н. Флоровский и А.Н. Черкасов, и кандидатами – Г.В. Абаза и Н.И. Грибанов». В том же 1898 г. С.Н. Флоровского избрали членом библиотечной комиссии, задачей которой стало «приведение в порядок имеющегося имущества и определения, что, со времени издания каталога библиотеки, приобретено нового и что утрачено» [17, с. 31,42,46].

Итогом изучения Сибирского региона стали статьи, опубликованные Сергеем Николаевичем в ряде демократических печатных изданий.

Так, в 1894 г. в журнале «Русское богатство» под псевдонимом «С.Ф.» напечатали статью С.Н. Флоровского «Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область» [18]. В 1901 г. в «Русском богатстве» под псевдонимом «С.Ф.» была помещена статья С.Н. Флоровского «К хронике переселенческого движения в Сибирь за последние годы» [19].

Судя по материалам полицейского наблюдения за С.Н. Флоровским, он часто выезжал в европейскую часть России. Так, в июле-августе 1897 г. он ездил в Казань, затем участвовал в работе международного съезда врачей в Москве; в марте 1898 г. выезжал в Челябинск. С апреля по сентябрь 1900 г. С.Н. Флоровский посетил С.-Петербург и Ригу, выезжал за границу. В феврале 1901 г. он вернулся в Омск. В апреле-мае 1902 г. снова был в С.-Петербурге [7, л. 59,87,96,104; 8, л. 34,35-35об.,37]. Возможно, что эти поездки были как-то связаны с революционной деятельностью С.Н. Флоровского. В этот период шло активное организационное и идейное становление РСДРП и ПСР – ведущих социалистических партий России.

В самом Омске С.Н. Флоровский поддерживал тесные связи с политссыльными, которые сотрудничали в газете демократической направленности «Степной край» и в «Экспедиции по исследованию Степных областей», руководимой ссыльным народником, а затем эсером Львом Карловичем Чермаком¹. В помещении Экспедиции, руководимой Л.К. Чермаком, по сведениям жандармов, «шли разговоры и даже происходили совещания по делам противоправительственного характера» [9, с. 52,53].

Кроме того, по донесениям полиции, Флоровский часто посещал квартиру Л.К. Чермака, а также контактировал с местным гимназистом Б.В. Недзвицким, получавшим эсеровскую и марксистскую литературу из европейской части страны. По делу распространения в Омске нелегальных революционных изданий Недзвицкого 18 мая 1902 г. допрашивали местные жандармы [9, с. 52,53,54].

Сам Сергей Николаевич оказывал посильную помощь политссыльным, проживавшим в то время в Омске [20, с. 19,20]. По воспоминаниям жены ссыльного, социал-демократки О.Б. Лепешинской², В.И. Ленин списался с Флоровским, чтобы тот устроил ее фельдшерицей на

¹ Чермак Лев Карлович (1862-1941) – политссыльный народник, руководитель первой группы эсеров, действовавшей в Омске в 1902-1903 г. Арестован 21 июня 1903 г., ему было воспрещено жить в столицах и Степном крае в течение 5 лет [9, с. 51-55].

² Лепешинская Ольга Борисовна (1871-1963) – советский биолог и революционный деятель. Лауреат Сталинской премии первой степени (1950), академик Академии медицинских наук СССР (1950) [21].

временную работу в больницу, что и было сделано [22, с. 94,97; 23, с. 21]. В конце 1899 г. Сергей Николаевич также взял к себе на работу в железнодорожную больницу жену политссыльного социал-демократа А.М. Старкову¹. Она писала о Флоровском так: «Я еще не встречала такого врача, как он. На вид очень скромный, а работает, себя не жалеет...» [25, с. 427-428].

29 апреля 1902 г. С.Н. Флоровский написал в ДП следующее письмо: «Мне представляется случай занять место старшего врача на постройке Вологодско-Вятской железной дороги, причем Управление строящейся дороги предложило мне удостовериться, не встретится ли к занятию мною названной должности каких-либо препятствий со стороны Департамента государственной полиции». ДП ответил ему 11 мая 1902 г., что препятствий нет [7, л. 61-61об., 63].

В июне 1902 г. С.Н. Флоровский с супругой выехали из Омска в Ярославль, на место новой службы. По этому поводу в заметке, опубликованной в газете «Сибирская жизнь» (1902, 20 июня. № 132), отмечалось: «Недавно железнодорожники провожали своего врача С.Н. Флоровского... Благодарные пациенты поднесли доброму врачу на память золотые часы... Отъезжающих провожала не только железнодорожная аристократия, но и благодарные рабочие». Омичи – «железнодорожные служащие, и железнодорожные рабочие, и молодежь, и товарищи по делу» – овациями проводили любимого доктора [13].

Сергей Николаевич Флоровский умер в Ярославле в ночь с 3 на 4 февраля 1905 г. от «кровоизлияния в мозгу» в возрасте 44 лет. В «Русском богатстве» был помещен некролог, написанный писателем, революционером-народовольцем, редактором отдела беллетристики П.Ф. Якубовичем (Мельшиным). В некрологе говорилось о Флоровском следующее: «Если не громкое литературное имя, то наследие несравненно более ценное оставил после себя покойный – память прекрасного человека, в котором самая широкая терпимость к людям удивительно сочеталась с редкой личной чистотою, с непоколебимой душевной твердостью и верностью лучшим стремлениям общества. Личная жизнь Флоровского, все его духовные интересы были самым тесным образом связаны с радостями и горестями родины, и почти вся его недолгая жизненная карьера (он умер 45 лет от роду) прошла в беспрерывных не-

¹ Старкова Антонина Максимилиановна (1873-1943) – жена большевика В.В. Старкова (1869-1925) – в 1921-1925 гг. занимал пост заместителя торгпреда РСФСР/СССР в Берлине – и сестра большевика Г.М. Кржижановского (1872-1959) – близкого друга В.И. Ленина, в дальнейшем – учёного-энергетика, академика и вице-президента АН СССР, Героя Социалистического Труда [24].

вольных скитаниях по России и Сибири... Кто знал этого чудного, обаятельно-искреннего и скромного человека, тот никогда не забудет его тихой, застенчивой улыбки, его доброго, светившегося глубоким убеждением взгляда, его рано засеребрившейся головы» [26].

Газета «Ярославский вестник» также опубликовала некролог Сергею Николаевичу Флоровскому, в котором, в частности, сказано: «В глухом поселке Степного края, в маленьком Омске, в Ярославле, С.Н. играл видную роль в лучших просветительных начинаниях местной интеллигенции. В своей врачебной деятельности С.Н. был тем же демократом-интеллигентом; свои медицинские познания он нес не к богачам, платящим десятки рублей за “визит”, а к неимущим беднякам; и в глухих углах, куда его забрасывала судьба, он был добрым гением для страждущего населения. Немало времени и труда отдал С.Н. литературной работе. Он участвовал в “Русских ведомостях”, в “Степном крае”, и время его участия совпало с лучшим периодом в жизни этой газеты... Как человека, С.Н. не забудут долго все, кто его знал. Прощедши хорошую школу яркой эпохи конца 70-х и начала 80-х годов, он до последней минуты сохранил ясную кристаллическую твердость души и повсюду являлся высоким примером благородного отношения к жизни» [3].

Судьба народника Николая Сергеевича Флоровского в ссылке во многом была схожа с судьбой его соратников, также оказавшихся в Сибири. Благодаря его многогранной профессиональной, общественной и культурно-просветительской деятельности был сделан неоценимый вклад в развитие этого региона в конце XIX в. - начале XX в.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – 1893 г. – 3-е д-во. – Оп. 91. – Д. 912. – Ч. 1.
2. Хроника социалистического движения в России. 1878-1887: Официальный отчет. – М.: М.В. Саблин, 1906. – 364 с.
3. Ярославский вестник (Ярославль). – 1905. – № 40.
4. ГАРФ. – Ф. 102. – 1889 г. – 3-е д-во. – Оп. 87. – Д. 403.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). – Ф. 14. – Оп. 3. – Д. 20425.
6. Исторический архив Омской области (ИсА ОО). – Ф. 2086. – Оп. 1. – Д. 610.
7. ГАРФ. – Ф. 102. – 1893 г. – 3-е д-во. – Оп. 91. – Д. 912. – Ч. 2.
8. ГАРФ. – Ф. 63. – 1884 г. – Оп. 4. – Д. 363.
9. Курусканова Н.П. Омская организация ПСР: к истории возникновения // Кубанские исторические чтения: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 июня 2022 г.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 50-58.
10. ИсА ОО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 973. – Св. 104.

11. История Знаменской ЦРБ. URL: <https://roovzoo.ru/contents-2-4-5>.
12. Юрий Перминов: “Митрич и Сиязов – кровью сердца за Сибирь”. 27 апреля 2022. Сетевое издание БК55.ru. URL: https://bk55.ru/kolumnistika/article/201745/?utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru.
13. *Митрич В.Д.* Некролог // Сибирская жизнь (Томск). – 1905. – 3 апр.
14. Энциклопедия города Омска: в 3 т. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год) / под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. – Омск: Изд. дом “ЛЕО”, 2009. – 920 с.
15. Сибирский вестник (Томск). – 1905. – 25 марта. – № 67.
16. Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. 1877-1902. – Омск: тип. Окружн. штаба, 1902. – 283 с.
17. Отчеты о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. – Омск: тип. Окружн. штаба, 1902. – 91 с.
18. *С.Ф. (Флоровский С.Н.)*. Очерк колонизационного движения в Акмолинскую область // Русское богатство. – 1894. – Кн. 2 (февраль). – С. 190-217.
19. *С.Ф. (Флоровский С.Н.)*. К хронике переселенческого движения в Сибирь за последние годы // Русское богатство. – 1901. – Кн. 6 (июнь). – С. 113-142.
20. Владимир Ильич Ленин и революционное подполье в Сибири / авт. кол: В.М. Самосудов (рук.), П.З. Курусканов, Э.Ш. Хазиахметов, Л.В. Рачек, Н.М. Кравец; под общ. ред. Я.Р. Волина, В.М. Самосудова. – Омск: Омск. кн. изд-во, 1983. – 320 с.
21. Ольга Борисовна Лепешинская. Сайт “Википедия”. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лепешинская,_Ольга_Борисовна.
22. *Лепешинская О.Б.* Путь в революцию: Воспоминания старой большевички. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1963. – 118 с.
23. *Лепешинская О.Б.* Встречи с Ильичем: (Воспоминания старой большевички). – М.: Госполитиздат, 1957. – 40 с.
24. Старков Василий Васильевич. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Старков>.
25. Товарищи в борьбе: Письма соратников В.И. Ленина. 1860-1900 / сост. и авт. вступ. ст. Г.Е. Хайт. – Красноярск: Кн. изд-во, 1973. – 491 с.
26. *Якубович П.* Памяти С.Н. Флоровского // Русское богатство. – 1905. – Кн. 2 (февраль). – С. 161-162.

**Иностранные ордена для окружения российских
августейших особ (на примере состоявшего при великом князе
Сергее Александровиче генерала М.П. Степанова)**

Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи», государственное задание № FSNF-2024-0002 «Генерал-от-кавалерии М. П. Степанов: жизнь и служение Императорскому Православному Палестинскому Обществу»

В статье анализируются награждения иностранными орденами генерала М.П. Степанова, состоявшего при великом князе Сергее Александровиче и великой княгине Елизавете Федоровне. Характеризуются причины и обстоятельства получения генералом наград от тех или иных государств.

Ключевые слова: Дом Романовых, великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, М. П. Степанов, иностранные ордена.

**Sofjin D.M., Sofjina M.V.,
Russia, Perm**

**Foreign orders for the entourage of Russian august persons (using the example
of general Michael Stepanov, who was an attached
to Grand Duke Sergei Alexandrovich)**

This article was prepared as part of the implementation of the Program of Fundamental Scientific Research of the Imperial Orthodox Palestine Society and the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the direction “Russia and the Middle East: Historical, Political, Archaeological and Cultural Contacts and Connections”, state assignment No. FSNF-2024-0002 “General of the Cavalry M. P. Stepanov: Life and Service to the Imperial Orthodox Palestine Society”

This article analyzes the awarding of foreign orders to General Michael Stepanov, who was an attached to Grand Duke Sergey Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna. The reasons and circumstances of the General's receiving awards from various states are characterized.

Keywords: Russian Imperial House, Grand Duke Sergey Alexandrovich, Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, General Michael Stepanov, foreign orders.

Распространенной практикой для российских и зарубежных монархов было награждение друг друга, а также иностранных августейших родственников, государственными и династическими орденами. Чаще всего, такое награждение происходило во время визита того или иного представителя царствующей династии в зарубежную страну. При этом кавалерами орденов становились не только члены августейшего дома, но и сопровождавшие их лица. На право ношения иностранных орденов испрашивалось согласие своего монарха.

В 1878 г. состоящим при великом князе Сергее Александровиче был назначен капитан Генерального штаба Михаил Петрович Степанов (1853-1917). Он вошел в «ближний круг» великого князя и стал его доверенным сотрудником, со временем дослужился до чина генерал-лейтенанта. После гибели Сергея Александровича в 1905 г. М.П. Степанов был назначен состоять при его вдове, великой княгине Елизавете Федоровне, и спустя пять лет был произведен в генералы от кавалерии. М.П. Степанов стал главным соратником великого князя и его жены в их трудах по руководству Императорским Православным Палестинским обществом, а также помощником во многих других делах [1, л. 16-18; 2, с. 8-13; 3, с. 177; 4, с. 67; 5; 6; 7].

За годы службы при велиокняжеской чете М.П. Степанов стал кавалером внушительного комплекта иностранных орденов. Первые зарубежные награды как состоящий при Сергее Александровиче он получил в 1881 г. Это был результат сопровождения великого князя в его заграничных поездках в 1880-1881 гг. в Италию, Германию, Грецию, а также в ходе паломничества на Святую Землю. Длительное пребывание Сергея Александровича в Италии привело к тому, что итальянский король Умберто I наградил М.П. Степанова орденом Короны, а римский папа Лев XIII – орденом Пия IX. Баварский король Людвиг II пожаловал М.П. Степанова кавалером местного ордена Короны. Ряд других наград стал следствием визитов великого князя в те же годы к близким родственникам: тете, королеве Вюртембергской Ольге Николаевне, сестре, великой княгине Марии Александровне (герцогине Эдинбургской и принцессе Саксен-Кобург-Готской), а также кузине и подруге детства, королеве эллинов Ольге Константиновне. Муж Ольги Николаевны, король Карл I даровал М.П. Степанову вюртембергский орден Фридриха 2-го класса, а супруг Ольги Константиновны, король Георг I – греческий орден Спасителя. Герцог Саксен-Кобург-Готский Эрнст II, дядя мужа Марии Александровны, герцога Альфреда Эдинбургского,

наградил состоящего при его родственнике офицера орденом Эрнестинского дома 2-го класса. Пребывание с паломнической целью в Палестине привело к появлению у М.П. Степанова турецкого ордена Османие 3-й степени, полученного от султана Абдул-Хамида II [1, л. 16об.; 4, с. 63-67; 6, с. 183; 7, с. 87-91; 8, с. 31-33, 40-82, 91-122; 9, с. 50-56; 10, с. 58-65; 11, с. 157-158].

В 1882 г. М.П. Степанову были пожалованы еще два германских ордена: двоюродным дедом Сергея Александровича, германским императором и прусским королем Вильгельмом I – орден Красного Орла 2-й степени, а кузеном русского великого князя, великим герцогом Гессенским Людвигом IV – орден Филиппа Великодушного [1, л. 16об.].

Второе паломничество великого князя Сергея Александровича в Палестину в 1888 г. и пребывание тогда же у греческих родственников привело к награждению М.П. Степанова большими командорскими крестами турецкого ордена Меджидие 2-й степени со звездой и греческого ордена Спасителя, также со звездой [1, л. 16об.; 6, с. 183, 186; 10, с. 65-71; 11, с. 158-160; 12, с. 145-155].

В 1889 г. от великого герцога Гессенского Людвига IV М.П. Степанов получил золотую корону на командорский крест ордена Филиппа Великодушного и в том же году был пожалован «за заслуги» командорским крестом 2-го класса того же ордена. Среди зарубежных наград именно гессенских у М.П. Степанова было больше всего. Дело в том, что в 1884 г. великий князь Сергей Александрович обвенчался с дочерью своего кузена Людвига IV, принцессой Елизаветой Гессенской, ставшей в России великой княгиней Елизаветой Федоровной. Уже в 1891 г. тестем своего сюзерена М.П. Степанов был удостоен звания кавалера ордена Людвига 2-го класса. По прошествии четырех лет сын и преемник Людвига IV, великий герцог Эрнст-Людвиг, брат Елизаветы Федоровны, даровал М.П. Степанову большой крест ордена Филиппа Великодушного. Наконец, в 1905 г., вскоре после гибели великого князя Сергея Александровича, М.П. Степанов стал кавалером ордена Людвига 1-й степени [1, л. 16об.-17об.].

Продолжал М.П. Степанов получать и другие иностранные награды. Так, в 1892 г. французским президентом Сади Карно он был возведен в кавалеры ордена Почетного легиона [1, л. 17]. Спустя пять лет М.П. Степанов сопровождал великокняжескую чету в Великобританию, на торжественное празднование 60-летия царствования королевы Виктории [13]. Но британские родственники Сергея Александровича (его жена была внучкой королевы, а мужем его сестры, великой княгини Марии Александровны, был родной сын Виктории герцог Альфред) оказались более прижимистыми в деле награждения лиц свиты членов

Российского Императорского Дома – М. П. Степанов получил от знаменитой королевы вместо какого-либо ордена лишь медаль в память празднования ее юбилея [1, л. 17]. Но зато в том же году он стал кавалером сиамского ордена Короны 1-й степени, что, очевидно, стало следствием визита в Москву короля Рамы V Чулалонгкорна и приема, который ему оказал великий князь Сергей Александрович, занимавший пост московского генерал-губернатора [1, л. 17; 14, л. 90об.-91об.].

В 1898 г. М.П. Степанов получил две награды балканских стран: от румынского короля Карла I – орден Короны, а от болгарского князя Фердинанда I – орден Святого Александра 1-й степени [1, л. 17]. Последней иностранной наградой М.П. Степанова стало пожалование в конце 1907 г. шведским королем Густавом V ордена Меча 1-й степени, что, по всей видимости, стало следствием помолвки великой княжны Марии Павловны, племянницы и воспитанницы великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны, с сыном короля, принцем Вильгельмом Шведским, герцогом Зюдерманландским [1, л. 17об.; 15, с. 81-88].

У М.П. Степанова также имелись два бухарских ордена, полученных от эмира Сеида Абдул-Ахада-хана: орден Бухарской Звезды с алмазами (в 1903 г.) и орден Тадж (в 1910 г.) [1, л. 17об.-18]. Но эти награды в полной мере заграничными назвать нельзя, поскольку Бухарский эмират официально находился в подчиненном положении по отношению к Российской Империи, а бухарские эмиры имели звание генерал-адъютантов русского монарха.

Таким образом, за годы службы при великом князе Сергее Александровиче и великой княгине Елизавете Федоровне М.П. Степанов получил большое количество иностранных орденов – от глав германских государств, Греции, Румынии, Болгарии, Швеции, Италии, папского престола, Франции, Турции, Сиама, а также британскую медаль. Основная часть наград стала следствием сопровождения М.П. Степановым великого князя Сергея Александровича в его зарубежных поездках.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 409. – Оп. 1. – Д. 177481. – П/с 155-047. – Л. 15-21об. (Послужной список Состоящего при Великой Княгине Елизавете Феодоровне, числящегося по Генеральному Штабу Генерала от Кавалерии Степанова. Составлен 20 Марта 1917 года).

2. *Лисовой Н.Н.* Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре Секретаря (М.П. Степанов – В.Н. Хитрово – А.П. Беляев – А.А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. – 2005. – Вып. 102. – С. 6-35.

3. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX - начале XX в. – М.: Индрик, 2006. – 512 с.

4. *Софын Д.М.* Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. – 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.В. Громова. – М.: Союз Дизайн, 2021. – 304 с.

5. *Лисовой Н.Н., Житенёв С.Ю.* Степанов Михаил Петрович // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / сост., науч. ред. С.Ю. Житенёв. – М.: Индрик, 2022. – С. 812.

6. *Бутова Р.Б.* Служение до гроба: к 170-летию М.П. Степанова // Православный Палестинский сборник. – 2023. – Вып. 121. – С. 181-198.

7. *Черкасская Н.А., Софын Д.М., Софынина М.В.* Михаил Петрович Степанов: вхождение в ближний круг великого князя Сергея Александровича // Христианство на Ближнем Востоке. – 2024. – Т. 8. – № 4. – С. 73-97.

8. Жизнеописание Великого Князя Сергея Александровича, 1880-1884 // Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / сост. И.В. Плотникова. – Кн. 3: 1880-1884. – М.: Новоспасский монастырь, 2009. – С. 19-174.

9. Великий Князь Сергей Александрович Романов на посту Председателя Императорского Православного Палестинского общества: исторический очерк. – М.: Новоспасский монастырь, 2009. – 160 с.

10. *Бутова Р.Б.* Паломничества Великого князя Сергия Александровича в Святую Землю // На службе у России: Великий Князь Сергей Александрович: мат-лы научных конференций 2011-2012 гг., Санкт-Петербург – Москва / ред. И.В. Плотникова. – М.: Издание Фонда памяти Великого Князя Сергея Александровича, 2013. – С. 56-75.

11. *Маневич Г.М.* Путешествия представителей Императорского Дома Романовых на Ближний Восток // Путешествия и паломничества представителей Императорского Дома Романовых: XXIII Елисаветинско-Сергиевские чтения, Москва, Казань, 2020: сб. ст. / отв. ред. А.В. Громова. – М.: Елисаветинско-Сергиевское просвет. об-во, 2021. – С. 153-161.

12. Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы / сост. И.В. Плотникова. – Кн. 4: 1884-1894. – М.: Новоспасский монастырь, 2011. – 720 с.

13. *Софынина М.В.* Русский Великий князь на юбилее британской королевы: дневник Великого князя Сергея Александровича, 4–18 июня 1897 г. // Культурный код. – 2022. – № 2. – С. 145-160.

14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 648. – Оп. 1. – Д. 33. – 185 л. (Дневник великого князя Сергея Александровича, 1897 г.).

15. Воспоминания великой княгини Марии Павловны. – М.: Захаров, 2003. – 512 с.

Преобразования России: идеи Льва Троцкого как теоретика марксизма

Лев Троцкий – профессиональный революционер, один из руководителей событий октября 1917. Он по-своему представлял будущее России и не мыслил его без преобразования европейских государств. В статье представлены идеи преобразования Российской империи на основе произведений Льва Троцкого, дана характеристика государства на момент 1905 года, а также говорится о критике Советского Союза, власть в котором в течение 1920-х гг. перешла к касте бюрократов.

Ключевые слова: Россия, Л. Троцкий, революция, социализм, proletariat, буржуазия, крестьянство, капитализм, диктатура.

Zaytsev A.Y.,
Russia, Moscow

Transformations of Russia: ideas of Leon Trotsky as a marxist theorist

Leon Trotsky is a professional revolutionary, one of the leaders of the events of October 1917. He imagined the future of Russia in his own way and could not imagine it without the transformation of European states. Article presents ideas for the transformation of Russian Empire, based on the works of Leon Trotsky, describes the state at the time of 1905, and also criticizes Soviet Union, where power passed to the bureaucrat caste during the 1920s.

Keywords: Russia, L. Trotsky, revolution, socialism, proletariat, bourgeoisie, peasantry, capitalism, dictatorship.

На рубеже XIX и XX веков в Российской империи наблюдалось активное распространение и адаптация марксистских идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Многочисленные политические течения и партии предпринимали попытки интерпретации и применения марксистской теории в специфических условиях России, выдвигая на первый план авторитетных теоретиков и идеологов.

Среди выдающихся марксистов того времени особо выделялся Лев Давидович Троцкий (1879-1940), молодой революционер и оратор, который еще до событий Первой российской революции опубликовал ряд работ, определявших политические задачи предстоящего революционного процесса.

По мнению Л.Д. Троцкого, Российская империя ко второй половине XIX в. - началу XX в. представляла собой страну «второго эшелона» [4, с. 163] капитализма, стремящуюся догнать более развитые западноевропейские государства. Этот догоняющий характер развития был не естественным, а результатом государственной политики. Импорт технологий и других достижений из-за рубежа не способствовал интенсивному экономическому росту. Самодержавная Россия была не в состоянии осуществить инновационный прорыв, однако её отставание не было полным, что отличало её от традиционных азиатских обществ.

Л.Д. Троцкий высказывал мнение, что Россия развивалась как «надстройка» над медленно эволюционирующими, даже примитивными, обществом. Государственный аппарат укреплялся, стремясь к самосохранению и превращаясь в мощную структуру, прежде всего, под давлением внешних угроз и военных конфликтов. Для выживания государства требовалась максимальная мобилизация ресурсов, что приводило к поглощению значительной части материальных благ и зависимости от иностранных инвестиций. Высокая доля военных расходов в государственном бюджете (78% в 1701 г., 50% в 1801 г., 43% в 1825 г., 31% в 1892 г. [1]) свидетельствует об этом. В результате, тяжёлое финансовое бремя ложилось на крестьянство, что усугубляло его и без того сложное экономическое положение. Государство способствовало формированию сословий и заложило основу современной промышленности, прежде всего, военной.

На основании этого анализа Троцкий сделал вывод о том, что российская буржуазия являлась слабым и паразитическим классом, полностью зависимым от самодержавной власти. По его мнению, в данных условиях буржуазная революция, способная свергнуть царизм и ликвидировать полуфеодальные пережитки, была невозможна.

Пролетариат как наиболее передовой класс должен был сыграть определяющую роль в революции, ставшей неизбежной из-за постоянных конфликтов внутри искусственно созданной системы. Даже относительно небольшая численность российского пролетариата (80% населения страны составляли крестьяне [3]) не являлась, по мнению Троцкого, препятствием для захвата власти. Контроль пролетариата над железнодорожной сетью и его высокая концентрация в крупных промышленных центрах (например, 29 000 рабочих на Путиловском заводе в феврале 1917 г. [5, с. 309]) делали его сильным революционным фактором. Крестьянство, рассеянное по всей территории страны и социально гетерогенное, не могло сыграть такую роль. По мнению Л.Д. Троцкого, «весь исторический опыт показывает, крестьянство совершенно неспособно к самостоятельной политической роли» [8].

В постреволюционный период рабочий класс, руководствуясь своими классовыми интересами и стремлением к улучшению социально-экономических условий, будет направлять свои усилия на создание государства пролетарского типа. «Пролетариат окажется вынужденным вносить классовую борьбу в деревню и, таким образом, нарушать ту общность интересов, которая, несомненно, имеется у всего крестьянства. Пролетариату придется в ближайшие моменты своего господства искать опоры в противопоставлении деревенской бедноты деревенским богачам» [6, с. 387].

В отношении стратегии пролетарской революционной борьбы Л.Д. Троцкий категорически отвергал партизанскую войну как форму противостояния классовому врагу. Он отстаивал необходимость массового вооружения пролетариата, полностью разделяющего социалистическую идеологию, и создания регулярных воинских формирований, способных к решительному победоносному столкновению с буржуазными силами. «Организовать деревню и связать ее с собою, тесно связаться с армией, вооружиться – вот простые и большие выводы, продиктованные пролетариату октябрьской борьбой и октябрьской победой» [9]. После Октябрьской революции 1917 г. Л.Д. Троцкий сыграл ключевую роль в создании и организации новых вооружённых сил большевиков. В условиях Гражданской войны Советская Россия, функционируя как «военный лагерь», мобилизовала все доступные ресурсы – остатки имперского флота, офицерский корпус бывшей царской армии, иностранных добровольцев – для достижения победы над противником. Троцкий подчеркивал первостепенную важность военной силы на всех этапах революционной борьбы за власть.

Центральной теорией Троцкого являлась концепция необходимости и неизбежности мировой революции. Он считал, что революционный потенциал пролетариата определяется его способностью парализовать капиталистическую экономику в глобальном масштабе, что невозможно в рамках одного государства. Даже в наиболее благоприятном сценарии российский пролетариат столкнулся бы с противодействием мировой контрреволюции, заинтересованной как в возвращении царских долгов, так и в защите своих капиталов. Изоляция победившей пролетарской власти в России привела бы, по мнению Троцкого, к её неизбежному поражению от контрреволюционных сил. В такой ситуации пролетариату «ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе» [7].

В контексте революционной стратегии Л.Д. Троцкий отдавал предпочтение союзу с европейским пролетариатом, рассматривая его

как более надёжного партнёра, чем буржуазию или крестьянство. Концепция перманентной революции, по его мнению, должна была обеспечить тесное взаимодействие между Россией и Европой, с учётом их взаимозависимости.

Суть данной концепции заключается в последовательной смене этапов социалистической революции: начало на национальном уровне, продолжение на международном и завершение на глобальном. Ограничение революции рамками одной России, по мнению Троцкого, привело бы к её неизбежному поражению и деструктивным последствиям, ввиду отсталости российской экономики, культуры и социальной структуры. «Надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развязет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, – это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу» [2].

Успешное осуществление революции в России и установление пролетарской диктатуры не гарантирует автоматического перехода к социализму. Л.Д. Троцкий настаивает: «Приведет ли диктатура пролетариата в России к социализму или нет – это зависит от дальнейшей судьбы европейского и мирового капитализма» [10].

Анализ идей Льва Троцкого демонстрирует их генетическую связь с марксистской парадигмой, адаптированной к специфическим условиям Российской империи. Теория перманентной революции является центральным элементом троцкистской идеологии, однако гипотетический сценарий одновременной революции в масштабах всей Европы остается предметом спекуляций.

Тем не менее, сохраняющаяся актуальность и определенная популярность троцкистских, а также иных леворадикальных идей в ряде современных государств, свидетельствует о не исчезающем влиянии данных концепций. Следовательно, можно предположить высокую вероятность того, что «жизненный цикл» идеи коррелирует со степенью её социальной значимости и востребованности, а изучение исторических идеологических концепций, таких, как троцкизм, способствует как более глубокому пониманию прошлого, так и выработке альтернативных политических стратегий в будущем.

Примечания

1. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Таблица главных статей государственного расхода по бюджетам 1680-1892 гг. URL: <https://runivers.ru/lib/book3111/> (дата обращения: 26.12.2024).

2. На зов Коминтерна стальными рядами // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-09-26/14_7081_komintern.html (дата обращения: 26.12.2024).
3. Население Российской империи в конце XIX - начале XX вв. Социальная структура российского общества. URL: <https://uchebniki-besplatno.com/istoriya-rossii/naselenie-rossiyskoy-imperii-kontse-xix-26052.html> (дата обращения: 26.12.2024).
4. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: учебник. – М.: ИНФА-М, 2001. – 192 с.
5. Окунь С.Б. Путиловец в трех революциях: сб. мат-лов по истории Путиловского завода / сост. и подгот. к печати С.Б. Окунь; отв. ред. И.И. Газа. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1933. – 440 с.
6. Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – 397 с.
7. Троцкий Л.Д. Европа и революция. URL: <http://sovcol.ru/articles/58148> (дата обращения 26.12.24).
8. Троцкий Л.Д. Итоги и перспективы. URL: <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/SA/IP/IP-05-00-00.html> (дата обращения: 26.12.2024).
9. Троцкий Л.Д. Наша первая революция. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/98376/83/Trockii_02_Tom_2%281%29._Nasha_pervaya_revolyuciya._Chast%20_1.html (дата обращения: 26.12.2024).
10. Троцкий Л.Д. Перманентная революция. URL: https://royallib.com/read/trotskiy_lev/permanentnaya_revolyutsiya.html#0 (дата обращения: 26.12.2024).

УДК 94(470.62)"1918/1920"

ЧУБЫКИН И.В.
Россия, г. Москва

Противостояние Добровольческой армии и Грузии в Сочинском округе (1918-1920)

В статье исследуются отношения между командованием Добровольческой армии России и Вооруженными силами Грузинской демократической республики в ходе Сочинского конфликта (1918-1920). На основе опубликованных и архивных документов рассматриваются позиции политического руководства и военного командования Белого движения Юга России и Грузинской демократической республики по вопросам государственной принадлежности Сочинского округа, а также военные и дипломатические действия сторон.

Ключевые слова: Гражданская война 1917-1922 гг., Россия, Черноморская губерния, Сочинский округ, Добровольческая армия, Вооруженные силы Грузинской демократической республики.

Confrontation between the Volunteer army and Georgia in Sochi district (1918-1920)

Article examines the relationship between the command of Russian Volunteer army and Armed forces of Georgian democratic republic during the Sochi conflict (1918-1920). On the basis of published and archival documents, the positions of the political leadership and military command of White Movement of the South of Russia, and Georgian democratic republic on issues of nationality of the Sochi District, as well as military and diplomatic actions of the parties, are considered.

Keywords: Civil war of 1917-1922, Russia, Black Sea province, Sochi district, Volunteer army, Armed forces of Georgian democratic republic.

Летом 1918 г. развернулся вооружённый спор между советской Кубано-Черноморской республикой и Грузинской демократической республикой (ГрузДР), претендовавшей на Черноморское побережье Кавказа, имея здесь поддержку со стороны Германии.

18 июня 1918 г. грузинские войска заняли Абхазию. Командующий генерал-майор Г.И. Мазниев (Мазниашвили) приказом 23 июня объявил Абхазию Сухумским генерал-губернаторством, а себя генерал-губернатором. 5 июля они взяли г. Сочи и уничтожили большевистское правление в Сочинском округе. 27 июля воинские части вошли в г. Туапсе, затем достигли ст. Хадыженской, а по побережью дошли до с. Архипо-Осиповки, с. Пшада и Михайловского перевала. В докладе Казачьему отделу ВЦИК сообщалось, что при взятии Туапсе грузинские войска вели себя сдержанно, не допускали расстрелов и даже не брали красных в плен, только разоружая противников. В результате активизации Добровольческой армии на Черноморском побережье Кавказа началось отступление Таманской армии Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) [4, с. 97-98].

ЦИК Северо-Кавказской советской республики (СКСР) (образована 7 июля 1918 г. в Екатеринодаре – И.Ч.) вступил в переговоры с правительством Грузии, надеясь приостановить грузинское наступление. Получив первоначальное согласие грузинской власти, он направил в Туапсе свою делегацию. Однако после успехов Добровольческой армии, занявшей ст. Кавказскую, Ставрополь и действовавшей под Армавиром, готовясь к масштабному наступлению в южном направлении, генерал Г.И. Мазниев и политический комиссар Г.Н. Анджапаридзе отказались от переговоров и арестовали советскую делегацию, через несколько дней выслав её обратно в г. Новороссийск [5, с. 303].

В конце июня 1918 г. деникинские войска взяли под контроль Кубань и планировали продвижение по всей Черноморской губернии.

Первые контакты командования Добровольческой армии с грузинскими вооруженными силами вблизи Сочинского округа состоялись 15 августа 1918 г. Имея общего противника – большевиков – деникинцы и грузинские меньшевики первоначально воспринимали друг друга как союзников. После взятия 16 августа частями Добровольческой армии г. Екатеринодара она начала активизацию действий против Таманской группировки советских войск, действовавшей в районе г. Новороссийска и на Черноморском побережье. В ходе этой операции Штабом Добровольческой армии были получены сведения, что в районе Туапсе и Майкопа против Красной армии действуют восставшие отряды кубанских казаков, которым помогали грузинские военные.

Вскоре в районе г. Туапсе деникинцы встретились с небольшим грузинским отрядом под командованием генерала Г.И. Мазниева. При отряде состояло около 600 кубанских казаков полковника В.И. Морозова, бежавших из Майкопского отдела. Грузины оказывали казакам содействие оружием и боевыми припасами, а представители Добровольческой армии снабжали грузин хлебом. В связи с тем, что генерал Мазниев противостоял красным, то белое командование установило с ним теснейшее сотрудничество, рассматривая его отряд как союзный.

Генерал Г.И. Мазниев выразил «полную готовность» помочь Добровольческой армии и восставшим в Майкопском отделе казакам. Одновременно начались переговоры по организации товарообмена с Грузией. В обмен на предоставление Мазниевым в распоряжение начальника отряда Добровольческой армии генерал-майора Е.В. Масловского одного броневого поезда и обещания передать санитарный поезд, командованием Добровольческой армии было заключено с уполномоченным грузинской стороны Е.С. Такайшвили нотариальное соглашение и предложено выделить Грузии в кредит хлеба на сумму 250 тыс. руб.

В последующие дни 1-я колонна Таманской армии под командованием Е.И. Ковтюха, преследуемая Добровольческой армией, отступая от Новороссийска вдоль Черноморского побережья в юго-восточном направлении, разбила 30 августа группу генерала Г.И. Мазниева с казачьим отрядом полковника В.И. Морозова и выбила из Туапсе, войдя в него на рассвете 2 сентября 1918 г. Понеся значительные потери и лишившись централизованного управления, грузинские подразделения отошли к городам Сочи и Сухуму. 8 сентября таманцы выходили из города, продвигаясь в направлении ст. Белореченской. 8 сентября в Туапсе вступили деникинские части. Новороссийский и Туапсинский округа оказались под властью Добровольческой армии, а Сочинский округ перешел под контроль грузинского правительства. Пытавшиеся удержать

за собой Туапсинский округ грузинские войска встретились с решительной позицией белого командования, заявившего, что в этом районе «двух хозяев допущено быть не может», а Черноморская губерния должна быть полностью российской.

Период столкновений войск Грузинской демократической республики с войсками советской Кубано-Черноморской республики завершился, и постепенно стали складываться предпосылки будущего противостояния с Белым движением Юга России [5, л. 1].

Приказ по гражданскому управлению Добровольческой армией 27 августа 1918 г. устанавливал: «Вплоть до воссоединения и создания верховной власти Русского государства, Черноморская губерния в порядке верховного управления подчиняется командованию Добровольческой армии и переводится на военное положение». Национализированные предприятия возвращались прежним владельцам, а крестьяне обязывались отчислять треть урожая бывшим собственникам земли. В первые же дни действия деникинской администрации вызвали массовое недовольство у городского и сельского населения. А «Декларация по земельному вопросу» от 26 марта 1919 г., обязавшая крестьян вернуть землю прежним владельцам, вызвала быстрый рост широкого партизанского движения на складывавшейся уже с осени 1918 г. повстанческой базе, возглавленной в ноябре 1919 г. Комитетом освобождения Черноморской губернии [5, с. 303].

Грузинские же власти, подозревавшие в Добровольческой армии орудие восстановления самодержавной России, намеревались создать находящуюся под грузинской гегемонией Южную республику с включением в нее Северного Кавказа. В этом проекте Сочинский округ имел стратегическое значение плацдарма для завоевания всего Северного Кавказа. И это совершенно противоречило позиции командования Добровольческой армии, провозглашавшего возрождение «единой и неделимой» России.

25 сентября 1918 г. в Екатеринодар прибыла грузинская делегация во главе с министром иностранных дел Грузии Е.П. Гегечкори и в сопровождении генерала Г.И. Мазниева для переговоров с Добровольческой армией и Кубанским правительством по вопросам товарообмена.

25 и 26 сентября под председательством верховного руководителя Добровольческой армии, генерала от инфантерии М.В. Алексеева состоялись заседания представителей Добровольческой армии, Кубанского правительства и членов грузинской делегации. Открывая первое заседание 25 сентября, генерал М.В. Алексеев в словах приветствия представителей Грузии заверил их, что «со стороны Добровольческой армии» никаких пополнений на Грузию не будет». По его предложе-

нию председатель Кубанского правительства Л.Л. Быч выразил мнение кубанской власти, указав, что «вопрос о самостоятельности Грузии не вызывает у представителей правительства никаких сомнений». Однако в продолжении переговоров стало очевидным, что «грузинские представители заняли совершенно непримиримую и притом необоснованную ни историческими, этнографическими и экономическими данными позицию, в вопросе об установлении границы Черноморской губернии» [6, л. 2].

Держась с самого начала непримиримой позиции в вопросе о границах, Е.П. Гегечкори отметил, что границы Грузии «не были зафиксированы на Брестской конференции, но они были, зато, временно установлены особым декретом грузинского правительства, по которому Сочинский округ включался в пределы Грузии». Он отрицал притеснения русского населения в Грузии. Также Гегечкори заявил о том, что Добровольческая армия как «частная организация» не уполномочена представлять интересы России, следовательно, Сочинский округ останется за Грузией до образования единого русского правительства. Представители российской делегации особо подчёркивали, что грузинское население Сочинского округа в 1913 г. составляло лишь 10,8% и в последующие годы только уменьшалось. Русские же составляли 62,2%, армяне – 18,2%, турки – 2,5%, персы – 1%, черкесы – 0,7%, другие народы – 4,6% [7].

Основной аргумент Е.П. Гегечкори состоял в «опасении Грузии, что сил Добровольческой армии недостаточно, чтобы защищать Сочинский округ от большевиков». В связи с полным отказом грузинской делегации пойти на уступки в главном вопросе о границах, дальнейшие переговоры, в том числе и о товарообмене, прервались и грузинские делегаты покинули Екатеринодар.

После убытия грузинской делегации командование Добровольческой армии стало выжидать, воздерживаясь от столкновений с властями Грузии. Из-за несостоявшегося соглашения по вопросам товарообмена, граница для обмена товарами была закрыта, и соглашение с Е.С. Тахайшвили оказалось расторгнутым [6, л. 3].

Сразу после разрыва переговоров в периодической грузинской и левой русской печати г. Тифлиса и г. Сочи начались многочисленные обвинения высшего командования Добровольческой армии. Особенно активно вели себя официальное издание грузинского правительства газета «Борьба», орган грузинских социалистов-федералистов газета «Сахвахо-Сейма» и сочинская меньшевистская газета «Свободная мысль», упрекавшие руководство белого движения на Юге России в «реакционной политике» [6, л. 4].

В эти же дни в Сочинском округе резко усилились враждебные действия в отношении русского населения и сторонников России. Начались многочисленные притеснения и аресты видных русских общественных деятелей. Российское государственное и частное имущество систематически расхищалось. Особое внимание грузинской властью обращалось на конфискацию и вывоз имущества «Общества Черноморской железной дороги», на разорение культурных имений края – «Колхида», «Отрадное», «Дагомыс», «Гагры» и др.

По распоряжению правительенного комиссара предоставлялась концессия на вырубку уникальной Пицундской сосновой рощи, объявленной российским правительством заповедником. Грабежи и разбои в крае стали массовыми. Оказавшееся в столь тяжелой ситуации население Сочинского округа стало обращаться с многочисленными просьбами к главнокомандующему Добровольческой армии, требуя «восстановления порядка и обеспечения спокойной мирной жизни». В Екатеринодар регулярно приезжали депутаты русского населения с подписаными множеством граждан петициями. Тогда же по требованию Германии Грузия порвала отношения с Добровольческой армией [3, с. 187; 6, л. 4].

Меньшевики и эсеры на совещании в Сочи высказались за немедленное вхождение Сочинского округа в Грузию. Промонархические круги Сочи усилили антигрузинскую агитацию, сразу нашедшую поддержку среди русского и особенно армянского населения, страдавшего от произвола грузинской администрации и погромов грузинских войск. В середине октября 1918 г. Съезд служащих почтово-телеграфных учреждений Сочинского округа обратился к Добровольческой армии с призывом «спасти» население [5, с. 304].

Реагируя на движение 26 сентября 1918 г. двух рот грузин к станции Лоо и перемещение грузинской артиллерии от имения Дагомыс в северном направлении, отряд Добровольческой армии занял 29 сентября с. Лазаревское [6, л. 4]. Планировавшееся деникинским командованием занятие Сочинского округа в ноябре пришлось перенести на более поздний срок, так как с окончанием Первой мировой войны и поражением Германии принципиально изменилась внешнеполитическая ситуация. Германские войска покинули Закавказье, а Англия увеличила зону своей ответственности до линии Петровск – Главный Кавказский хребет с Сочи. В середине декабря 1918 г. в Батуми высадилась английская дивизия под командованием генерала Д. Форестье-Уокера. Привозглашая свою посредническую миссию в споре Добровольческой армии и Грузинской демократической республики, английское военно-

политическое руководство стремилось укрепить свою власть в этом регионе.

31 января 1919 г. в Сочинском округе начались столкновения грузин с армянами, обратившимися за поддержкой к Добровольческой армии. Для обеспечения мира и стабилизации в округе главнокомандующий, генерал-лейтенант А.И. Деникин в тот же день приказал продвижением войск за реку Лоо «восстановить порядок и прекратить кровопролитие».

6 февраля 1919 г. Приморский отряд двумя колоннами перешёл в наступление и преодолев с боем р. Лоо, освободил г. Сочи, где был радостно встречен местным населением. Генерал-майора А.Г. Кониева (Кониашвили) и его начальника штаба полковник И.Ф. Церетели взяли в плен. Грузинам было предложено к 12 часам ночи сдать оружие, но, вследствие затянувшихся переговоров, сдача оружия откладывалась до 9 часов утра 7 февраля. Грузинское командование максимально затягивало время сдачи оружия, надеясь на подкрепления и ссылаясь на распоряжения английского командования из Константинополя [3, с. 196].

7 февраля 1919 г. в 11 часов утра грузины сдали оружие. В городе интернировали 8 штаб-офицеров, 35 обер-офицеров и 700 солдат. Офицерам оружие было оставлено и заявлено, что всё оружие будетозвращено «по очищении всего округа от грузинских властей и войск, и в том случае, если со стороны грузинских властей и войск не будут предприняты какие-либо враждебные действия».

9 февраля Приморским отрядом были заняты г. Адлер и г. Старые Гагры, а 10 февраля от грузинских войск освобождён весь Сочинский округ продвижением до р. Бзыбь. По настойчивой просьбе представителя английской военной миссии полковника Л. Уайта, генерал-майор А.Н. Черепов отправил грузинской стороне телеграмму о завершении военных действий, в связи с «окончанием поставленной задачи по очищению Сочинского округа» [6, л. 7].

От овладения Сухумским округом генерал А.И. Деникин временно отказался, опасаясь лишиться поддержки английского командования. Одновременно англичане старались сохранить связи с главнокомандующим и его окружением, дававшие возможность влиять на действия Добровольческой армии. Создавшееся неустойчивое равновесие продолжало держать в напряжении все три стороны затянувшегося конфликта.

30 апреля 1919 г. началось интенсивное наступление грузинской армии на Сочинский округ, так как правительство и военное командование Грузии воспользовались снятием с российско-грузинской границы деникинских частей для борьбы с быстро набиравшими силу парти-

занскими отрядами из крестьян Сочинского округа. Тогда же партизаны-зеленоармейцы разобрали мост через р. Мзымту и вступили в бои с деникинцами. Утром 1 мая грузинские войска заняли линию р. Мзымты и остановились перед Адлером.

Английское командование приказали грузинам переходить реку и вернуться на р. Бзыбь. Однако грузинское военно-политическое руководство отказалось переместить войска далее р. Мехадырь, в чём нашло поддержку англичан на переговорах всех сторон. Главнокомандующий Добровольческой армии вынужденно согласился временно признать сложившуюся ситуацию, однако дал обещание при первой возможности убрать грузинские части из Гагр и района р. Мехадырь.

Летом 1919 г. в Сочинском округе усилились позиции социалистов-революционеров, вследствие уменьшения влияния большевиков. Эсеры стремились освободить Черноморскую губернию от власти белых. Они сумели возглавить партизанское движение на Черноморском побережье Кавказа. Здесь оно было поддержано грузинским правительством, рассчитывавшим на создание в этом регионе буферного государства, чтобы не допустить создания общей границы между меньшевистской Грузией и РСФСР. 1 декабря в г. Гагры прошёл Крестьянский съезд Черноморья, создавший Комитет освобождения Черноморской губернии (КОЧГ). Начавшееся 28 января 1920 г. наступление его войск прорвало правый фланг Добровольческой армии и обеспечило взятие 3 февраля г. Сочи [1; 3, с. 206].

Грузинское правительство и командование Добровольческой армии достигли соглашения, на основании которого отступавшие в Грузию под натиском Красной армии и партизан белые части разместились в районе г. Поти, а затем перевозились в Крым. 26 февраля 1920 г. Туапсе был занят партизанскими отрядами. 26 февраля КОЧГ провозгласил автономию и самостоятельность Черноморской губернии, обратившись к СНК РСФСР с требованием не вводить части РККА на её территорию.

В конце марта передовые части отступавшей на юг Кубанской армии Кубанского краевого правительства 2 апреля 1920 г. вытеснили Крестьянское ополчение КОЧГ без боя из Сочи. 4 апреля Терская казачья бригада и Волчий ударный имени генерала Шкуро батальон заняли Хосту.

7 апреля 1920 г. 34-я и 50-я дивизии РККА взяли Туапсе. После продолжительных упорных боёв Сочи был 29 апреля полностью освобождён от белых. 2-7 мая от р. Мацесты до р. Псоу прошло разоружение Кубанской армии генерал-майора Н.А. Морозова. 7 мая в Москве представители РСФСР и ГрузДР подписали мирный договор, опреде-

ливший государственную российско-грузинскую границу по р. Псоу и прекращение территориальных претензий с обеих сторон [5, с. 304].

Примечания

1. Черкасов А.А. Деятельность Комитета освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 - середина мая 1920 г.). – Краснодар: КубГУ, 2003. – 194 с.
2. Михайлов В.В., Пученков А.С. Добровольческая армия и Грузия в 1918 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”. – 2012. – № 1. – С. 36-44.
3. Маилян Б.В. К вопросу о территориальном конфликте на Черноморском побережье Кавказа (июль 1918 г. - май 1920 г.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ: сб. ст. – М.: Акад. науч.-изд., произв.-полиграф. и книгораспр. центр “Наука”, 2013. – С. 174-207.
4. Сивков С.М., Иванцов И.Г. Национально-территориальное строительство на Северо-Западном Кавказе в 1917-1930-х гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. – 2013. – № 3. – С. 96-101.
5. Тверитинов И.А. Сочинский конфликт // Россия в Гражданской войне. 1918-1922: Энциклопедия: в 3 т. – Т. 3: Р-Я / отв. ред. А.К. Сорокин. – М.: РОССПЭН, 2021. – С. 302-305.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-446. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 1-7 (Краткий обзор истории взаимоотношений Добровольческой армии с Грузией по вопросу о Сочинском округе (1918-1919 гг.)).
7. ГАРФ. – Ф. Р-446. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 20об. (Население Сочинского округа в 1913 году (статистическая справка)).

УДК 94(470.621)"20"

НАГОЕВА С.Р.
Россия, г. Майкоп

Женский труд в колLECTивных хозяйствах Адыгеи во второй половине 1920-х - начале 1930-х гг.

В статье проанализировано использование женского труда в колLECTивных хозяйствах Адыгеи во второй половине 1920-х - начале 1930-х гг. На основе архивных данных и официальной прессы рассмотрены составляющие данного вопроса: проблема вовлечения горянки в колхозный труд; основные секторы сельского хозяйства, использовавшие женский труд; основные ударницы – горянки в колхозном производстве.

Ключевые слова: Адыгея, горянка, адыгейка, «женский вопрос», колхозы, женский труд.

Women's labor in collective farms of Adygea in the second half of 1920s - early 1930s

Article analyzes the use of female labor in collective farms in Adygea in the second half of 1920s - early 1930s. Based on archival data and the official press, the following components of this issue are considered: the problem of involving mountain women in collective farm labor: the main sectors of agriculture that used female labor: the main shock workers – mountain women in collective farm production.

Keywords: Adygea, mountain woman, Adygeika, “women’s question”, collective farms, women’s labor.

Одной из важнейшей составляющей решения «женского вопроса» в СССР было вовлечение женщины в хозяйственную жизнь страны. Процессы индустриализации и коллективизации, запущенные в конце 1920-х - начале 1930-х гг., нуждались в огромном количестве рабочих рук. В таких условиях участие женского труда стало острой необходимостью. В Адыгее как одной из национальных областей вовлечение женщин в колхозное производство имело свои особенности, связанные с патриархальным укладом жизни. Считалось, что горянка, в силу обычая, не может участвовать в сельских работах [1, с. 243]. Власти пытались решить проблему привлечения адыгских женщин к работе разными способами. Одним из них стала агитация к привлечению к работе пожилых женщин, которые, в силу своего возраста, обладали высоким авторитетом среди остальных. Именно так привлекли на работу горянок на кенаяфную плантацию № 3 в Преображенском районе [2]. К 24 мая 1928 г. на ней трудились 33 адыгейки, причем 30 из них пришли на работу в течение недели [3].

Вопрос вовлечения женщин в колхозную работу поднимали на женской конференции Псекупского района. Данная конференция – замечательный источник, демонстрирующий роль женщин в колхозной работе из уст самих женщин. Основываясь на выступлениях делегаток в рамках конференции, можно сделать несколько выводов. Так, в ауле Понежукая женщины не участвовали в колхозной работе, ввиду отсутствия должной агитации среди них. Впрочем, по словам делегатки, полевые работы проходили не самым активным образом. В ауле Вочепший сложилась прямо противоположная ситуация, когда в поле работали одни женщины, а мужчины, по словам одной из делегаток, «симулировали». Данный случай интересен тем, что именно женский труд стал основополагающим во время полевых работ, по сравнению с мужским. В ауле Панахес проживало 89 женщин, причем все они активно участвовали в полевых колхозных работах.

Одной из причин невыхода женщин на колхозные работы было отсутствие яслей для детей. Данный факт озвучила в своем выступлении делегатка Мысмерей, представлявшая аул Хатукай [4]. Функционирование яслей являлось одним из элементов бытового обслуживания женщин. Нужно отметить, что объяснение низкой активности женщин в колхозной работе отсутствием яслей встречалось на страницах архивных материалов довольно часто. Например, в акте обследования колхоза «им. 1-го мая» в ауле Хатукай от 11 января 1932 г. отмечалось, что у тех женщин, чьи дети находились в яслях, выработка была больше на 70-80 трудодней [5, л. 8].

Ясельная проблема была достаточно одиозной, потому что, с одной стороны, в первые годы ясельной кампании власти наталкивались на категоричное нежелание женщин отдавать туда детей, особенно со стороны горянок. С другой же стороны, когда, в целом, предубеждение было, так или иначе, сломлено, в колхозах ощущался недостаток яслей или их плохое обустройство, что, зачастую, также являлось причинами нежелания женщин выходить на колхозную работу.

Кроме традиционного уклада и бытовых сложностей, одним из препятствий для работы женщин в колхозах стали слухи. Пожалуй, самым одиозным был слух, что женщины и мужчины, вступившие в колхоз, будут спать под одним одеялом [6, с. 62]. Имелись случаи женских выступлений против коллективизации, например, в Теучежском и Красногвардейском районах [6, с. 63].

На V Областной конференции 1930 г. в области колхозного строительства отдельной проблемой было выдвижение женщин в активную колхозную работу. Для решения этой задачи следовало создавать специальные женские производственные совещания, которые должны были руководить теми отраслями сельского хозяйства, которые считались наиболее подходящими для женского труда: молочная, животноводство, кустарная, птицеводческая и т.д. [6, с. 69]. Согласно данным по Псекупскому району за 1931 г., женскими производственными совещаниями было охвачено 163 женщины, из которых 145 были адыгейками [5, л. 11].

В 1932 г. в числе важнейших задач в области работы с женщинами были указаны следующие: внедрение женского труда в сельское хозяйство; повышение эффективности ударных женских бригад, в том числе и в сельском хозяйстве; вовлечение женщин в ударничество [7, л. 1]. Ударные женские бригады вступали между собой в соревнования. К 8 марта 1932 г. в колхозах области были созданы 42 женские ударные бригады [8]. Две огородные бригады колхоза «Красный партизан» в ау-

ле Эдепсукай I соревновались между собой. Одной из лучших ударниц огородной бригады была признана 15-летняя Жане Рахмед [9].

К концу 1-й и началу 2-й пятилетки на страницах официальной прессы фигурировали заметки о самых лучших ударницах области, которые, зачастую, были адыгейками. В 1931 г. в Псекупском районе 899 женщин являлись ударницами, из них 620 были горянками. Многие из тружениц добились успеха на табачных плантациях, которые традиционно считались женской сферой среди сельских работ. Кроме того, табачная сфера была одной из приоритетных в Адыгее. Об этом свидетельствует, к примеру, следующий факт. Адыгей в 1931 г. завоевала первенство в социалистическом соревновании с Краснодаром за выполнение плана заготовки табака [10]. Лучшими ударницами-табачницами Тахтамукайской МТС были признаны Шавацук Фатима, Паранук Аминет, Куисок Аминет [11].

Женский труд активно применялся на колхозных огородах и при севе. Так, женщины аула Пшизов вручную вскопали 70 га колхозных огородов. На 1000 га адыгские женщины вручную, из-за недостатка тягла, посадили кукурузу и подсолнух [12]. Женский труд использовали и в уходе за лошадьми. Так, колхозницы 4-й бригады «Трудовой гигант» взяли шефство за конем.

Лучшими ударницами среди горянок к 8 марта 1932 г. газета «Колхозное знамя» назвала Гишь Айшет, Такахо Малехан, Таус Фатимет, Совмиз Софьет, Мешлок Айтеж, Хутых Зулихан, Хацац Шепхучас, Намитокова Хаджет, Хабаху Кокош, Яхутль Кара [8].

Если в течение первой пятилетки самой большой проблемой стал вопрос вовлечения женщин в колхозную работу, то в начале 2-й пятилетки власти сосредоточились на выдвижении женщин-колхозниц на руководящие должности в колхозе. В 1934 г. в качестве заместителей председателей колхозов выдвинули пять женщин, из которых две были горянками [13, л. 96]. Одной из этих женщин была Хуаде Кураж [14]. Помощником директора Кошхабльского МТС стала одна из первых комсомолок Адыгей Кохужева Пак [15]. Заведующими фермами в колхозах стали 11 женщин, из которых 5 были адыгейками. Звеньевых в бригадах насчитывалось 102 женщины, из них 44 были адыгейками [13, л. 96].

Отметим, что в источниках сведения о количестве женщин на руководящей работе могли разниться, потому что женщины – выдвиженки через 1-2 месяца снимались с работы ввиду отсутствия у них должной подготовки к подобной работе. По этой причине женщин – выдвиженок стали отправлять на учебные курсы.

Если женский труд в вышеперечисленных сферах сельского хозяйства использовался довольно активно, то их участие в механизаторской области оставалось минимальным, особенно это касалось горянок. Трактористок среди них было очень мало, и имена первых из них пользовались областной известностью. Первой трактористкой-горянкой Адыгеи считается уроженка аула Джерокай Захачукова Хаджет. К 1 января 1936 г. в Адыгее работали уже 13 трактористок, одна помощница бригадира тракторной бригады, одна комбайнерка [13, л. 95].

Итак, в рассматриваемый период происходил постепенный рост женского труда в сельскохозяйственном производстве в Адыгее. Это происходило, несмотря на существовавшие традиционные убеждения и организационно-бытовые сложности при формировании коллективных хозяйств в регионе.

Примечания

1. Безрукова А.А. Социальный статус адыгской женщины в эпоху советской модернизации // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. – 2011. – № 2 (16). – С. 240-245.
2. Адыгейская жизнь. Орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, облсовпрофа (Майкоп). – 1928. – 27 апр.
3. Адыгейская жизнь (Майкоп). – 1928. – 2 июня.
4. Серп и молот. Орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, облсовпрофа (Майкоп). – 1930. – 5 окт.
5. Государственное учреждение “Национальный архив Республики Адыгея” (ГКУ НА РА). – Ф. Р-81. – Оп. 1. – Д. 253.
6. Кубов Ч.Ч. Борьба областной партийной организации за осуществление сплошной коллективизации сельского хозяйства в Адыгее (1929-1931 гг.) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Т. 9. История / ред. М.А. Меретуков, Б.М. Джимов. – Майкоп, 1969. – С. 67-119.
7. ГКУ НА РА. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 536.
8. Колхозное знамя. Орган Адыгейского обкома ВКП(б), облисполкома, облсовпрофа (Майкоп). – 1932. – 8 марта.
9. Колхозное знамя (Майкоп). – 1934. – 21 янв.
10. Колхозное знамя (Майкоп). – 1931. – 23 сент.
11. Колхозное знамя (Майкоп). – 1934. – 7 нояб.
12. Колхозное знамя (Майкоп). – 1934. – 1 янв.
13. ГКУ НА РА. – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 757.
14. Колхозное знамя (Майкоп). – 1934. – 10 янв.
15. Колхозное знамя (Майкоп). – 1934. – 18 янв.

**Об итогах работы Министерства государственного
контроля РСФСР и Прокуратуры РСФСР по проверке
правильности назначения государственных пенсий в
системе социального обеспечения, проведенной в 1948 г.**

В статье рассмотрены итоги проверок правильности назначения государственных пенсий в системе социального обеспечения, проведенных в 1948 г. силами Министерства государственного контроля РСФСР и Прокуратуры РСФСР. В ходе выборочных проверок ревизорами были выявлены случаи нарушения пенсионного законодательства, а также растрат и хищений. Основными причинами появления ошибок в установлении пенсий стало значительное увеличение контингента пенсионеров за счет инвалидов Великой Отечественной войны и членов семей погибших воинов, а также недостаточное количество квалифицированных кадров, в том числе кадров бухгалтеров-ревизоров.

Ключевые слова: Министерство социального обеспечения РСФСР, Министерство государственного контроля РСФСР, Прокуратура РСФСР, пенсионное обеспечение, инвалиды Великой Отечественной войны, контрольно-ревизионная работа, ошибки и хищения.

**Kapustina O.V.,
Russia, Gus-Khrustalny**

On the results of the work of Ministry of state control of RSFSR and Prosecutor's office of RSFSR to verify the correctness of appointment of state pensions in the social security system, conducted in 1948

Article deals with the results of inspections of the correctness of state pensions in the social security system carried out in 1948 by the forces of the Ministry of State Control of the RSFSR and the Prosecutor's Office of the RSFSR. In the course of random inspections, the auditors revealed cases of violation of pension legislation, as well as embezzlement and misappropriation. The main reasons for errors in the establishment of pensions were a significant increase in the number of pensioners at the expense of disabled veterans of the Great Patriotic War and family members of deceased soldiers, as well as an insufficient number of qualified personnel, including accountant-auditors.

Keywords: Ministry of social security of RSFSR, Ministry of state control of RSFSR, Prosecutor's office of RSFSR, pension provision, invalids of Great Patriotic war, control and auditing work, errors and embezzlement.

В послевоенные годы, когда восстановление народного хозяйства в СССР потребовало значительных государственных инвестиций, целевое использование бюджетных средств было как нельзя более актуальным. Одним из важнейших направлений расходов государственного бюджета являлись выплаты на пенсионное обеспечение советских граждан, в том числе осуществляемые в системе социального обеспечения. В 1944 г. нарком социального обеспечения РСФСР А.Н. Сухов (1943-1952) докладывал в Совет Министров СССР о том, что «органы социального обеспечения РСФСР расходуют на выплату пенсий и другие виды социального обеспечения более трех миллиардов рублей в год» [1, л. 12]. С 1937 г. под эгидой Наркомата (с 1946 г. – Министерства) социального обеспечения (НКСО, МСО) РСФСР было сосредоточено пенсионное обеспечение рабочих, служащих и военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава.

С целью осуществления контроля за соблюдением законодательства в области пенсионного обеспечения в территориальных отделах социального обеспечения (собесах) периодически проводились плановые и внеплановые документальные проверки как собственными контролерами-ревизорами НКСО (МСО) РСФСР, так и специалистами других ведомств (прокуратуры, финансовых органов и органов государственного контроля). Предметом ведомственного и вневедомственного контроля являлись операции по назначению (перерасчету), начислению, выплате и доставке государственных пенсий, банковские операции по финансированию выплаты пенсий, бухгалтерский учет и отчетность в органах, участвующих в процессе пенсионного обеспечения (в части пенсий) [2].

Ранее автор уже обращалась к проблемам неправомерного установления пенсий в период действия закона «О государственных пенсиях» (1956-1991) [3]. Задача данной работы – выявить основные ошибки и правонарушения, допущенные при установлении пенсий в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы, определить причины их возникновения. В качестве исторических источников использованы направленные в адрес Председателя Совета Министров РСФСР М.И. Родионова докладные записки и.о. прокурора РСФСР Баранова (19 ноября 1948 г.) [4, л. 19-20], министра государственного контроля РСФСР Н.М. Васильева «О результатах проверки правильности назначения и выплаты пенсий инвалидам Отечественной войны, труда и семьям погибших военнослужащих в Воронежской, Смоленской, Кировской и Тамбовской областях» (23 декабря 1948 г.) [4, л. 12-18], заместителя Министра социального обеспечения М. Деревнина (7 января 1949 г.) [4, л. 7-11].

Итак, в 1948 г. Министерством государственного контроля РСФСР была проверена правильность расходования средств на выплату пенсий в четырех вышеназванных областях.

Вначале Госконтроль указал на нарушение 3-хдневных сроков, установленных для назначения пенсий инвалидам Отечественной войны. Например, в Воронежской области из выборочно проверенных 393 заявлений – 218, или больше половины, были рассмотрены с опозданием от 4 до 48 дней. Из 395 проверенных заявлений Кировской области – 104 заявления рассмотрены в срок от 5 до 40 дней [4, л. 12].

Следующие замечания касались несоблюдения коллегиального порядка рассмотрения заявлений о назначении пенсий. В соответствии с постановлениями Правительства Советского Союза [5; 6], решения об установлении пенсий инвалидам войны должны были приниматься комиссией, в состав которой входили заведующий районным (городским) отделом социального обеспечения (председатель), районный (городской) военный комиссар и заведующий районным (городским) финансовым отделом. На деле вопросы назначения пенсий зачастую решались единолично заведующими собесами, а нередко даже и техническими работниками, т.е. инспекторами собесов.

Пенсионное обеспечение военного и послевоенного периода советской истории регламентировалось многочисленными нормативными актами (постановлениями, распоряжениями, циркулярами, инструкциями и т.д.), на глубокое изучение которых у работников местных отделов социального обеспечения не всегда хватало времени, что порождало многочисленные ошибки. Тем более, что во время войны многие квалифицированные работники собесов ушли на фронт, уехали в эвакуацию, сменили место работы. Их места занимали инспекторы и счетоводы, не имевшие необходимого опыта. Так, в 1943 г. в самом наркомате из 83 чел. инспекторского состава 35 чел. имели стаж работы в органах социального обеспечения до 1 года; из 53 заведующих край(обл) собесами и наркомсобесами АССР 36 чел. имели соответствующий стаж от 1 года до 2-х лет [7, л. 21]. Количество и квалификация собственных бухгалтеров-ревизоров также были недостаточными, о чем А.Н. Сухов неоднократно докладывал в вышестоящие органы власти. В частности, в 1944 г. он сообщил в Совнарком СССР, что «на одного бухгалтера-ревизора, работающего в край/обл/собесе, в среднем, приходится до 50-ти райсобесов, домов инвалидов, протезных предприятий» [1, л. 12]. К 1946 г. количество обслуживаемых учреждений одним контролером было уменьшено, но сразу ситуацию это не улучшило.

Возвращаясь к 1948 г., отметим, что в результате «выборочной проверкой лишь 6% пенсионных дел, имевшихся в районных отделах

социального обеспечения г. Воронежа, выявлено 146 случаев неправильного назначения пенсий, по которым необоснованно выплачено 270 тыс. рублей» [4, л. 13]. Так, в Смоленской области из «54287 пенсионных дел выявлено 632 случая неправильного назначения пенсий, по которым выплачено 761 тыс. руб. и 1415 случаев необоснованного назначения пенсий по недооформленным документам» [4, л. 14]. А при выборочной проверке 800 пенсионных дел в Тамбовской области «обнаружено 34 случая неправильной выплаты пенсии, по которым <...> необоснованно выплачено 123,5 тыс. рублей» [4, л. 15].

В качестве показательных примеров допущенных ошибок можно назвать следующие: инвалиду первой группы М. пенсия выплачивалась в размере 240 руб. как получившему инвалидность вследствие заболевания, связанного с фронтом, тогда как из свидетельства о болезни усматривалось, что он ослеп от употребления метилового спирта [4, л. 14]; инвалиду Отечественной войны В. пенсия была назначена в размере 300 руб. как работавшему до призыва на военную службу по найму, хотя он до призыва не работал, т.е. имел право на пенсию в твердой норме 90 руб. [4, л. 14]; «вопреки постановлению СНК РСФСР от 25 января 1931 года и циркулярного указания Наркомтруда РСФСР № 33 от 25 апреля 1931 года “О должностях, время службы на которых до Октябрьской революции или при контрреволюционных правительствах не засчитывается в стаж работы по найму для получения пенсии в порядке социального страхования”, зачел П. стаж работы при царском режиме в качестве управляющего имением и назначил ему пенсию, на получение которой по стажу своей работы при советской власти он не имел права» [4, л. 13]. Имелись случаи выплат пенсий инвалидам 3-й группы в повышенных размерах, предусмотренных для инвалидов 2-й группы, и, наоборот, инвалидам войны 2-й группы – в уменьшенных размерах как инвалидам 3-й группы. Инвалидам войны, проживавшим в сельской местности и имевшим связь с сельским хозяйством, пенсии назначались по городским нормам (для сведения: пенсии лицам, имеющим связь с сельским хозяйством, устанавливались в размере 80% от пенсий, предусмотренных для горожан [8]).

Кроме ошибок, допущенных в результате незнания пенсионного законодательства, проверяющие выявили случаи хищений. Так, в Ждановском райсобесе Кировской области счетовод в течение 1947 г. и 8-ми месяцев 1948 г. перевел почтовыми переводами пенсии подставным лицам, в том числе своим родственникам, на сумму 26 тыс. руб.; Коминтерновский райсобес города Воронежа в течение длительного времени выплачивал пенсии на имена умерших пенсионеров; в Заднепров-

ском райсобесе города Смоленска выявили 24 случая повторных переводов по почте одним и тем же лицам [4, л. 15].

По результатам ревизий виновные в хищении пенсионных средств были привлечены к судебной ответственности, а на должностных лиц, допустивших крупные переплаты государственных средств, наложили взыскания.

Одновременно с деятельностью Госконтроля в 1948 г. сразу в нескольких автономных республиках, краях и областях РСФСР провели прокурорские проверки. По их данным установлено, что «в результате несоблюдения закона при определении размеров пенсий допускаются многочисленные факты переплаты пенсионерам денежных сумм, чем наносится серьезный ущерб государству. В 1948 году только в 13 областях, краях и АССР по далеко неполным данным выявлена переплата пенсий на 2.528.419 руб.» [4, л. 19]. В качестве причин переплат прокурор назвал назначение пенсий при отсутствии у пенсионеров необходимых документов, выплаты пенсий лицам, не имеющим на них права, установление пенсий инвалидам, у которых истекли сроки инвалидности. При этом он подчеркнул, что «Министерство социального обеспечения РСФСР недостаточно остро и решительно реагирует на факты разбазаривания государственных средств местными органами социального обеспечения» [4, л. 19]. Прокурор также потребовал обязать министра социального обеспечения РСФСР А.Н. Сухова выяснить по каждой области в отдельности причины, обусловившие вышеуказанные переплаты пенсий, принять меры к недопущению этого в дальнейшем и наказанию виновных.

Ответ на замечания подготовил заместитель министра СО РСФСР М.И. Деревнин. Прежде всего, он подчеркнул, что «за период Отечественной войны и послевоенные годы контингент пенсионеров органов социального обеспечения РСФСР возрос в четыре раза» [4, л. 7]. При этом имела место «большая сменяемость <...> работников районных и городских отделов социального обеспечения» [4, л. 7], также нельзя забывать о сложности пенсионного законодательства. Все это, в совокупности, и привело к значительному числу ошибок, допущенных как в определении самого права на пенсию, так и ее размеров. Далее замминистра обратил внимание руководителя российского Совмина на работу своего Министерства по выявлению нарушений в области пенсионного обеспечения: «Начиная с 1944 г., Министерство социального обеспечения ежегодно проводило инвентаризацию пенсионных дел и лицевых счетов, а в 1948 году провело сплошную проверку правильности назначенных с 1939 года пенсий во всех районных и городских отделах силами работников обл/край/со» [4, л. 7]. 10 марта 1948 г. МСО РСФСР

издало приказ № 151, в котором перед органами социального обеспечения была поставлена задача обеспечения «коренного улучшения работы по пенсионному обеспечению, приведения всех пенсионных дел в точное соответствие с законом, правильного и бережного расходования государственных средств» [4, л. 7]. Всего на 15 ноября 1948 г. ревизорами министерства социального обеспечения было проверено 3.115.660 пенсионных дел [4, л. 8]. Завершить проверку дел во всех районных и городских отделах социального обеспечения в РСФСР планировалось к 1 июня 1949 г. [4, л. 10]

Существовала еще одна беда: территориальные отделы социального обеспечения имели двойное подчинение: не только вышестоящим органам социального обеспечения (обл/крайсобесам и МСО РСФСР), но и соответствующим исполнкомам депутатов трудящихся, руководители которых имели право распоряжаться рабочим временем работников собесов и отвлекали их от выполнения задач по установлению пенсионного обеспечения. Поэтому заместитель министра СО просил у председателя Совмина РСФСР «указаний областным, краевым исполнкомам депутатов трудящихся <...> о запрещении посылки в длительные командировки не по своей работе заведующих районными отделами социального обеспечения» [4, л. 10].

Кроме этого, в завершении своей докладной записки М.И. Деревнин, обращая внимание на сложность пенсионного законодательства, просил Совмин РСФСР ассигновать собственному министерству 700.000 руб. на проведение курсовых мероприятий для работников районных отделов [4, л. 11].

Подводя общие итоги, следует отметить, что проведение проверок правильности назначения пенсий, как ведомственных, так и внедомственных, во многом способствовало упорядочению работы учреждений социального обеспечения и повышению квалификации их сотрудников.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А413. – Оп. 1. – Д. 457.
2. Рекомендации об организации контроля за правильностью расходования средств, предназначенных на выплату государственных пенсий, утв. Минтруда РФ № 1084-ЮЛ, Правлением ПФ РФ № ЛЧ-06-11/1741-ИН, Минсвязи РФ № 1302 от 07 марта 1997 г. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=21833&ysclid=m8yh3zbsal27781321>.
3. Капустина О.В. Правонарушения, возникавшие при назначении и выплате государственных пенсий в советской системе социального обеспечения (1956-1991гг.) // Социальное и пенсионное право. – 2016. – № 3. – С. 35-39.

4. ГАРФ. – Ф. А413. – Оп. 1. – Д. 1386.

5. Инструкция о порядке назначения и выплаты пенсий по инвалидности военнослужащим рядового, сержантского и старшинского состава: Постановление СНК СССР от 31 января 1944 г. № 101 // Собрание постановлений Правительства (СП) СССР. – 1944. – № 3. – Ст. 47.

6. О комиссиях по назначению пенсий и пособий инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих: Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1947 г. № 269 // СП СССР. – 1947. – № 2. – Ст. 28;

7. ГАРФ. – Ф. А413. – Оп. 1. – Д. 353.

8. О пенсиях военнослужащим рядового и младшего начальствующего состава срочной службы и их семьям: Постановление СНК СССР от 16 июля 1940 г. № 1269 // СП СССР. – 1940. – № 19. – Ст. 465.

**Секция III «Историческое краеведение: современное
состояние и тенденции развития»**

УДК 94(470/67)"18/19"

АБДУЛАЕВ К.А., ГАРУНОВА Н.Н.
Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала

**Перспективы развития российских укреплений
Азово-Моздокской пограничной линии (на примере
Екатериноградской, Георгиевской и Владикавказской крепостей)**

Рассмотрены вопросы, связанные со строительством и развитием Азово-Моздокской пограничной линии. Строительство российской линии укреплений проанализировано на примере Георгиевской, Владикавказской, Екатериноградской крепостях.

Ключевые слова: крепость, торговля, империя, администрация, транспорт, правительство, горцы, кочевники.

**Abdulayev K.A., Garunova N.N.,
Russia, Dagestan, Makhachkala**

**Prospects for the development of Russian fortifications of Azov-Mozdok
border line (on the example of Yekaterinograd, Georgievskaya
and Vladikavkaz fortresses)**

Article examines issues related to the construction and development of the Azov-Mozdok border line. The construction of Russian fortification line is analyzed, using the example of the Georgievsk, Vladikavkaz, and Yekaterinograd fortresses.

Keywords: fortress, trade, empire, administration, transport, government, highlanders, nomads.

Военно-политическая необходимость толкала российское правительство на усиление своего присутствия на Северном Кавказе. По инициативе видного русского государственного и военного деятеля, князя Г.А. Потемкина в 1777 г. принято решение возвести на южном пограничье целую цепь крепостей, которые образовали Азово-Моздокскую пограничную линию. В основе Линии лежало десять крепостей, составивших две дистанции – восточную и западную. Помимо решения прочих задач, им предстояло сыграть важную роль в экономическом развитии Предкавказья, активизируя процессы хозяйственного развития региона и сближения населявших край народов с Российским государством [1, с. 164].

Однако произойдет это далеко не сразу, и в большинстве случаев можно говорить об эффективности их влияния на горские и кочевые народы края лишь со следующего столетия.

Пусть и с многочисленными накладками, но Российской империи удалось создать на Северном Кавказе «более или менее устойчивую в политическом отношении ситуацию» [2, с. 41]. Выстраивая свою пограничную политику, России приходилось учитывать то обстоятельство, что здесь имелось множество лидеров, претендовавших на главенствующую роль по отношению к соседям.

Такие представители местной элиты крайне болезненно относились к тому, что царская администрация уравнивала их статус со статусом прочих владетелей. По-прежнему, не были решены и вопросы, связанные с социальными противоречиями. Если феодалы хотели за счет российского административного ресурса усилить свою власть над горскими низами, то крестьяне, напротив, видели в российском подданстве шанс сохранить свою независимость, а также получить защиту от владельческого произвола.

При всех усилиях кавказской администрации процессы экономического развития новых центров происходили крайне медленно.

Зачастую гарнизоны на Северном Кавказе не могли содержаться исключительно за счет привлечения местных ресурсов. Поэтому в первое время приходилось сюда завозить необходимые ресурсы, прежде всего продовольствие, из других регионов.

Следует помнить, что возведение новых укреплений вызывало далеко не всегда благожелательную реакцию со стороны местных обществ, которые видели в них угрозу своим интересам. Но постепенно ситуация нормализовалась, в том числе и благодаря выстраиваемому торговому обмену с северокавказскими народами. В целом, повторилась ситуация, которую можно было наблюдать на примере Кизляра и Моздока.

Перспективы развития и превращения в города имели лишь те из них, кто успешно интегрировался в торгово-хозяйственную жизнь региона, становился притягательным в глазах горского и кочевого населения. Ярким примером служит крепость Екатериноград, которая, несмотря на попытки властей в 1787 г. сделать ее губернским городом и центром наместничества, в 1790 г. утратила свой статус, сделавшись, в итоге, станицей [3, с. 18]. Примечательно, что Ю. Клапрот, побывав здесь в 1807 г., в своих достаточно подробных записках-впечатлениях нашел возможным подчеркнуть военные достоинства Екатеринограда, удобство его расположения, но ничего не рассказал о хозяйственных занятиях его жителей [4]. Для сравнения, Моздоку автор уделил куда

большее внимание, рассказав об этническом своеобразии этого города, хозяйственных занятиях жителей, устройстве их домов, товарах, которые можно встретить в местных лавках [4, с. 192-193].

Не преуспела в своем развитии и крепость Георгиевск. Несмотря на оптимистичные «стартовые возможности», она развивалась крайне медленно, хотя и привлекала к себе интерес как торговая площадка. Возможно, здесь сыграл свою роль неблагоприятный климат, который нередко приводил к массовым заболеваниям, в будущем оставив за городом сомнительную славу «кладбища коллежских асессоров». Тем не менее, с появлением крепости близлежащая территория стала активно распахиваться, а под защитой укрепления поселились однодворцы, государственные крестьяне, отставные солдаты. Привлекались и иностранные колонисты – власти рассчитывали перенять у них передовой опыт ведения сельского хозяйства и занятия всевозможными ремеслами. Вновь не обошлось и без армянских поселенцев, которые импонировали российской администрации своей предприимчивостью и «коммерческими способностями» [5, с. 12]. Через Георгиевск проходил Большой Черкасский тракт, по которому на Кавказ прибывали из столицы [6, с. 265].

По данным за 1788 г., в городе проживало 24 купца, которые платили однопроцентный налог со своего капитала. Из них лишь один являлся купцом 2-й гильдии, а остальные относились к 3-й гильдии. Число мещан, которые также платили налоги, оценивалось в 60 чел. Общее население города, в лучшем случае, можно было определить в 500 чел. Для сравнения: в Кизляре в 1798 г. проживало 5464 чел. Естественно, что при таком положении «народного образования не было, медицинской помощи населению – никакой, о благоустройстве города, при скучных средствах, не могло быть и речи...» [7, с. 71]. Попытка обязать местное население заниматься шелководством особым успехом не увенчалась, хотя власти и выставляли условием для этого осуществлять посадку тутовых деревьев [5].

В 1784 г. появляется еще одна крепость – Владикавказская, которая «при входе гор» должна была играть роль промежуточного пункта на пути из Моздока в Грузию [5]. Заключение Георгиевского трактата в 1783 г. заставило российское командование усилить внимание к организации коммуникаций, которые связали бы Кавказскую линию с территориями, отныне находившимися под протекторатом империи. Крепость, которой предстояло стать «ключом к Кавказу», первое время не получала развития как инструмент экономического влияния на окрестные горские народы. Да и полноценной крепостью ее назвать было

трудно – она, скорее, являлась военным постом, и лишь к 1800 г. существенно расширилась и укрепилась [6; 8, с. 15].

Окрестному населению было сложно что-либо предложить для торгового обмена, да и транспортные издержки не делали Владикавказ притягательным для купцов.

Сказывались опасности, которым подвергались путешественники, причем нечистые на руку представители царской администрации, вступив в преступный сговор с местными владетелями, получали свою долю от организованного на дорогах грабежа. По крайней мере, об одном таком случае поведал посетивший крепость Ю. Клапрот. Он утверждал, что «...знаменитый Девлет-Мурза, известный русским под именем Девлетка, имевший обыкновение делить награбленную добычу с прежним комендантом Владикавказа, графом Ивеличем (генерал-майор Иван Константинович Ивелич был комендантом Владикавказа с 1805 г. по 1810 г.); по причине чего, этот чиновник позволял ему безнаказанно совершать всякие грабежи» [4]. Представляется, что и без таких договоренностей одиноких путников и даже небольшие караваны подстерегали многочисленные опасности.

Ситуацию должна была исправить дорога, которую окончательно проложат через Дарьяльское ущелье позднее, уже в XIX столетии. Именно она придаст ускорение экономическому развитию не только Владикавказа, но и окружавших его территорий. В изучаемое время были сделаны существенные подвижки в данном направлении, и, как отмечал дореволюционный исследователь Н.Н. Шабловский, если в 1769 г. русский отряд под командованием генерала Тотлебена с огромным трудом сумел добраться через горы в Грузию, то уже в 1783 г. наместник Кавказа П.С. Потемкин на коляске добрался до Тифлиса [5].

В целом, до присоединения Грузии к Российской империи условия для превращения крепостей Азово-Моздокской линии в региональные локомотивы экономического роста были не настолько благоприятными, чтобы они продемонстрировали заметные успехи в своем влиянии на местные народы.

Примечания

1. Рудницкий Р.Р. Исторические предпосылки создания Азово-Моздокской оборонительной линии. – Пятигорск: Пятигорск. краевед. музей, 2003. – 64 с.
2. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII - 80-е годы XIX в. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 328 с.

3. Рудницкий Р.Р. История возникновения и функционирования крепостей Азово-Моздокской линии: 1777-1829 годы: автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.02. – Пятигорск, 2004. – 23 с.

4. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах по приказанию русского правительства Юлиусом фон Клапротом, придворным советником его величества императора России, членом академии Санкт-Петербурга и т.д. / пер. с англ. К.А. Мальбахова. – Нальчик: ГК КБР “Респ. полиграф. к-т им. Революции 1905 г.”; ИЦ “Эль-Фа”, 2008. –317 с.

5. Шабловский Н.Н. Георгиевская старина. Исторические очерки города Георгиевска Терской области. – СПб.: Георгиев. гор. обществ. упр., 1914. – 100 с.

6. История городов и сел Ставрополья: краткие очерки / науч. ред. Д.В. Кочура, А.А. Кудрявцев. – Ростов н/Д: кн. изд-во, 2002. – 702 с.

7. Грищенко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - первой половине XIX вв. / под ред. канд. ист. наук Н.А. Тавакаляна. – Грозный: газ. “Грозн. рабочий”, 1961. – 194 с.

8. История Владикавказа (1781-1990 гг.): сб. док-тов и мат-лов / сост. М.Д. Бетоева, Л.Д. Бирюкова. – Владикавказ: Сев.-Осет. ун-т; Сев.-Осет. объед. музей истории, архитектуры и лит., 1991. – 1013 с.

УДК 94(470.62):908”1861”

САЛЧИНКИНА А.Р.
Россия, г. Краснодар

Посещение Александром II Кавказа в 1861 г.: памятник императору в станице Царской и его значение для кубанского казачества

Статья посвящена посещению Александром II Кавказа в 1861 г. и сохранению памяти об этом событии в памятнике императору, установленном в казачьей станице Царской Кубанской области.

Ключевые слова: Александр II, Кавказ, памятник, станица Царская, историческая память, кубанское казачество.

**Salchinkina A.R.,
Russia, Krasnodar**

Alexander II's visit to Caucasus in 1861: monument to the emperor in village of Tsarskaya and its significance for Kuban cossacks

Article is dedicated to Alexander II's visit to Caucasus in 1861 and the preservation of the memory of this event in a monument to the emperor erected in Cossack village of Tsarskaya Kuban oblast.

Keywords: Alexander II, Caucasus, monument, Tsarskaya village, historical memory, Kuban cossacks.

Александр II Николаевич посещал Кавказ трижды: в 1850 г., в статусе наследника престола, в 1861 г. и 1870 г. – будучи императором Всероссийским. Вторая поездка была особенно важна для монарха: он планировал лично убедиться в достигнутых успехах военной кампании на Западном Кавказе. В воспоминаниях офицера Ейского полка Кубанского казачьего войска М.И. Недбаевского (Недбая) приезд императора объяснялся и необходимостью успокоить «черноморских казаков», которые не желали заселять «освободившиеся земли после массового выселения черкесов в Турцию» [1, л. 10-11].

11 сентября 1861 г. император прибыл из Крыма в Тамань. В газете «Кавказ» военный историк, полковник С.С. Эсадзе писал, что туда же «прибыли более 500 мирных и немирных черкесов с намерением просить не выселять их с Кавказа... Тут произошла одна из глубоко потрясающих сцен: при приближении Монарха черкесы все, как один, схватились за оружие и, положив его на землю, благоговейно склонили свои головы... Впечатление, произведенное черкесами на Государя, было самое благоприятное, и он потом неоднократно расспрашивал о них князя Орбелиани» [2, с. 4]. 12 сентября Александр II посетил войсковой град – Екатеринодар. На следующий день он направился к верховьям реки Фарс и по пути провел смотр частям Шапсугского и Нижнеабадзехского отрядов, посетил Григорьевское и Усть-Лабинское укрепления. 14 сентября Александр II прибыл в крепость Майкоп и пробыл там в течение двух дней. 16 сентября император поехал в уроцище Мамрюк-Огой. Здесь в верховьях реки Фарс 18 сентября 1861 г. состоялась историческая встреча Александра II с делегацией горцев, которая, как отмечал в своих воспоминаниях начальник Кавказской резервной дивизии, генерал-лейтенант М.Я. Ольшевский, решила «участь магометанского населения западного Кавказа» [3, с. 359]. 7 октября 1861 г. Тифлисский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Г.Д. Орбелиани в своем рапорте военному министру, генерал-лейтенанту Д.А. Миллютину докладывал о результатах встречи Александра II с делегациями черкесских племен: «Сделалось очевидным, что явившиеся в лагерь старшины и депутаты были представителями не целого народа, а только одной партии, действительно желающей прекращения войны с нами и готовой даже принести для этого известные жертвы, но еще не довольно сильной для того, чтобы увлечь за собой весь народ» [4, л. 3]. Визит императора стал поворотным моментом в истории Кавказской войны, но к заключению мира он так и не привел. Уже 19 сентября Александр II отправился в обратный путь в сопровождении кубанских казаков и нижегородских драгун по Кубанской и Лабинской линиям че-

рез Екатеринодар и Крымское укрепление к побережью Черного моря, где его ждал теплоход «Тигр».

В 1862 г. на том месте, «где был раскинут лагерь Абадзехского отряда, имевшего счастье принимать у себя государя, основана станица Кубанского войска» [5, с. 75]. Первоначально она получила название Верхне-Фарсовская, но в том же году ее переименовали в Царскую¹. Позже вблизи станицы на небольшом плато был воздвигнут памятник Александру II. Кубанский казак М.И. Недбаеский также в своих воспоминаниях упоминал монумент, установленный в честь посещения императором Кавказа [1, л. 11]. Священник Н.Т. Михайлов, составивший обзор городов, сел, станиц и хуторов Кубанской области, дал описание памятника. Он представлял собой «бюст Государя, обращенный лицом к Кавказским горам. На чугунном постаменте памятника с северной стороны изображено: “16 сентября 1861 года Государь Император здесь окончательно утвердил предложенную систему покорения Западного Кавказа”; с южной стороны: “В 1864 году Высочайший приказ исполнен: Кавказ покорен”... Вокруг памятника установлены соединенные цепями пушки, а также ружейные стволы и солдатские штыки – реликвии славных Кавказских войн» [6, с. 358] (См. Фото 1).

Памятник стал символом утверждения власти Российской империи и казачьего присутствия на землях Закубанья [7]. Однако это восприятие было далеко не однозначным. Для местного адыгского населения памятник являлся оскорбительным напоминанием о трагических событиях, связанных с завоеванием их земель. Для казаков памятник представлял собой легитимизацию их прав на закубанские земли. В связи с этим, монумент, находившийся в ведении станичного атамана, круглосуточно охранялся вместе с «Царской часовней», которую воздвигли рядом в 1881 г. в честь второго десятилетия посещения императором этих мест. Первоначально охрана была возложена на станичного атамана [8, л. 4], а с 1893 г., согласно предписания Войскового Штаба и приказа по Майкопскому гарнизону, в караул были назначены 4 нижних чина 5-го Кубанского пластунского батальона [8, л. 15-17об.], а с 1900 г. – 4 нижних чина 4-го Кубанского пластунского батальона [8, л. 26].

Начало XX в. кардинально изменило Россию, став эпохой беспрецедентных событий, которые радикально повлияли на все сферы жизни – политику, экономику и культуру. В частности, судьба дореволюционных памятников наглядно отразила эти потрясения. Практически каждый такой мемориал пережил сложные испытания, отражавшие бурные

¹ Станица Царская находилась в составе Майкопского отдела Кубанской области. В 1920 г. получила нынешнее название – Новосвободная.

события и смену приоритетов в государственной политике. Время не пощадило и мемориальные объекты в станице Царской. За нынешней станицей Новосвободной сохранились фрагменты стен часовни из тепсанного и шлифованного вручную камня-известняка. Бюст Александра II, пушки и металлическая ограда бесследно исчезли. О былом памятнике напоминают только остатки камней от фундамента постамента на холме.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 670. – Оп. 1. – Д. 67.
2. К 50-летнему юбилею покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны // Кавказ. – 1914. – 21 мая. – № 113.
3. Ольшевский М.Я. Император Александр Николаевич на западном Кавказе в 1861 году // Русская старина. – 1884. – Т. XLII. 1884. – Вып. 5. – С. 355-373.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 38. – Оп. 7. – Д. 402.
5. Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Т. 8. – СПб.: типо-лит. Р. Голике, 1895. – 172 с.
6. Михайлов Н.Т. Справочник по Ставропольской епархии. – Екатеринодар: тип. Кубан. обл. правл., 1910. – 501 с.
7. Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – 2007. – № 1(36). – С. 72-76.
8. ГАКК. – Ф. 396. – Оп. 1. – Д. 6893.

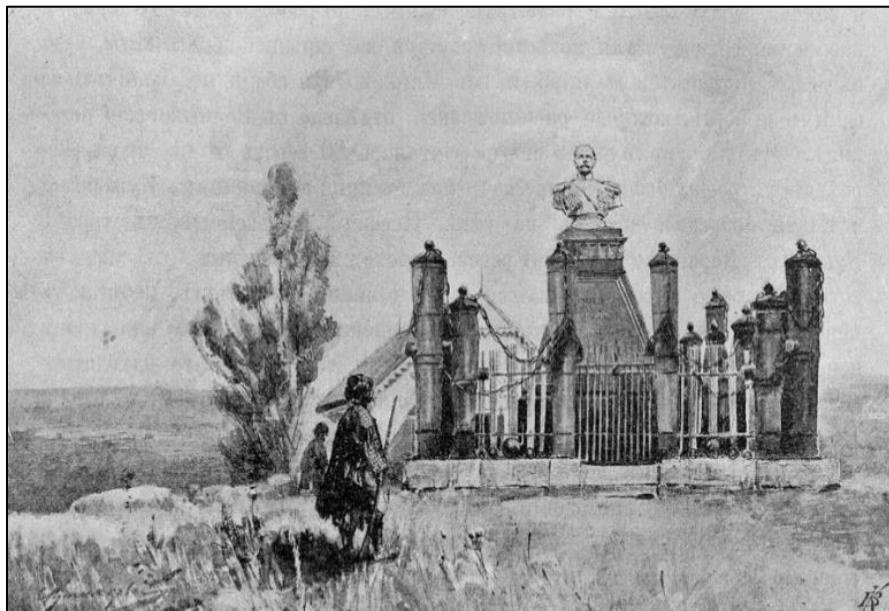

Фото 1. Памятник в станице Царской в честь пребывания на Кавказе императора Александра II.

**Деятельность благотворительных организаций
в дореволюционном Майкопе**

В статье рассмотрены основные благотворительные организации дореволюционного Майкопа, их цели, деятельность, а также влияние на формирование социально-культурной среды города.

Ключевые слова: Благотворительные организации, Майкоп, дореволюционная Россия, история благотворительности, Майкопское Свято-Осиевское братство, Сиротский суд.

**Burykina L.V., Fedoseeva L.D.,
Russia, Maykop**

Activities of charitable organizations in pre-revolutionary Maikop

Article examines the main charitable organizations of pre-revolutionary Maykop, their goals, activities, as well as their impact on the formation of the socio-cultural environment of the city.

Keywords: Charitable organizations, Maikop, pre-revolutionary Russia, history of charity, Maikop St. Osievsky Brotherhood, Orphan's Court.

В дореволюционной России благотворительные организации играли важную роль в поддержке нуждающихся. Они оказывали помощь бедным семьям, организовывали образовательные программы для детей, предоставляли медицинскую помощь и поддержку пожилым людям. Благотворительные организации собирали пожертвования от местных жителей и проводили различные мероприятия для сбора средств. Важным направлением их деятельности являлась также помощь местным школам, больницам и приютам. При существующих социальном расслоении и нестабильности в современном обществе большое значение приобретает практический опыт дореволюционного благотворительного движения. На протяжении долгого времени в отечественной историографии очень мало уделялось подобающего внимания истории благотворительных организаций.

Особый характер носила благотворительная помощь взрослым и детям в Кубанской области. Сформировавшееся административно-территориальное деление Кубанской области, находившейся в долине реки Кубань, а также её притоков, определилось исторически к концу XIX в. Семь отделов включала в себя данная территория с 1896 г.: Ба-

талпашинский, Ейский, Екатеринодарский, Кавказский, Лабинский, Майкопский и Темрюкский. Как в истории области, так и Российского государства в целом, конец XIX в. представляет собой своеобразный период, который выделяется повышением уровня экономического развития населения, правового и политического самосознания общества [1, с. 9]. Как раз на это время выпало существенное увеличение численности общественно-благотворительных организаций.

Существовали в Кубанской области среди благотворительных учреждений организации разной направленности. Во-первых, религиозные, такие, как Александро-Невское религиозное братство, православное братство св. великомученика Артемия при Троицкой церкви станицы Новощербиновской, православное братство св. пророка Осии в г. Майкопе. Имелись и национальные организации – армянское дамское благотворительное общество г. Екатеринодара, женское армянское благотворительное общество г. Майкопа. Существовали и профессиональные организации – общество взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринодаре, Ейске, Армавире, Майкопе. Встречались и социальные – благотворительные общества Екатеринодара, Темрюка, Ейска, Армавира, Майкопа [1, с. 14].

В «Памятных книжках Кубанской области» и «Кубанских календарях» дореволюционной Кубани, в основном, упомянуты имена и должности лиц, состоявших в благотворительных обществах. Кроме того, в них также содержится краткая информация об основных направлениях деятельности благотворительных обществ в регионе [2; 3; 4]. Процветание благотворительности в Екатеринодаре послужило толчком для активного развития данной деятельности в расположенных поблизости районах.

В 1892 г. в Майкопе начала свою деятельность первая добровольная общественная организация – благотворительное Майкопское Свято-Осипьевское братство. В дореволюционном Майкопе благотворительность получила признание очень давно. Благотворительные спектакли и вечера, сбор пожертвований по подписным листам позволяли получать значительные денежные суммы для оказания помощи нуждающимся – погорельцам, жертвам эпидемий и несчастных случаев, малоимущим учащимся на одежду, питание, оплату образования, жителям внутренних губерний России в голодные годы [2, с. 14].

Благотворительные спектакли и вечера устраивались в городе как местным артистическим кружком, так и антрепренерами, арендовавшими по договору помещения Пушкинского народного дома. В одном из постановлений Театрально-Садовой Комиссии удовлетворено ходатайство Общества пособия бедным и Осиевского Братства об освобож-

дении их «от платы 10% с валового сбора за пользование Пушкинским домом с поставленных в пользу этих обществ, спектаклей: «Принимая во внимание, что общество пособия бедным и Осиевское Братство являются благотворительными учреждениями города, и что, сдавая Пушкинский дом в аренду по договору с антрепренером, обусловливается обязательная подготовка спектаклей в пользу благотворительных учреждений..., следовательно, о взыскании 10% с валового сбора со спектакля, поставленного в пользу указанных выше благотворительных учреждений, не может быть и речи» [5, с. 232].

Дети-сироты имущих родителей не оставались без помощи: в городе существовал Сиротский суд под председательством Д.И. Зинковецкого, в те годы городского головы. Он пристраивал сирот на воспитание в семьи родственников или знакомых за счёт наследственных сиротских сумм. Сироты пополняли штат «бесприютных», поэтому возникновение Осиевского братства придало новое качество делу благотворительности. К тому времени нищих в городе и, без того, стало много. А они всё прибывали из голодных губерний России.

Один из членов Братства г. Деревлёв предложил в качестве приюта свой пустующий, состоящий из двух комнат, дом бесплатно. Дом решили назвать так: «Убежище для сирот и бесприютных детей». В обиход название вошло как «Убежище» или «Приют». Дом Деревлева оказался тесным и малопригодным для проживания детей, число которых всё возрастало. При участии всех членов совета после нескольких неудачных попыток нашлось «Убежище» в более удобном просторном доме, нанятом за 300 руб. в год у госпожи Стефанской, в старом городе, в следующем за Александро-Невской церковью квартале. Таким образом, Осиевское Братство помогло детям-сиротам обрести кров и дало им возможность на жизнь, а не на выживание [6].

Свято-Осиевское братство организовало в Майкопе сиротский дом, в котором на полном пансионе жили и воспитывались дети-сироты, в основном, из бедных семей. Здесь осиротевшие дети учились не только грамоте, но и ремеслу. Братство содержало столярную, швейную, вязальную мастерские, а также корзиночную, где из ивовых прутьев дети плели корзины разных фасонов и емкостей. Продукцию мастерских реализовывали на базаре, а деньги вкладывались на содержание сиротского дома. В нем содержалось одновременно до 30 сирот. Повзрослевшие сироты уходили в самостоятельную жизнь, а на их место приходили новые. Известно, что воспитательницей и учительницей в сиротском приюте работала Мария Грумм-Гржимайло [7].

Устав Майкопского Свято-Осиевского братства был утверждён 17 ноября 1890 г. С января 1891 г. оно развернуло свою поначалу весьма

скромную, а затем всё более содержательную деятельность [8]. В Совет братства вошли: председатель – благочинный 15 округа протоиерей Благовещенского-Успенского собора Е.Н. Соколов; секретарь – чиновник Н.Г. Гольдман; члены Совета – священники М.С. Костинский (из Ханской), Е.А. Левицкий, дьякон Г.М. Польский, купцы Д.И. Зинковецкий (он же казначей братства), М.Б. Терзиев, чиновники А.А. Штемлер и С.И. Иванов [9; 10].

В 1909 г. вблизи Майкопа в станицах Нефтяной, Ширванской, Самурской и Хадыженской были обнаружены большие залежи нефти. Эти земные богатства привлекли в город массу русских капиталистов, которые совершенствовали финансовое и социальное положение уездного города, а также занимались благотворительностью, тем самым, развивая социально-культурную среду города [11, с. 344]. Ими были открыты несколько банков, магазины, проведена телефонная связь и многое другое.

Принимая заботу об образовательных учреждениях и храмах, купцы брали на себя обязанности попечителей, блюстителей, ктиторов, что проявилось в таких формах благотворительности, как денежные пожертвования, учреждения стипендий, строительство и украшение местных церквей. Следует отметить, что наравне со столичным предпринимательским миром, провинциальному купечеству не было чуждо искусство. Так, в 1897 г. майкопские купцы братья Оськины пожертвовали для народного театра «ценную каменную постройку под железной кровлей». В помещении, помимо представлений, устраивались лотереи-аллегри, а собранные средства шли в фонд строительства здания для народных развлечений, библиотеки и чайной [12, с. 23].

Таким образом, благотворительность в Кубанской области положительно повлияла на развитие социально-культурной среды как города Майкопа, так и всей области в целом. Она дала возможность нуждающимся сиротам и малоимущим детям получить крышу над головой, средства к существованию и образованию. Это было так необходимо для воспитания умного образованного и культурного человека, который может сохранять, создавать и передавать культурное наследие будущим поколениям, а также стать полезным обществу и своему государству.

Примечания

1. Благотворительные учреждения Российской империи.: в 3 т. Т. 3. Раздел “Кубанская область”. – СПб.: Тип. Спб. АО печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. – С. 221-225.

2. Памятная книжка Кубанской области. – Екатеринодар: изд. Кубан. обл. правл., 1874. – 265 с.

3. Памятная книжка Кубанской области. – Екатеринодар: изд. Кубан. обл. правл., 1881. – 341 с.
4. Кубанский календарь на 1899 год. – Екатеринодар: тип. Кубан. Обл. правл., 1888. – 229 с.
5. *Луганская Г.Б.* Пушкинский народный дом как центр культурной жизни Майкопа в конце XIX – начале XX вв. // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – Вып. 2. – Краснодар: Изд-во ИП Солововникова А.Н., 2013. – С. 225-234.
6. *Малаханова С.* Майкопское Свято-Осиевское братство организовало сиротский приют. URL: <https://vk.com/id467122466> (дата обращения: 02.04. 2025).
7. *Крылов Д.* Свято-Осиевское братство. URL: <https://sovetskaya-adygeya.ru/2015/01/18/svyato-osievskoe-bratstvo/> (дата обращения: 04.04. 2025).
8. Майкопское Свято-Осиевское братство. Отчет Совета Майкопского Свято-Осиевского братства за 1910 г. – Т. 1. – Майкоп, 1911. – 14 с.
9. *Мазурик В.К.* Неизвестный Майкоп: исторические очерки в двух книгах. Кн. 1: На реке Белой, при выходе её из гор. – Майкоп: Изд-во ООО “Аякс” 2006. – 192 с.
10. *Мазурик В.К.* Неизвестный Майкоп: исторические очерки в двух книгах. Кн. 2: Майкопская хроника конца XIX столетия. – Майкоп: Изд-во ООО “Аякс” 2006. – 408 с.
11. *Харламов М.А.* История возникновения и развития города Майкопа в связи с историей Закубанского края // Кубанский сборник. Труды Кубанского областного статистического комитета Т. 17 / под ред. Л.Т. Соколова. – Екатеринодар: тип. Кубан. обл. управл., 1912. – С. 387-454.
12. *Жданова Л.А.* Купеческая благотворительность в контексте культурой жизни кубанских городов // Вестник Краснодарского государственного института культуры. – 2016. – № 2(6). – С. 21-26.

УДК 930.85:908

БЕСЕДИНА Е.А., БУРКОВА Т.В., НАЛИВАЙКО Р.А.
Россия, г. Санкт-Петербург

Памятники основателям городов в дальневосточных регионах России: особенности коммеморативной практики

Данной статьей авторы, на примере исторических городов и сел 11-ти регионов Дальнего Востока, продолжают цикл работ, посвященных изучению проблемы коммеморативного воплощения истории основания российских городов.

Ключевые слова: Дальний Восток, регион, коммеморация, памятник, основание городов, основатели городов.

Monuments to the founders of cities in Far Eastern regions of Russia: features of commemorative practice

With this article, the authors, using the example of historical cities and villages in 11 regions of Far East, continue a series of works devoted to studying the problem of the commemorative embodiment of the history of the founding of Russian cities.

Keywords: Far East, region, commemoration, monument, foundation of cities, founders of cities.

Проблема увековечения памяти о времени основания городов и исторических персонажах, так или иначе, участвовавших в этом процессе, являлась важной составляющей государственной политики памяти в различные периоды отечественной истории. Сегодня она продолжает оставаться актуальной и для региональных властей, и для местного сообщества. Различные коммеморативные практики, к которым можно отнести монументальные памятники, мемориальные доски, памятные знаки, городскую топонимику, отделы и части экспозиций в местных краеведческих музеях и др., помогают решить несколько важных задач – начиная от уточнения дат и событий, связанных с появлением того или иного города, привлечения внимания к историческим деятелям, знаковым для данной местности, и завершая проблемой формирования национальной, региональной идентичности жителей определенного городского центра, региона. Наконец, празднование круглых дат истории населенного пункта – надежный и обоснованный способ усилить его присутствие в медийном пространстве, сфокусировать финансовые возможности для его благоустройства, привлечь туристические потоки.

Вместе с тем, с началом XXI в. политический дискурс в качестве приоритетной задачи выдвинул укрепление «вертикали власти». Таким образом, политика памяти оказалась направлена на сочетание региональных и федеративных интересов, что довольно ярко проявилось в установке памятников основателям городов или персоналиям, которых принято считать таковыми.

Нельзя не согласиться с мнением О.Ю. Малиновой, А.И. Миллера и К.А. Пахалюка о том, что для эффективного исследования политики памяти не стоит ограничиваться лишь уровнем общенациональным («макро-масштаб») или локальным, региональным («микро-масштаб»). Важно проводить анализ и на уровне «мезо-масштаба», «когда в фокусе внимания оказываются кластеры, состоящие из нескольких регионов» и объединяемые какими-либо общими факторами. Таковыми могут вы-

ступать, например, «географическая близость регионов, сходство их исторического опыта, сравнимость и взаимосвязанность их повестки в сфере политики памяти» [1]. Основываясь на этой методологии исследования, авторы сформировали выборку по 11 регионам, составляющим Дальневосточный федеральный округ. База данных составлена на основе информации об установке монументальных памятников в областных/краевых/республиканских центрах, вторых по значению городах, а также 1-2 небольших населенных пунктах, имеющих историческое значение.

Не будет преувеличением сказать, что с момента присоединения дальневосточных территорий к России этот регион стал играть заметную и чрезвычайно многогранную роль в развитии всей страны, независимо от конкретного исторического периода. Отметим лишь некоторые из этих граней. Дальний Восток и в имперский период истории, и на протяжении XX столетия, и ныне выступал и выступает «территорией-крепостью», важнейшим форпостом России на Тихом океане. Регион всегда выполнял задачи обеспечения социально-политической безопасности страны. По сути дела, присоединение Дальнего Востока стимулировало процесс завершения формирования российского Военно-Морского флота. Нельзя обойти вниманием вклад этой богатейшей природными ресурсами земли в развитие экономики России, ту роль глубокого тыла, которую играл регион в случаях военных действий на западе державы. В XX веке усиливается социально-культурное значение Дальнего Востока в жизни российского социума, ставшего, с одной стороны, важным источником представлений и знаний об окружающем мире, территорией, на которой шло активное развитие науки и образования, а с другой – местом «политической «ссылки», как в прямом, так и в переносном смысле» [2].

В дальневосточных регионах сохранилось несколько интересных образцов дореволюционной коммеморации, дошедших до нас в том или ином виде.

Старейшим мемориальным сооружением на Дальнем Востоке считается памятник Витусу Берингу в Петропавловске-Камчатском, открытый около 1827 г. Одна из ярких достопримечательностей города представляет собой двухметровую колонну, напоминающую орудийный ствол, на ее навершии помещен цветок лотоса, в лепестках которого «спряталось» пушечное ядро. Колонна опирается на массивный тесанный камень, чугунная плита содержит надпись: «Основателю Петропавловска в 1740 году мореплавателю Витусу Берингу». Памятник несколько раз менял «место прописки», с 1945 г. он находится на нынешнем месте [3]. В 1959 г. в с. Никольское Алеутского муниципального

района Камчатского края на берегу океана был установлен еще один памятник руководителю Камчатских экспедиций XVIII в. – бронзовый бюст В. Беринга.

Исторические метаморфозы XX века получили отражение в судьбе обелиска в честь основания города Свободный (Амурская область). В связи со строительством Амурской железной дороги в 1911 г. в месте её пересечения с рекой Зея было принято решение о закладке нового города Алексеевска, названного в честь цесаревича Алексея Николаевича. На следующий год в ознаменование этого события был воздвигнут семиметровый обелиск, увенчанный государственным гербом Российской империи. После событий февраля 1917 г. город обрел новое имя – Свободный – и утратил упомянутый коммеморативный знак. В 1967 г. обелиск был восстановлен в измененном виде – со шпилем вместо герба и надписью «В честь закладки города Свободного 12 августа 1912 года» [4].

Жителям Российской Федерации хорошо известно изображение памятника Н.Н. Муравьёву-Амурскому в Хабаровске, растиражированное на банкноте номиналом 5000 рублей. Эта скульптура также имеет свою дореволюционную историю. В 1891 г., через десять лет после смерти графа, по инициативе местных властей и поддержке горожан на собранные пожертвования на вершине утёса был установлен памятник работы знаменитого А.М. Опекушина, проект которого был признан лучшим по итогам творческого конкурса. Открытие памятника состоялось при участии наследника престола, будущего императора Николая II, совершившего свой восточный вояж. Послереволюционные годы не оставили шансов монументу, в 1925 г. скульптура была демонтирована и переплавлена. До 1983 г. постамент венчала фигура В.И. Ленина, непропорциональная по своим размерам. Надо отметить, что в указанном году было принято смелое по тем временам решение заменить памятник вождю на стелу «Ладья» – памяти русских землепроходцев. Перестроечные годы оживили надежды хабаровчан на возрождение памятника культовой для этого края фигуре отечественной истории, тем более, что в фондах Русского музея сохранился скульптурный проект автора дореволюционного памятника. В 1988 г. такое решение было принято, а спустя четыре года, в 1992 г. восстановленный памятник был открыт [5].

Дореволюционную историю имеет и четырёхгранный гранитный обелиск основателю Николаевска-на-Амуре адмиралу Г.И. Невельскому. Открытие памятника планировалось приурочить к 100-летию знаменитого мореплавателя (1913 г.). Однако памятник удалось открыть только в 1915 г., когда уже шла Первая мировая война, а поэтому

скромно, безо всяких торжеств. Памятник пережил катаклизмы Гражданской войны, попытка городских властей физически уничтожить памятник в 1932 г. не увенчалась успехом. В ином «переинтерпретированном» образе в виде надгробия борцам, погибшим за советскую власть на Нижнем Амуре в 1918-1920 годах, обелиск существовал до 1950-х гг. С того времени постепенно шло возрождение первоначального смысла памятника, возвращение Г.И. Невельского в пространство исторической памяти города, который удалось достигнуть к 1991 г. [6]

Собранный эмпирический материал дает возможность выдвинуть гипотезу о том, что в советский период коммеморативная деятельность по созданию памятных знаков в честь основания дальневосточных городов и поселков оказалась достаточно напряженной и результативной, начиная с 1950-х гг.

Мемориалы и памятные знаки устанавливались в память об открытии бухт, в которых оказались основаны города, о прибытии землепроходцев, о высадке первопоселенцев, о начале строительства и т.д. При этом дело касалось не только населенных пунктов, появление которых пришлось на советское время, но и городов, основанных в дореволюционную эпоху. Ярким примером в этом отношении может служить появление в г. Находка в 1958 г. символического памятного знака «Два якоря». Левый чугунный якорь символизирует 100-летие открытия бухты Находка. Правый якорь посвящен преобразованию рабочего поселка Находка в город краевого подчинения, состоявшемуся на основе решения Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1950 г. [7]

Если в имперский период, в 1913 г. решением городской думы в Хабаровске именем адмирала Г.И. Невельского была названа набережная, то в 1951 г. в качестве парковой скульптуры в городе установили скромный памятник выдающемуся исследователю региона. Простояв чуть более 40 лет, монумент попал под горячую ванальскую руку и был уничтожен. Проблема его восстановления и современного места расположения обсуждается, к сожалению, до сих пор [8].

В 1960 г. во Владивостоке в честь юбилея города появился первый временный вариант Ростральной колонны. В 2010-2012 гг. была проведена реконструкция этого памятника, получившего современный вид и ставшего одним из символов Приморского края [9].

Памятник в честь военных строителей забайкальского Краснокаменска – «урановой столицы России», установленный в 1970-х гг. и имевший вид камня с памятной доской и военной звездой, в 2012 г. обрел новый облик, закрепляющий в монументе и память о гражданских строителях, и, казалось бы, дореволюционную мифологию – фигуру степного орла с раскинутыми крыльями. Толкование этого популярного

имперского символа, однако, совершенно иное. Оно связано с легендой о том, что после приезда первых строителей будущего города рядом с их палатками сел большой орел. Сочтя это добрым знаком, военные вбили на месте «приземления» гордой птицы колышек, знаменовавший начало возведения Краснокаменска [10].

Безусловно, коммеморативная активность в дальневосточных регионах, как и по всей стране, возросла в 1990-х гг., а особенно в 2000-х гг. Появление новых памятников, как всегда бывает в таких случаях, способствует введению в региональный и федеральный коммеморативный дискурс новых имен, событий, обстоятельств возникновения населенных пунктов. Мотивувековечения памяти об основании городов, составляющий общефедеральный тренд последних десятилетий, в дальневосточных регионах существует, а в некоторых случаях, и противоречит местным коммеморативным традициям, связанным, в частности, с партизанским движением в годы Гражданской войны и иностранной интервенции. Как заметил А.В. Михалев, при единстве символического дальневосточного пространства «зафиксировано наличие целого ряда символических конфликтов», один из которых можно назвать «атаманщина и партизанщина». Это две группы символов, фактически противостоящих друг другу. С одной стороны, это памятники партизанам, натурализовавшиеся и устойчивые символы региона, доставшиеся в наследство от советской эпохи. Они достаточно универсальны и хорошо адаптируются даже к местным национализмам (бурятскому и якутскому). С другой стороны, это памятники атаманам-первоходцам, большая часть которых была установлена в 2000-е годы. Они вызывают неоднозначную реакцию населения региона, особенно в национальных республиках, в связи с откровенно колониальными смыслами, которые содержит история освоения Дальнего Востока. При этом символы казачьей колонизации, так или иначе, присутствуют в публичном пространстве, вызывая ожесточенные дискуссии» [11].

В качестве примера такого рода служит ситуация, сложившаяся в столице Республики Бурятия – Улан-Удэ. Вопрос об установке памятника основателям города в региональной общественной повестке находится с 1990-х гг. Основателями города считаются «служилые люди» – пятидесятник Гаврила Ловцов и десятник Осип Васильев. Согласно официальной исторической версии, в 1666 г. ими было поставлено ясачное зимовье на слиянии рек Уды и Селенги, где позже появился Удинский острог, разросшийся в город Верхнеудинск, ставший ныне Улан-Удэ [См. подробнее: 12].

Инициатива предпринимателя Льва Бардамова, разместившего в 2022 г. скульптуру Гаврилы Ловцова на своей частной территории, интересна, но не решает проблемы.

Меж тем, памятники казаку Петру Ивановичу Бекетову как основателю города в 2008 г. установлены в Чите – столице Забайкальского края, годом ранее – в Якутске (не без споров относительно правильности локализации «места рождения» города), столичном центре Республики Саха. В данных случаях серьезного противостояния со стороны определенных общественных национальных групп не наблюдалось, по крайней мере, по данным местных СМИ.

Таким образом, изучение коммеморативных практик, посвященных увековечению в населенных пунктах регионов Дальнего Востока памяти об обстоятельствах их основания и «отцах»-основателях, свидетельствует о том, что первые мемориальные знаки и памятники появляются здесь еще в имперский период истории России. Это, вероятно, было связано с задачей закрепления российского присутствия на данной колонизируемой территории, в том числе и с привлечением идеологии. Необходимо подчеркнуть, что именно на Дальнем Востоке мы имеем на сегодняшний день большее, чем в других регионах России, число сохранившихся дореволюционных памятных знаков, посвященных основанию городов. В советский период наблюдался второй подъем внимания союзных и местных властей к проблеме коммеморации начального периода истории городов Дальнего Востока, что, несомненно, способствовало становлению территориальной идентичности. Наконец, с рубежа XX-XXI вв. происходит новый виток развития коммеморативной активности, который решает целый ряд задач, в том числе восстановление исторической справедливости, ввод в общенациональный и региональный коммеморативный дискурс новых (точнее, забытых старых) имен исторических деятелей, дальнейшее формирование гражданской идентичности.

Примечания

1. *Малинова О.Ю., Миллер А.И., Пахалюк К.А.* Региональный аспект политики памяти в России // Новое прошлое. – 2022. – № 2. – С. 112-136.
2. *Ващук А.С.* Судьба Дальнего Востока, или вклад региона в развитие России: исследовательский опыт // Диалог со временем. – 2015. – № 52. – С. 303-322.
3. Памятник “Мореплавателю Витусу Йонассену Берингу”. URL: https://kamchatka.media/turizm/mestnye_turistskie_marshruty/ob_ekty_kul_turnogo_naslediya/pamyatniki_iskusstva/pamyatnik_moreplavatelyu_vitusu_jonassenu_beringu/ (дата обращения: 12.03.2025).
4. Обелиск в честь основания города Свободного // Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области: Объекты культурного насле-

дия. URL: <https://nasledieamur.ru/objects/96-obelisk-v-chest--osnovaniya-goroda-svobodnogo> (дата обращения: 21.01.2025).

5. Опекушин А.М. Проект памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому для Хабаровска // Виртуальный Русский музей: Коллекция онлайн. URL: https://rusmuseumvrn.ru/data/collections/sculpture/18_20/sk-1220/index.php (дата обращения: 19.02.2025).

6. Казаченко Н.И. К 45-летию мемориального комплекса. 10.10.2017. Сайт «Муниципальное казенное учреждение “Муниципальный архив Николаевского района”». URL: http://xn--80aerbkg1km4c.xn--p1ai/index.php?art_id=1136%20&%20mid=13 (дата обращения: 10.01.2025).

8. Неделько А. Памятник Невельскому снова намерены установить на набережной // Новости Хабаровск. – 2023. – 5 июля. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2023/07/05/157711/> (дата обращения: 10.01.2025).

9. Памятники монументального искусства города Владивостока // ИА Регнум: Новости России, СНГ и мира. – 2008. – 18 апреля. URL: <https://regnum.ru/news/989227> (дата обращения: 10.03.2025).

10. Памятники Краснокаменска. – Изд-е 2, перераб. и доп. – Краснокаменск, 2019 / авт. и руководитель проекта Н.А. Нагорская. URL: <https://красно-каменск.рф/wp-content/uploads/2022/11/Памятники-Краснокаменска.pdf> (дата обращения: 19.02.2025).

11. Михалев А.В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 227-236.

12. Памятник казакам-основателям Улан-Удэ разделил общественность города на два лагеря. URL: <https://ulanmedia.ru/news/480535/> (дата обращения: 26.02.2025).

УДК 94(47):908

ВАЛИУЛЛИН И.Р.

Россия, Республика Татарстан, г. Казань

«Удельная» сторона Казани

Один из аспектов казанского краеведения – изучение отдельных частей города. Статья посвящена «удельной» стороне Казани – территории бывшей «Удельной стройки» («Удельной слободы»). В истори-

ческом ракурсе рассматриваются изменения, которые произошли на её территории; определяются основные факторы, способствовавшие формированию её облика.

Ключевые слова: краеведение, Казань, улицы Казани, «Удельная стройка», «Удельная слобода», история Казани.

Valiullin I.R.,
Russia, Republic of Tatarstan, Kazan

The “specific” side of Kazan

One of the aspects of kazan regional studies is the study of individual parts of the city. The article is devoted to the “Specific” side of Kazan – the territory of the former “Specific construction” (“Specific settlement”). The changes that took place on its territory are considered from a historical perspective; the main factors, that contributed to the formation of its appearance are determined.

Keywords: local history, Kazan, streets of Kazan, “Specific construction”, “Specific settlement”, history of Kazan.

История городов, в том числе и Казани, это история его отдельных частей (улиц, слобод, посёлков, районов), которые формировались и развивались в течение продолжительного времени. Их изучение позволяет выявить особенности развития города и, в целом, представить более полную картину его исторического прошлого. Всё это справедливо и по отношению к той части Казани, которая связана с историей территории бывшей «Удельной стройки» («Удельной слободы»).

«Удельная стройка» – поселение, сформировавшееся в дореволюционный период и располагавшееся за северными пределами (за Кизическим монастырём) Казани на землях, сдаваемых в аренду государственным учреждением – Удельным ведомством. В этот период получили развитие и другие подобные поселения за границами города – «Ивановская стройка», «Стройка Кизического монастыря» и др. «Удельная фактически прилепилась к Ивановской и выросла от нее», – утверждают современные архитекторы [1].

Некоторое представление об «Удельной стройке» даёт «Описание Новой стройки (слободы за Хижицами), расположенной на землях: Ивановского монастыря, Удела, Государственной» (1906 г.) [2, с. 14-38], которое отложилось в материалах Казанского уездного земства: фамилии и численность домовладельцев, данные о домах (размеры, отделка, стоимость и др.). Судя по документу, поселение имело несколько улиц: Удельная односторонка, Удельная двухсторонка, Пушкинская улица, Лермонтовская улица, Улица направо от Лермонтовской; в ней насчитывалось более 150 официальных домовладельцев. В документе имеются сведения о профессиональных занятиях некоторых из них:

«ресторатор», «занимается разведением кур и пр. дом. птиц», «имеет свою столярную мастерскую», «торгует на толчке гробами».

В начале ХХ в. поселение считалось значительным, поэтому уже осенью 1904 г. Казанское уездное земское собрание рассматривало вопрос об организации начального училища на окраинах Казани, поскольку население этого посёлка было «...лишено средств к начально-му образованию» [3, с. 69,70]. Среди жителей «Удельной стройки» были и казанские дачники, один из них – член Казанского окружного суда М.Ф. Елаич. Его дача пережила послереволюционный период и была долгие годы достопримечательностью этой местности. После начала Первой мировой войны в состав жителей влились беженцы из западных районов страны. В 1917 г. в поселении насчитывалось 6565 чел., к 1920 г. численность населения значительно уменьшилась, составив 2997 чел., к 1923 г. – 1869 чел. [4, с. 18,66] Эта убыль населения, вероятно, была связана с событиями Гражданской войны, когда происходило перемещение огромных масс населения, а также с последствиями голода, который охватил Татарскую АССР в 1921 г.

В дореволюционный период территория правобережья Казанки с её слободами Гривкой, Козьей и Кизической считалась оторванной от города. В советский период не только эта территория, но и местность севернее за ее границами прочно входит в городское пространство. Коренной поворот в судьбе «Удельной стройки» произошёл в 1920-е гг.: в 1924 г. её вместе с «Ивановской стройкой», по постановлению ЦИК и СНК ТАССР, включили в черту Казани [5, с. 156]. Позднее они с Пороховой слободой образовали новую слободу – Восстания. Как видно из «Плана города Казани» 1926 г. [6] название «Удельная» нашло отражение в наименовании улиц бывшего поселения. Кроме того, составной частью названия было её цифровое обозначение: 1-я Удельная, 2-я Удельная, 3-я Удельная и т.д. В 1927 г. Удельные и некоторые безымянные улицы переименовали в «Союзные» улицы; всего их насчитывалось 14 [7, с. 270]. Впоследствии они получили индивидуальные названия: 5-я Удельная – 8-я Союзная – Восход; 6-я Удельная – 5-я Союзная – Шамиля Усманова; 8-я Удельная – 9-я Союзная – Восстания; 11-я Союзная – Гагарина; 13-я Союзная – Производственная – Академика Королёва и др.

Годы интенсивного промышленного строительства в Казани в 1930-е гг. стали временем кардинальных изменений бывшей «удельной» территории. В 1930-е гг. в окрестностях 8-й и 9-й Союзных, Городской улиц были возведены фабрика киноплёнки № 8, посёлок для сотрудников фабрики, в том числе дом инженерно-технических работ-

ников (ИТР). Здания фабрики и жилые дома посёлка проектировал архитектор А.Э. Спориус.

В 1930-е гг. 8-я Союзная улица простиралась от 5-й Союзной до 13-й Союзной [8]. Эта улица тоже получила развитие в результате промышленного освоения северных пределов города: в 1932 г. был заложен фундамент Авиакомбината («Казмашстрой»). Для его инженерно-технических работников был построен посёлок ИТР (впоследствии – посёлок Урицкого), улицей которого стала 13-я Союзная. Со 2-й половины 1930-х гг. на её территории велось строительство кирпичных малоэтажных (в основном, двухэтажных) многоквартирных домов.

Подобные посёлки имелись и в других частях Казани. Например, посёлок Лозовского – для рабочих мехового предприятия и КазГРЭС, посёлок завода синтетического каучука, посёлки имени Свердлова, Орджоникидзе и др. Жилищное строительство было обусловлено потребностями промышленных предприятий, нуждавшихся в размещении своих рабочих. Таким образом, индустриализация Казани оказывала влияние на городское пространство, в котором соседствовали улицы, имевшие дореволюционную историю и свой облик, с улицами новых посёлков.

Несмотря на то, что в годы Великой Отечественной войны жилищное строительство в Казани замедлилось, но на улице 13-й Союзной в 1-й половине 1940-х гг. воздвигли коттеджи заводов № 16 и № 22, которые предоставили лучшим работникам этих предприятий. Дома были оборудованы такими удобствами, как центральное отопление, водопровод, ванные и др.

Массовая застройка «Союзных» улиц начала осуществляться в послевоенные годы. К примеру, на 13-й Союзной улице (с 1977 г. – улица Академика Королёва) в 1959 г. и 1961 г. были построены трёх- и четырёхэтажные дома, в 1-й половине 1960-х гг. улица застраивалась пятиэтажными домами; поздняя застройка улицы включала пяти-, шести-, семи-, девятиэтажные жилые дома [9]. 8-я Союзная (с 1964 г. – улица Восход) в 1950-1970-е гг. застраивалась, в основном, пятиэтажными домами, редкими были жилые дома в шесть (1975 г.) и девять (1972 г.) этажей [10]. Пятиэтажные дома построили в 1960-е гг. на 5-й Союзной улице (с 1964 г. – улица Шамиля Усманова) [11].

Из общего ряда типичных жилых домов этого периода выбивались здания, возведённые на пересечении улиц 11-й Союзной (с 1961 г. – улица Гагарина) и Декабристов. Эти угловые дома, построенные в 1955 г. по проекту архитекторов Е.Н. Круковского и О.Ф. Шиндановиной, символизировали въездные ворота в город. При этом они, всё же,

больше соответствовали облику улицы Декабристов, которая считалась своего рода визитной карточкой нового социалистического района.

Ещё одним проявлением «обживания» данной территории стало обретение ею своих достопримечательных мест. В 1930-е гг. в посёлке Урицкого возвели деревянный Дом культуры, в 1961 г. – новый Дом культуры, получивший имя Урицкого; близлежащий лесной участок преобразовали в парк. В 1949 г. на пересечении улиц Декабристов и Восстания (бывшая 9-я Союзная) появилась новая городская площадь – Восстания; также, как и улица, она получила своё название в честь восстания рабочих казанского Заречья в 1905 г. На пересечении улиц Шамиля Усманова и Декабристов разбили сквер, где установили скульптурную композицию, символизирующую мужчину и женщину, которые обергают шар – плод их семьи. Появился и свой стадион – «Тасма» (конец 1950-х гг.). В 1976 г. на близлежащей территории был открыт Московский рынок, который занял важное место в торговой сфере Казани. Здесь также, как и в других районах, открывались образовательные и медицинские учреждения, магазины и т.д.

Таким образом, «удельная» часть Казани зародилась в дореволюционный период в качестве одной из «строек» (посёлков) за границами города. Важными моментами в её развитии в советский период стали включение в состав города, появление промышленных предприятий и рабочих посёлков при них, активное жилищное строительство в послевоенный период, оказавшие влияние на формирование её облика.

Примечания

1. Сергей Саначин: «Кто бы лет 50 назад подумал, что исчезнет Казанский мясокомбинат – этот кормилец города? А “Точмаш”, “Татваленок”, “Теплоконтроль”?». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/61701/>.

2. Описание Новой стройки (слободы за Хижицами), расположенной на землях: Ивановского монастыря, Удела, Государственной // Постановления 43 очередного и 41-го чрезвычайного собраний Казанского уездного земства 1907 года. – Казань: типо-лит. И.В. Ермолаевой, 1907. – С. 14-38.

3. Постановления XL очередного Казанского уездного земского собрания: С 30-го сентября по 8-е октября 1904 года. – Казань: типо-лит. В.М. Ключникова, 1904. – 89 с.

4. Население г. Казани 1863-1923 гг. – Казань: тип. “Красный печатник”, 1923. – 74 с.

5. Советская политика за 10 лет по национальному вопросу в РСФСР: Систематический сборник действующих актов правительства Союза ССР и РСФСР по делам национальностей РСФСР (октябрь 1917 г. – ноябрь 1927 г.). – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 499 с.

6. План города Казани // Справочник путеводитель по городу Казани. С приложением Плана города со слободами. – Казань: изд. НКВД АТССР, 1926.

7. Вся Казань: Справочная книга по городу Казани. – Казань: Госиздат газет “Красная Татария – Кызыл Татарстан”, 1940. – 285 с.
8. Схематический план города Казани 1939 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-kazan_1939.
9. Дома на улице Академика Королева в Казани. URL: <https://dom.mingkh.ru/tatarstan/kazan/akademika-koroleva-ulica>.
10. Дома на улице Восход в Казани. URL: <https://dom.mingkh.ru/tatarstan/kazan/voshod-ulica>.
11. Дома на улице Шамиля Усманова в Казани. URL: <https://dom.mingkh.ru/tatarstan/kazan/shamilya-usmanova-ulica>.

УДК 94(470.61):908”1920”

БЕЛАШ Д.А.
Россия, г. Ростов-на-Дону
ПОЛУПАНОВ А.Н., РУДЬ М.А.
Россия, г. Шахты

**К истории переименования города
Александровска-Грушевского в Шахты в 1920 г.**

Авторами статьи рассмотрены обстоятельства, сопровождавшие переименование в 1920 г. города Александровска-Грушевского в Шахты, а также вхождение его в состав УССР. В статье отмечено, что Александровск-Грушевский до революции 1917 г. входил в состав российских земель Области Войска Донского. Вследствие этого, как у некоторых участников переименования города, так и современников, время от времени возникают дискуссии о возвращении городу Шахты прежнего названия – Александровск-Грушевский. Сторонники этого утверждают, что у тех, кто принимал решение о переименовании города, отсутствовали на то права. Авторы статьи на основе исторических документов рассмотрели различные аспекты указанной темы.

Ключевые слова: Ростовская область, Александровск-Грушевский, Шахты, переименование, В.И. Ленин, И.В. Сталин.

Belash D.A.
Russia, Rostov-on-Don
Polupanov A.N., Rud M.A.
Russia, Shakhty

To the history of renaming city Aleksandrovsk-Grushevsky in Shakhty in 1920

Authors of article considered the circumstances, that accompanied the renaming of city of Aleksandrovsk-Grushevsky in Shakhty in 1920, as well as, its entry into the Ukrainian SSR. Article noted, that Aleksandrovsk-Grushevsky before the 1917 revolution was part of Russian lands of Don Army region. As a result, both some participants

in the renaming of the city and contemporaries from time to time have discussions about returning the city of Shakhty to its former name – Aleksandrovsk-Grushevsky. Supporters of this argue, that those, who made the decision to rename the city, did not have the rights to do so. Authors of the article, based on historical documents, examined various aspects of this topic.

Keywords: Rostov region, Aleksandrovsk-Grushevsky, Mines, renaming, V.I. Lenin, I.V. Stalin.

В январе 1920 г. после занятия войсками большевиков города Александровск-Грушевский для его жителей начался украинский период. Основная задача Советской власти в это время заключалась в восстановлении разрушенной экономики страны и решении продовольственного вопроса. Донбасс как крупный экономический регион мог стать мощным ресурсом для этого. В последующие 4 года город будет находиться в составе Донецкой губернии Украинской ССР.

Сама Донецкая губерния являлась новым образованием, поскольку была создана 5 февраля 1919 г., «ввиду особого значения Донецкого бассейна» [1, с. 7]. Тогда она создавалась как временная единица Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии.

Однако временность ее существования не прошла и через год, когда губернию освободили от «белых» и увеличили территориально «до выяснения экономической территории Донецкой губернии». Это произошло 17 января 1920 г., когда председатель губревкома В.П. Антонов-Саратовский утвердил 11 административных районов губернии. Одиннадцатым стал «Александро-Грушевский» район. Он включал «станции Гуково, Лихую, Зверево, Чертково, Шахтная, Каменоломни, Власовка, Горная, Сулин, районным центром был Александро-Грушевск» [1, с. 7].

Спустя 10 дней, 27 января, по распоряжению Донецкого губернского революционного комитета в Александровск-Грушевске создали Военно-революционный комитет, который возглавил Хрисанф Павлович Чернокозов. Районный комитет обратился в Донецкий губернский революционный комитет с вопросом о переименовании города «Александро-Грушевска» в Шахты. 11 февраля 1920 г. Протоколом № 30 это решение утвердили [2, л. 62об.]. Еще со второй половины XIX в. город иногда называли Шахтами [3, с. 52], поэтому в «Александровск-Грушевской народной газете», издававшейся в 1917 г., это название порой встречалось чаще официального. Вследствие этого, версия, что большевики без какой-либо предыстории переименовали город в Шахты, при изучении документов не выдерживает никакой критики.

Вернемся к делам более высокого уровня, чем городские. В этот период уже вовсю шла политическая борьба за Восточный Донбасс, но уже не с «белыми», а внутри Советской республики.

В январе 1920 г. председателем Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР В.И. Лениным утверждается Положение о Совете Украинской трудовой армии (Укрсовтрударм) [4, с. 120-123]. Его задачей стало максимальное усиление добычи продовольствия и обеспечение трудовой дисциплины. Его территорией влияния стали Юго-Западный фронт и «Александровско-Грушевский угольный район бывшей Донской области». Председателем Укрсовтрударма назначили тов. И.В. Сталина. В феврале он своим постановлением объявил Донбасс единой административной и экономической единицей [5, с. 142]. А в марте 1920 г. вышло постановление Укрсовтрударма об образовании Донецкой губернии, в состав которой вошел Александровско-Грушевский район.

В ответ на Положение об Укрсовтрударме руководитель Донецкого губревкома В.П. Антонов-Саратовский¹ в марте 1920 г. написал для В.И. Ленина «Доклад о состоянии Донецкого бассейна» [6, л. 48-50].

Тогда же на заседании СНК РСФСР В.П. Антонов-Саратовский задал вопрос: «За кем должна числиться губерния? Как ее теперь считать, по матушке – Украине или по батюшке – Российскому совнаркому». Ленин высказывается за Россию [7, с. 189]. Его поддержал тов. Л.Б. Красин². В итоге было принято постановление, что Донецкая губерния входит в состав РСФСР. В.П. Антонов-Саратовский из Москвы отправил телеграмму в Луганск о том, что Донецкая область относится к РСФСР [8, л. 3].

Однако через пару дней В.П. Антонова-Саратовского вызвал В.И. Ленин. Он заявил, что к нему приезжали «украинцы Раковский³ и Петровский⁴, кричали, что мы укради у них последних рабочих... Давайте перерешим... Чего уж их обижать» [7, с. 190]. Так В.И. Лениным было принято решение передать Донецкую губернию Украине.

23 марта 1920 г. СНК РСФСР своим постановлением поручил административной комиссии при ВЦИК и правительстве УССР определить границы Донецкой губернии. Контуры границ следовало очертить

¹ Антонов-Саратовский Владимир Павлович (1884-1965) – в 1920 г. председатель Донбасского губревкома, в 1920-1921 гг. – нарком внутренних дел УССР.

² Красин Леонид Борисович (1870-1926) – нарком торговли и промышленности (1918-1920), нарком путей сообщения (1919-1920) РСФСР.

³ Раковский Христиан Георгиевич (1873-1941) – председатель Совнаркома Украины в 1919, 1920-1923 гг.

⁴ Петровский Григорий Иванович (1878-1958) – председатель Всеукраинского ЦИК в 1920-1938 гг.

«таким образом, чтобы в состав ее входила из казачьих областей южная часть Донецкого и северная часть Черкасского округов, не дробя уездов» [9, с. 64]. 28 марта Казачий отдел потребовал отменить постановление СНК, но Президиум ВЦИК этот протест отменил [4, с. 586-587]. 16 апреля 1920 г. границы были окончательного утверждены. Именно с этого момента всеми сторонами была признана власть Донецкой губернии (относившейся к Украине) над Шахтами.

Между этими событиями 2 апреля 1920 г. вышло Постановление ВЦИК за подписью М.И. Калинина: «Совнарком на заседании 23 марта признал необходимым выделить Каменноугольный бассейн в особую Донецкую губернию с центром в г. Луганске» [10, л. 8].

Следует отметить, что многие большевики выступали против решения отдать Донецкую область, а, скорее, даже отдать традиционно российские земли Украине. Донской исполком 29 марта 1920 г. разъяснил окружным исполкомам, что границы Донской области не меняются, а местности, неправомерно включенные в состав других губерний, возвращаются в Донскую область [11, л. 61]. Юзовцы воспринимали свою землю как российскую. В феврале 1920 г. съезд волостных ревкомов Юзовского района (в 1924 г. Юзовку переименовали в Сталин, в 1929 г. – в Сталино, в 1961 г. – в Донецк (Донецкая Народная Республика) принял резолюцию о скорейшем слиянии Донецкой губернии с Российской Социалистической Советской Республикой [5, с. 143]. В телеграмме В.И. Ленину от 20 апреля 1920 г. председатель Юзовского районного ревкома писал: «Экономическая жизнь Донбасса тысячами нитей связана с РСФСР... Райсъезд постановляет [о] скорейшем присоединении Донбасса к РСФСР» [12, л. 4]. Тогда же, в апреле 1920 г. на бланках официальных документов местные власти писали «Юзовка, Донецкая губерния, РСФСР» [5, с. 143].

Однако тогда решение о передаче Донецкой губернии (включая г. Шахты) никто не отменил.

12 июля 1920 г. внутри губернии снова произошли административно-территориальные изменения: вместо 11 районов стало 13. Один из них – Александро-Грушевский с волостями: «Сулиновской, Сидорово-Кодамовской, Родионово-Несветайской, Лиховской» (орфография сохранена) [1, с. 8] и др.

К концу 1920 г. на смену 13 районам приходят 11 уездов. Александро-Грушевский район стал называться Шахтным уездом [1, с. 10].

Коллизии перехода на новое название города ярче всего прослеживаются в документах 1920 г. Причем еще до официального переиме-

нования города Александровск-Грушевска 11 февраля 1920 г. в Шахты, уже использовалось это название.

Например, существует архивный документ от 4 февраля 1920 г. с бланком под заглавием «Заведующий Отделом Народного образования г. Шахты и его района».

Однако более распространено было использование названия города как Александровск-Грушевск и после февраля 1920 г. Так, газета «Всероссийская кочегарка» от 16 сентября 1920 г. писала: *«На борьбу с Врангелем! Этот горячий призыв разносится везде и всюду, и находит среди пролетариата живой отклик. В г. Александровск-Грушевске, как только до рабочих дошел слух об организации добровольческого отряда, то сразу же со всех рудников стали стекаться пролетарии, чтобы стать на защиту революции. Это стремление – не дать поработить себя капиталистами и помещиками – особенно относится к Александровск-Грушевской рабочей молодежи»* [13, с. 502].

В январе 1921 г., спустя почти год после переименования города в Шахты (в феврале 1920 г.), в городской газете ещё можно было прочитать: «11-й Алекс.-Грушевский Уездный Съезд РККД созывается в гор. Алекс.-Грушевске» [14, с. 2].

Устав города Шахты (версии до 2010 г.) свидетельствует о том, что «13 января 1921 года постановлением сессии Донецкого губисполкома город Александровск-Грушевский снова был переименован в город Шахты». Интересно, что в этот же день об этом же писала городская газета «Красный Шахтер» [15, с. 2]. Однако само это постановление еще не найдено. Вследствие этого, возникает вопрос: «Как решение, принятое в другом городе, могло быть напечатано в шахтинской газете день в день?».

С 1 января 1922 г. Шахтный уезд переименовали в Шахтинский [1, с. 11]. Это документы регионального уровня. Однако, на уровне Всеукраинского Центрального исполнительного комитета и в 1923 г. использовалось старое название города: «Шахтинский округ с центром в гор. Александро-Грушевске» [1, с. 14]. Да и в 1926 г., на всякий случай, напоминали о бывшем названии города: «... Предложения с подробн. жизнеописанием направл. по адресу: Гор. Шахты (бывш. Александровск-Грушевский), у Ростова-на-Дону, Окр. Отделу Здравоох.» [16, с. 8].

Получается, что документально вызывает сомнение легитимность переименования города Александровск-Грушевского в Шахты в феврале 1920 г. По сути, тогда не было точно определено, кто руководит городом – Украинская или Российская ССР. И только после официального закрепления границ Донецкой губернии, признанного как Россий-

скими, так и Украинскими Советами в апреле 1920 г., город и окрестности официально перешли к украинской стороне. К тому моменту решение о переименовании города стало для украинских властей свершившимся фактом ещё в феврале 1920 г., поэтому новое решение о переименовании Александровск-Грушевского (Александро-Грушевска) в Шахты и не требовалось.

Примечания

1. История административно-территориального деления Донецкой области 1919-2000 гг.: сб. док-тов и мат-лов. – Донецк: Донеччина, 2001. – 272 с.
2. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). – Ф. ФР-1163. – Оп. 1. – Д. 6.
3. *Белаши Д.А., Рудь М.А.* Создание карты горнoprомышленных объектов г. Шахты и выявленные закономерности расположения объектов экономической и социальной инфраструктуры на плане города // Иnternauka: научный журнал. – 2024. – № 1(318). – Ч. 1. URL: <https://www.internauka.org/journal/science/internauka/318> (дата обращения: 19.02.2025).
4. Декреты Советской власти. Т. VII. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. – М.: Политиздат, 1975. – 676 с.
5. *Федоровский Ю.Р.* Из истории присоединения Донбасса к Украине (1920 ГОД) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия “Исторические науки”. – 2022. – Т. 8(74). – № 2. – С. 141-150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-prisoedineniya-donbassa-k-ukraine-1920-god> (дата обращения: 04.11.2024).
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАПСИ). – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 355.
7. *Антонов-Саратовский В.П.* Отблески бесед с Ильичем // Пролетарская революция. – 1924. – № 3(26). – С. 183-191.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1235. – Оп. 95. – Д. 528.
9. *Кринко Е.Ф., Татаринов И.Е.* Разрешение российско-украинского территориального спора при создании Донецкой губернии в 1920 году // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия: “История и филология”. – 2021. – № 4(50). – С. 62-70.
10. ГАРФ. – Ф. 5677. – Оп. 1. – Д. 83.
11. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). – Ф. Р-1. – Оп. 1. – Д. 3.
12. ГАРФ. – Ф. Р-130. – Оп. 4. – Д. 612.
13. Сообщение о массовом добровольном вступлении комсомольцев и молодежи в красноармейские отряды для борьбы с Врангелем. 16 сентября 1920 г. // Гражданская война на Украине. 1918-1920: сб. док. и мат-лов: в 3 т., 4 кн. – Т. 3. Крах белопольской интервенции, разгром украинской националистической контрреволюции и белогвардейских войск Врангеля, март-ноябрь 1920 г. – Киев: Наукова думка, 1967.

14. Объявление // Красный Шахтер (Шахты). – 1921. – 7 янв. – № 2(70).
15. Объявления // Красный Шахтер. – 1921. – 13 янв. – № 3(71).
16. Конкурс // Известия. – 1926. – 17 нояб. – № 266 (2897).

УДК 94(470.41)/374.71:908

КАЛИМУЛИНА Ф.Г.
Россия, Республика Татарстан, г. Казань

Вклад Академического центра в татарстанское краеведение (1921-1930 гг.)

Статья посвящена научно-организаторской деятельности Академического центра, который функционировал в 1921-1930 гг. в Казани. Автором проанализирована работа организаций, входивших в структуру центра. Выявлен их вклад в татарстанскую науку и региональное краеведение. В статье подчеркнуто, что Академический центр выполнял функции региональной Академии наук.

Ключевые слова: Академический центр, Научное общество татароведения, Татарское бюро краеведения, Дом татарской культуры, «Вестник научного общества татароведения», Галимджан Ибрагимов.

**Kalimullina F.G.,
Russia, Republic of Tatarstan, Kazan**

Contribution of Academic center to Tatarstan local history (1921-1930)

Article is devoted to the scientific and organizational activities of the Academic center, which functioned in 1921-1930 in Kazan. Author analyzed the work of organizations, that were part of the center's structure. Their contribution to Tatarstan science and regional local history has been identified. Article emphasizes that the Academic center served as the regional Academy of sciences.

Keywords: Academic center, Scientific society of Tatar studies, Tatar bureau of local lore, House of Tatar culture, “Bulletin of scientific society of Tatar studies”, Galimjan Ibragimov.

Республика Татарстан – регион с богатой историей, которая отличается своей многонациональностью и многоконфессиональностью. Исторические этапы существования на ее территории таких значимых государственных образований, как Волжская Булгария и Казанское ханство, обогащают край уникальными материалами, которые требуют от исследователей разнопланового изучения по различным направлениям. Поэтому изучение данного края остается актуальным во все времена.

Одним из учреждений, внесших значительный вклад в татарстанское краеведение, является Академический центр (Академцентр), который функционировал в Казани в первые годы советской власти. Политические перемены, которые затронули все сферы жизни в стране, Гражданская война, голод и разруха не смогли помешать созданию научного центра, оставившего за короткий срок своего существования яркий след в истории Татарстана.

Академический центр был создан в 1921 г., он являлся структурным подразделением Наркомата просвещения ТАССР, образованным путем реорганизации Научного отдела. Академцентр осуществлял идеиное руководство и координацию научно-исследовательской, научно-педагогической, художественной, музейно-архивной и переводческой деятельности в республике. В его составе первоначально работали 4 комиссии: научно-политическая, научно-техническая, научно-педагогическая и художественная (с подкомиссиями по литературе, театру, музыке, изобразительному искусству, кинематографии). Главными управлениями являлись: Главархив, Главмузей, Секретариат. Руководили Академическим центром председатель и Коллегия из 5 человек (председатели Государственного ученого совета, Главной художественной комиссии, Главархива, Главмузея и представитель Татарского областного совета профсоюзов) [1, с. 17].

Структура Академического центра неоднократно менялась. При нем были созданы: Научное общество татароведения (1923 г.), Татарское бюро краеведения (1925 г.), Дом татарской культуры (1927 г.), Татарский научно-исследовательский экономический институт (1930 г.), которые за короткий срок проделали огромную работу по изучению края [2].

Своей активностью особо отличалось Научное общество татароведения. Им была налажена связь с более, чем 120 научными учреждениями СССР и рядом зарубежных научных центров. А его издание – «Вестник научного общества татароведения» – отличалось высоким уровнем публикаций. В течение 1923 г. общество провело три общих собрания, на которых были заслушаны доклады профессора И.Н. Борзина о деятельности общества, Н.Н. Фирсова на тему «Движение Рязина вверх по Волге и участие в разинщине татар», М.Г. Худякова «Из истории болгаро-татар» и ряд других. На этих же собраниях было установлено направление деятельности общества и принят план последующей работы. План включал в себя: разработку истории татарского народа на основе исторического материализма (ставилась первоочередная задача: изучение жизни Казанского края в новую и новейшую историю); изучение этнографии и природы Татарии; хозяйства, промыш-

ленности, кустарного производства и торговли татар; классового состава татарского населения; разработка и изучение вопросов татарского языка и искусства и др. [3]

Работа общества затруднялась отсутствием материальных средств. Именно это помешало предпринять намеченные археологические работы, произвести раскопки в районе Казанского Кремля (план раскопок уже был выработан М.Г. Худяковым) или в местах болгарских развалин, где предполагалась большая работа [4, с. 45]. Несмотря на трудности, определенные результаты, все же, были достигнуты. Во-первых, председатель общества Н.Н. Фирсов совершил поездку в Москву и Ленинград для ознакомления с материалами по истории татар и Казанского края в целом. А в Москве в Центральном государственном архиве было организовано копирование документов по истории Поволжских татар. Во-вторых, М.Г. Худяков составил археологическую карту Татарской республики. Кроме того, писателем и общественно-политическим деятелем Г.Г. Ибрагимовым была начата работа в казанских архивах с целью изучения новейшей истории татар, истории массовой борьбы, революционного и рабочего движения среди татар в XX в. [5, с. 79]. Им были налажены связи с представителями интеллигенции других тюркских народов [6]. Результатом труда историка Г. Губайдуллина в этот период стал библиографический указатель литературы по татароведению. Однако деятельность общества прервалась в конце 1929 г. в связи с реорганизацией, предложенной Москвой, а в 1930 г. оно вовсе прекратило свою работу.

Татарское бюро краеведения в начале своей деятельности наладило экскурсионное дело. В качестве экскурсоводов выступали профессора, преподаватели вузов, музейные работники и студенты-практиканты. Особо продуктивно были организованы экскурсии по памятным местам в 1926 г. В дальнейшем эта работа была свернута из-за нехватки средств. Бюро проводило научно-популярные лекции по изучению края. Публичные лекции читали: Н.-Б.З. Векслин («Природа, население и хозяйство Татарской республики»), В.М. Ермолаев («Сельское хозяйство ТАССР») и др. Тематика выступлений была разнообразной, от основных моментов развития татарской литературы и до истории революционного движения в крае. Заслугой Бюро краеведения являлось также налаживание учета и связи с кантонными краеведческими организациями. Краеведы занимались выявлением и охраной археологических, историко-архитектурных памятников, изучением истории сел и городов. Часто на местах краеведы объединялись вокруг районных музеев или способствовали их созданию и росту. Татарское бюро краеведения бы-

ло ликвидировано в 1928 г., на его базе образовалось Общество изучения Татарстана [3].

Следующая организация – Дом татарской культуры задумывался как учреждение с особым положением, объединяющим вокруг себя всю культурную работу на общественной основе. В состав Дома входили: Научное общество татароведения, Общество изучения Татарстана, Татарское Педагогическое общество, Ассоциация пролетарских писателей Татарстана, Общество татарских советских писателей, Кружок молодых писателей, различные студенческие научные кружки, Татарская Книжная палата, Татарская Академическая библиотека. Общества и организации должны были строить свою деятельность в соответствии с задачами Дома татарской культуры – «планового исследования ТАССР в отношении ее производительных сил, народного хозяйства, общественного движения, языка, литературы, истории, этнографии и революционного движения». Объединение научных обществ означало объединение научных сил в стенах Дома татарской культуры, это сыграло свою роль в отходе Академического центра на второй план и постепенном его исчезновении [7, с. 75]. В 1928-1930 гг. Домом было выпущено около 138 листов печатной продукции, стали издаваться «Труды Дома татарской культуры», журналы на татарском языке «Безнең Юл», «Мәгариф» и «Татарстан». В 1930 г. Дом татарской культуры ликвидировали в связи с созданием Татарского научного исследовательского экономического института, который занимался аналогичными проблемами.

Академический центр проделал значительную работу по разработке учебных планов, программ и учебников для национальной общеобразовательной школы, учебных заведений начального и среднего профессионального образования в период становления советской системы образования. Он определял издательскую деятельность в республике, организовывал научные исследования по истории и этнографии татарского народа, татарскому языкознанию, литературоведению, поспособствовал развитию музыкального искусства и татарских театров [8].

Наиболее плодотворным в деятельности Академического центра стал период, когда его возглавлял известный общественно-политический деятель, писатель и ученый Галимджан Гирфанович Ибрагимов (1887-1938). К работе центра привлекались крупные ученые и специалисты. Большой вклад в его деятельность в различные годы внесли Г.Х. Алпаров, Х.Г. Бадиги, Дж. Валиди, Г.С. Губайдуллин, П.М. Дульский, В.В. Егерев, Г.Г. Ибрагимов, М.Х. Курбангалеев, Г.Ф. Линсцер, Н.С. Надиев, Г. Рахим, С.П. Сингалеевич, М.А. Фазлуллин, Н.Н.Фирсов, М.Г. Худяков, Е.И. Чернышев и др. [3]

Актуализация проблем, связанных с национальным вопросом, культурным наследием татарского народа, дискуссия в связи с введением латиницы (Яналиф), акцент на духовную жизнь народа, проводимые Академическим центром, не совпадали с политикой ВКП(б). Это стало основной причиной того, что со 2-й половины 1927 г. был взят курс на ограничение, а затем и прекращение деятельности Академического центра. Официально центр прекратил функционировать в 1930 г. Председателями Академического центра в разные годы являлись Г.Г. Максудов (1922-1924), Г.Г. Ибрагимов (1925 - март 1927), М.Х. Тагиров (март 1927-1928), С.С. Атнагулов (1929-1930).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Академический центр Наркомата просвещения ТАССР выполнял функции Академии наук регионального уровня. Деятельность данной организации является частью истории научного Татарстана.

Примечания

1. *Тутаев М.З.* Развитие народного образования в Татарии (1917-1940 гг.). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. – 204 с.
2. *Сабирзянов Г.С.* Академический центр // Татарская энциклопедия: в 5 т. Т. 1: А-В. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002. – С. 73.
3. Академический центр // Татарстану – 100 лет: иллюстрированные энциклопедические очерки. — Казань: ОСП “Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ”, 2019. – 344-345.
4. *Фаттахова Г.А., Валеев Р.К.* Академический центр Татарии в 1920-е годы. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 95 с.
5. *Хасанов М.Х.* Галимджан Ибрагимов. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – 432 с.
6. *Калимуллина Ф.Г.* Галимджан Ибрагимов и казахские писатели: сотрудничество и общая трагедия в судьбах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 11-2. – С. 14-17.
7. *Валеева Г.А., Ларионова А.Н.* Академическая наука периода становления ТАССР в 20-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия “Гуманитарные науки”. – 2020. – Т. 162. – Кн. 4. – С. 71-79.
8. *Фаттахова Г.А.* Издательская деятельность Академического центра // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2000. – № 3. – С. 228-230.

**Репрессированные православные верующие
в Каркаралинске (1920-1930-е гг.)**

*Исследование выполнено в рамках реализации проекта
№ 23486898 «Политические репрессии на территории
Карагандинской области в 1920-1930 гг.»*

Статья посвящена репрессивной политике советского государства в 1920-1930-е гг. против православных верующих и духовенства. Особое внимание уделяется православным священнослужителям, отбывавшим наказание в Каркаралинске. Автор показывает, что антирелигиозная политика в Каркаралинске соответствовала общегосударственной политике.

Ключевые слова: Казахстан, Карагандинская область, Каркаралинск, политические репрессии, советское государство, служители культа, православие.

**Yeleukhanova S.V.,
Republic of Kazakhstan, Karaganda**

Repressed Orthodox believers in Karkaralinsk (1920-1930s)

*The study was carried out within the framework of the project № 23486898
“Political repressions on the territory of Karaganda region in 1920-1930”*

Article is devoted to the repressive policy of Soviet state in 1920-1930s against Orthodox believers and clergy. Particular attention is paid to Orthodox clergy, serving sentences in Karkaralinsk. Author shows, that the anti-religious policy in Karkaralinsk corresponded to the general state policy.

Keywords: Kazakhstan, Karaganda region, Karkaralinsk, political repression, Soviet state, clergy, Orthodoxy.

В СССР в течение 1920-1930-х гг. репрессиям подвергались представители всех религий. Против них применяли репрессивное законодательство: Уголовный кодекс РСФСР 1922 года, УК РСФСР 1926 года, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», Постановления Казахского крайкома. В отношении духовенства применяли обвинения по печально известной 58-й статье по пункту 10 – контрреволюционная агитация, пункту 11 – контрреволюционная организованная деятельность. Служители культа всех

религиозных конфессий попали под категорию «лишенцев» – людей, лишенных избирательных прав.

В Казахстане город Каркаралинск стал местом ссылки православных христиан. Так, в октябре 1922 г. епископ Ямбургский – будущий Патриарх Алексий I был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорён к ссылке на три года в Каркаралинск. Алексий I – в миру Сергей Владимирович Симанский (1877-1970).

Население Каркаралинска в то время составляло около 5400 чел., из них православных – 850 чел. Здесь функционировала Княже-Владимирская церковь, а в городском саду высился памятник в честь крещения Руси в 988 году. Поселили Алексия в доме казака Адама Фёдоровича Тоголукова (1970-1938). Летом он стал жить у церковного старосты Павла Михайловича Чемоданова (1881-1930). В Каркаралинске Алексий вначале служил обедни в доме Чемодановых, а затем в городском храме. Епископ Алексий вернулся из ссылки в Россию в марте 1926 г. [1. с. 65]

В январе 1929 г. было принято постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Постановление стало законодательной базой для ужесточения антирелигиозной политики. Духовенство объявлялось классовым врагом, «враждебной контрреволюционной силой». В Каркаралинске в ссылке в 1929-1932 гг. находился протоиерей Александр Александрович Андреев (1901-1937). Он был москвичом, настоятелем Софийской церкви. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 10 мая 1929 г. он был приговорён к трём годам высылки в Казахстан. 28 октября 1937 г. тройкой при УНКВД по Новосибирской области по ст. 58-10, 58-11 А.А. Андреева приговорили к высшей мере наказания – расстрелу [2].

Диакон Астров Михаил Павлович (1900-1936) 31 декабря 1931 г. тройкой при ПП ОГПУ СССР был приговорён к 5 годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). В 1934 г., ввиду его тяжёлой болезни, приговор заменили на ссылку в Каркаралинск. 21 октября 1936 г. он скончался от туберкулёза. Диакона М.П. Астрова похоронили на городском кладбище. Монахиня Серафима Наумова ухаживала за ним в последние полтора года его жизни [3].

В августе 1935 г. был арестован настоятель прихода Св. Архангела Михаила в Одессе Цириак (Кириак) Рейхерт (Рейхарт). При обыске, как отмечено в следственном деле, ничего найдено у него не было. Традиционные обвинения в контрреволюционной деятельности, шпионаже и антисоветской агитации были сфабрикованы из фактов активной деятельности Рейхарта среди православного духовенства. 21 февраля 1936 г. Кириак Рейхарт был приговорён по ст.ст. 54-4 ч. 2 и 54-11 УК УССР

к 10 годам ИТЛ, с заменой на 10 лет ссылки в Казахстан. Рейхарт был направлен в Каркаралинск, где 66-летний священник не имел средств к существованию и вынужден был голодать. Жизнь священника закончилась в Казахстане мученической смертью. 11 июня 1938 г. Кириак Рейхарт был арестован и приговорён к высшей мере наказания (ст.ст. 58-1а, 58-2, 58-11 УК РСФСР). 8 октября 1938 г. он был расстрелян [4, с. 146].

Антирелигиозная политика в Каркаралинске осуществлялась в русле общегосударственной политики. Так, в Каркаралинске была разрушена Княже-Владимирская церковь – одна из старейших в Центральном Казахстане.

За веру в Бога пострадали многие православные крестьяне из сёл Хорошевское, Богородицкое, Пригородное, Комиссаровское, Карбышевское, Казанское, Заводское, где проживали казаки. Например, Тихон Антонович Гончаров, 1859 года рождения, возглавлял в селе Хорошевское Каркаралинского уезда церковный совет. 22 октября 1929 г. он был арестован. 21 августа 1930 г. заседание коллегии ОГПУ осудило его по статьям: 58-11, 58-2, 58-10 УК РСФСР к 3 годам высылки.

Левченко Матвей Фёдорович, 1878 года рождения, уроженец села Гдин Греческого уезда, русский, проживал в Каркаралинском районе Карагандинской области, середняк, бывший священник, неграмотный, до ареста работал рядовым колхозником. Постановлением Тройки УНКВД по Карагандинской области от 14 февраля 1938 г. по статье 58-2, 58-7, 58-10 часть 1 и 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР он был осужден к высшей мере наказания – расстрелу [5, л. 262-262].

Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий Республики Казахстан, работавшая в 2021-2023 гг. выяснила, что около 150 тысяч человек были репрессированы по религиозным мотивам. Группа учёных исторического факультета Карагандинского университета имени академика Е.А. Букетова продолжает исследовательскую работу по возвращению из забвения имен и биографий репрессированных граждан в 1920-1930-е гг. в Карагандинской области, в том числе репрессированных православных верующих.

Примечания

1. Попов Ю.Г. Каркаралинское “красное колесо”. По следам человеческих судеб. – Караганда: РИО “Болашак-Баспа”, 2019. – 183 с.

2. Протоиерей Александр Александрович Андреев. Туркестанская Голгофа. База данных о репрессированных православных священнослужителях и мирянах Средней Азии и Казахстана. URL: [//https://turkestanskaya-golgofa.info/repressed/andreev-aleksandr-aleksandrovich](https://turkestanskaya-golgofa.info/repressed/andreev-aleksandr-aleksandrovich).

3. Диакон Астров Михаил Павлович. Туркестанская Голгофа. База данных о репрессированных православных священнослужителях и мирянах Средней Азии и Казахстана. URL: [//https://turkestanskaya-golgofa.info//astrov-mihail-pavlovich](https://turkestanskaya-golgofa.info//astrov-mihail-pavlovich).
4. Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР / авт.-сост. о. Б. Чаплицкий, И. Осипова. – М.: “Серебряные нити”, 2000. – 832 с.
5. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). – Ф. 731. – Оп. 1. – Д. 491.

УДК 94(47).084.9

ЛАХТИОНОВА Е.С.
Россия, г. Екатеринбург

**Проблема терминологии в изучении и сохранении памятников
индустриального наследия в 1980-е гг.
(по материалам альманаха «Памятники Отечества»)**

Статья посвящена рассмотрению проблем формирования терминологии в 1980-е гг. касательно индустриального наследия, что не могло не отразиться на страницах периодической печати. Материалом для исследования стали публикации в альманахе «Памятники Отечества». Анализируя их, автор выделил три категории понятий, которые можно отнести к объектам индустриального наследия: памятники науки и техники, памятники трудовой славы, памятники промышленности. В заключении автор статьи делает вывод о том, что в 1980-е гг. начал формироваться категориальный аппарат в сфере изучения индустриального наследия, а также предлагались разные методы его сохранения.

Ключевые слова: индустриальное наследие, альманах «Памятники Отечества», музеи, памятники науки и техники, ВООПИК.

Lakhtionova E.S.,
Russia, Ekaterinburg

**Problem of terminology in study and preservation of industrial heritage
monuments in 1980s (based on materials from almanac
“Monuments of Fatherland”)**

Article is devoted to the consideration of problems of the formation of terminology in 1980s regarding industrial heritage, which could not but be reflected on the pages of the periodical press. Material for the study was publications in the almanac “Monuments of the Fatherland”. Analyzing them, author identified three categories of concepts, that can be attributed to industrial heritage objects: monuments of science and technology, monuments of labor glory, and industrial monuments. In conclusion, the author of the article concludes that in 1980s, a categorical apparatus began to form in the

field of studying industrial heritage, and various methods for its preservation were proposed.

Keywords: industrial heritage, almanac “Monuments of the Fatherland”, museums, monuments of science and technology, ВООПИК.

В настоящее время под индустриальным наследием понимается особая категория историко-культурного наследия, включающая как материальную составляющую (заводы, плотины, цеха, станки, электростанции и т.д.) [1, с. 79], так и нематериальную (система передачи специальных знаний молодому поколению, отношение к труду, социальные взаимодействия между рабочими и пр.) [2, с. 23].

Однако, как показывают исследования, в 1980-е гг. еще не существовало в СССР понятия «индустриальное наследие». Под эту категорию наследия подходили памятники разных видов: градостроительства и архитектуры, науки и техники, трудовой славы советского народа [3].

Целью данной статьи является рассмотрение того, как проблемы терминологии в отношении памятников, которые сейчас относят к индустриальному наследию, освещались в средствах массовой информации.

Подобного рода исследования были проведены на материалах журнала «Техника – молодежи» [4], а также региональной печати [5]. Результаты изучения показали, что в уже в 1970-1980-е гг. в СССР появились тенденции, свидетельствовавшие о зарождении интереса жителей нашей страны к изучению и сохранению памятников, которые в настоящее время можно отнести к индустриальному наследию.

Выбор при проведении исследования в качестве одного из видов источников материалов периодической печати имеет ряд преимуществ: имеется возможность выявить и оценить настрой общественности по отношению к интересующему нас вопросу или проблеме; позволяет определить предлагаемые общественностью пути и способы решения обсуждаемой проблемы. При этом нужно оговориться, что проведение масштабного и полноценного исторического исследования предполагает использование широкого круга источников, не ограниченного только материалами периодической печати.

Альманах «Памятники Отечества» представлял собой научно-популярное иллюстрированное издание, которое издавалось с 1980 г. Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Каждый выпуск журнала являлся тематическим. Всего за 10 лет увидело свет 20 выпусков. На их страницах публиковались статьи, направленные на популяризацию деятельности по сохранению памятников истории и культуры, на формирование и воспитание бережного отношения граждан государства к отечественному наследию. В редак-

ционный совет альманаха в разные годы входили известные деятели культуры, науки и искусства, такие, как академики Л.М. Леонов, Д.С. Лихачев, И.В. Петрянов-Соколов, Б.А. Рыбаков, член-корреспондент АН СССР В.Л. Янин. Среди авторов статей можно найти представителей очень многих профессий, отраслей наук и видов искусств [6, с. 240-241].

В 1980-е гг. на страницах альманаха «Памятники Отечества» был помещен ряд публикаций, посвященных рассмотрению объектов, которые сейчас можно отнести к индустриальному наследию. В том числе уделялось внимание наименованию этих объектов, среди которых можно выделить несколько направлений.

Во-первых, проблема отсутствия в 1980-е гг. четкого теоретико-методологического аппарата относительно памятников индустриального наследия решалась использованием терминов, характерных и понятных для ученых и специалистов того времени. Наиболее распространено было применение понятия «памятники науки и техники», об изучении и сохранении которых стали говорить в научных кругах еще конце 1970-х гг. Об этом писал признанный специалист в этом направлении кандидат физико-математических наук П.В. Боярский [7, с. 36-37]. Интерес к этой категории памятников был обусловлен, с одной стороны, высоким уровнем научно-технического прогресса, достигнутым нашей страной к тому времени, а с другой – желанием «пользователей» этого прогресса сохранить образцы достижений науки и техники предыдущих эпох, чтобы не потерять корни и человечность. Именно об этом писал на страницах альманаха профессор, доктор физико-математических наук, лауреат Государственной премии СССР С.П. Капица [8, с. 162]. Он считал, что стране необходимо создание государственного музея науки и техники, поскольку в ведомственных музеях многие памятники науки и техники зачастую не были доступны широкому кругу посетителей [8, с. 163].

О необходимости выявления и сохранения памятников науки и техники, которые являются составной частью индустриального наследия, не раз писал советский писатель, публицист, общественный деятель, а также главный редактор журнала «Техника – молодежи» В.Д. Захарченко, в том числе и на страницах альманаха «Памятники Отечества» [9]. Он их называл научно-техническими реликвиями, к сохранению которых, по его мнению, наша страна приступила достаточно поздно, когда многие образцы таких памятников были либо полностью утеряны, либо сохранились лишь в чертежах [9, с. 95]. Его статья «Дорогами Урала» представляет собой обзор не только результатов деятельности по сохранению памятников науки и техники на Урале, но и

туристического маршрута по местам сосредоточения этих объектов, разработанного в рамках реализации региональной программы сохранения и использования историко-архитектурного наследия Урала «Каменный пояс» [10]. Он же говорил о создании в Челябинске Музея науки и техники регионального масштаба, открытия которого все очень ждали в то время [9, с. 100]. Однако проект этого музея так и не будет реализован на практике [11].

Во-вторых, другое именование объектов, которые сейчас относят к индустриальному наследия, – памятники трудовой славы советского народа – также присутствовало в публикациях на страницах альманаха. Это статьи А. Илескиной о памятниках-паровозах и памятниках-танках [12], В. Пескова о мельнице [13]. Данная категория памятников подразумевала отсылку к промышленному прошлому нашей страны, его традициям и достижениям. Вот что писала об этом А. Илескина: «И паровоз, и танки, установленные на территории района, – это символы постоянной, неразрывной связи нашей с теми, кто совершил боевые и трудовые подвиги, это верность традициям отцов» [12, с. 93]. Сама редакция альманаха придерживалась следующей точки зрения относительно необходимости сохранения данных объектов: «Среди многообразных памятников истории и культуры можно выделить памятники труда и быта, к которым относятся хозяйствственные постройки, мельницы, конюшенные дворы и т.д. Памятники труда и быта прошлых веков ... и в наши дни могут приносить большую пользу, служить современности» [14].

В-третьих, наиболее точное наименование объектов, приближенное к современному понятию «индустриальное наследие», было дано в статье кандидата архитектуры Г.Н. Черкасова [15], который называл их памятниками отечественной промышленности. Необходимость сохранения данных памятников автор обосновывал не только тем, что они являлись «составной частью нашего исторического наследия», но и потому, что они – «свидетели рождения рабочего класса России» [15, с. 42]. Оба аргумента вполне соответствовали актуальным тенденциям в охранной политике советского государства в тот период. Однако, как отмечал Г.Н. Черкасов, деятельность по охране памятников промышленности осуществлялась недостаточно активно, а «отношение к подобным объектам как со стороны общественности, так и административных органов еще оставляет желать лучшего» [15, с. 42].

Среди всех способов сохранения, которые, с точки зрения авторов публикаций, являлись наиболее адекватными и возможными по отношению ко всем категориям памятников, перечисленных выше, чаще всего называлась музеефикация объектов либо в рамках создания ве-

домственных или отраслевых музеев [16], либо в рамках заводских (производственных) музеев [17, с. 85; 18, с. 27-28], либо через создание центрального или регионального музея науки и техники [8, с. 163; 9, с. 96]. Сама редакция альманаха «Памятники Отечества» также имела свое мнение на этот счет: «Многие из них являются объектами музеиного показа, однако они могут быть использованы и по своему прямому назначению. Такое использование является оптимальным с точки зрения обеспечения сохранности памятника, как в этом убеждает много-летняя практика» [14].

Таким образом, на страницах альманаха «Памятники Отечества» можно встретить разные точки зрения относительно того, как нужно именовать объекты, которые сейчас относят к индустриальному наследию. Наиболее распространенная формулировка – памятники науки и техники, что полностью соответствовало современным на то время тенденциям в памятниковедении. Менее популярным понятием стало определение памятников трудовой славы, среди которых также можно обнаружить намек на объекты, связанные с производственной деятельностью жителей нашей страны в предыдущие эпохи. Наиболее точной, на наш взгляд, стала формулировка Г.Н. Черкасова, который посвятил свою статью освещению опыта сохранения памятников промышленности на территории Ивановской области. Учитывая, что индустриальное наследие представляет собой многогранное явление в мировой культуре и истории, каждое из трех определений, обозначенных выше, можно, несомненно, соотнести с ним.

Примечания

1. *Запарий В.В.* К вопросу о понимании концепции “индустриальное наследие” в России и за рубежом // Российский научный журнал. – 2008. – № 2. – С. 77-83.
2. *Алексеева Е.В., Быстрова Т.Ю.* Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. – Екатеринбург: ТАТ-LIN, 2021. – 158 с.
3. *Лахтионова Е. С.* Теоретические подходы к вопросу об определении понятия “памятник индустриального наследия” в СССР // История и современное мировоззрение. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 30-36. – DOI: 10.33693/2658-4654-2023-5-3-30-36.
4. *Лахтионова Е.С.* Вопросы изучения и сохранения памятников индустриального наследия в 1980-е гг. (по материалам журнала “Техника – молодежи”) // Многообразие культур в условиях глобализованного мира и проблемы сохранения культурно-исторического наследия (XVII Колосницаинские чтения): мат-лы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 18-19 ноября 2022 г.). – Екатеринбург: УрГПУ, 2022. – С. 55-60. – EDN: JOBJRA.

5. *Лахтионова Е.С.* Зарождение деятельности по сохранению индустриального наследия в Свердловской области в 1970-1980-е гг. (по материалам региональной периодической печати) // Наследие веков. – 2023. – № 2(34). – С. 54-65. – DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.004.
6. *Жарова А.В.* История создания альманаха “Памятники Отечества” // Теория и история искусства. – 2021. – № 1-2. – С. 239-245.
7. *Боярский П.В.* Пути создания науки о памятниках // Памятники Отечества. – 1983. – № 2. – С. 36-41.
8. *Капица С.П.* Памятники науки и техники в общей системе культуры // Памятники Отечества. – 1981. – № 2. – С. 162-164.
9. *Захарченко В.Д.* Дорогами Урала // Памятники Отечества. – 1981. – № 1. – С. 95-102.
10. *Постников С.П.* Комплексная программа Свердловского архитектурного института (УрГАХУ) “Каменный пояс” как фактор сохранения историко-культурного наследия Урала // Тринадцатые Татищевские чтения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 25 ноября 2022 г.). – Екатеринбург: б.и., 2023. – С. 459-463.
11. *Лахтионова Е.С.* Проект Музея истории науки и техники в Челябинске как способ сохранения индустриального наследия на Урале в 1980-е гг. // Научный диалог. – 2024. – № 13(9). – С. 440-459. – DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-440-459.
12. *Илескина А.* У нас, на “Красном Сормове” // Памятники Отечества. – 1982. – № 1. – С. 90-93.
13. *Песков В.* Ночлег на мельнице // Памятники Отечества. – 1981. – № 1. – С. 74-79.
14. Слово от редакции // Памятники Отечества. – 1981. – № 1. – С. 79.
15. *Черкасов Г.Н.* Памятники промышленности Ивановской области: сохранение и использование // Памятники Отечества. – 1983. – № 2. – С. 42-51.
16. *Навроцкий А.Г.* Музей кузнечного дела // Памятники Отечества. – 1983. – № 2. – С. 52-61.
17. *Говорушин К.В.* О чем помнит завод // Памятники Отечества. – 1980. – № 1. – С. 85-87.
18. *Ильин С.И.* Родной дом – Ижорский завод // Памятники Отечества. – 1982. – № 2. – С. 27-28.

УДК 908+930+726.825.1/.4+246.6

ЛОПИН К.Б.,
Россия, г. Краснодар

Аналойные надгробия на кладбищах Краснодарского края

На кладбищах Краснодарского края встречаются надгробия, внешний облик которых повторяет или частично воспроизводит тумбовые аналои. На основе архитектурных особенностей выделяется не-

сколько типов этого вида памятников. В связи с этим, данный вид надгробий предложено рассматривать как «аналойные надгробия». В статье показана хронологическая трансформация их внешнего облика от штучного копирования «классического» церковного аналоя и формирования «смешанных аналоев», до производства массовых упрощенных форм, сочетающих черты аналоев, стел и низких тумб.

Ключевые слова: краеведение, Краснодарский край, аналой, культура смерти, погребение, кладбище, надгробие.

Lopin K.B.,
Russia, Krasnodar

Analogue tombstones in Krasnodar region cemeteries

In the cemeteries of Krasnodar region there are tombstones, the external appearance of which repeats or partially reproduces tumbo analogues. On the basis of architectural features several types of this type of monuments are distinguished. In this regard, this type of tombstones is proposed to be considered as “analoy tombstones”. Article shows chronological transformation of their appearance from piece copying of the “classical” church analogue and the formation of “mixed analoys” to the production of mass simplified forms combining the features of analoys, steles and low tumbs is shown.

Keywords: local history, Krasnodar region, analoyh, culture of death, burial, cemetery, tombstone.

На кладбищах Краснодарского края встречаются надгробия в виде аналоев, время возведения которых относится к периоду конца XIX в. - конца XX в. Они бывают каменные, кирпично-бетонные или щебёнчато-бетонные, причем различных размеров. Кроме того, имеются памятники, сочетающие в себе элементы нескольких видов надгробий – как самих аналоев, так и обелисков, стел, часовен, тумб.

В конце XIX в. - первой половине XX в., преимущественно, возводились надгробия в виде тумбовых аналоев (т.н. «классические аналои»), повторяющие внешний облик церковных аналоев. Со второй половиной XX в., в основном, возводились надгробия, сочетающие в себе отдельные черты аналоя, стелы, тумбы (т.н. «смешанные аналои»). Такое разнообразие типов и форм отдельно взятого вида надгробия не позволяет говорить о нём как о едином виде «аналой». Точнее будет именовать это многообразие типов «аналойным надгробием».

Аналой (от греч. *analogéion* – подставка для книг) является высокой прямоугольной четырехгранной тумбой, имеющей в верхней части наклонную поверхность для помещения на неё некоторых церковных книг, крестов, икон. Также может называться аналогием, налоем, ана-

лойчиком или столиком. Может именоваться проскринитарием (от греч. – поклонник, поклонение) в случае размещения на нём иконы.

Есть несколько типов церковных аналоев – тумбовые, выносные, раскладные, клиросные, центральные, алтарные, боковые. Всех их объединяет схожая конструкция, связанная с реализацией единой функциональности – подставка для полувертикального размещения определенных богослужебных книг, крестов, икон.

На аналой возлагается небольшое покрывало (покров, пелена, риза) того цвета богослужебных облачений, которые используются в этот день на службах. В старообрядчестве принято использовать пелену только священниками и имеющими хиротесию (руковозложение) чтецами. Миряне же могут читать с аналоя только без пелены. В Русской Православной Церкви (РПЦ) такой обычай отсутствует [1]. Барельефное изображение пелены присутствует на части намогильных аналоев.

Впервые аналой упоминается в апокрифическом произведении II в. «Евангелие от Фомы». В книге X в. «Суда», написанной в Византии, содержится первое, дошедшее до нас, толкование аналоя – «на неголагаются книги» [2].

Начало возведения надгробий в виде аналоев на российских кладбищах относится к началу XIX в. – времени распространения романтизма, направленного на осмысление внутреннего мира человека, в том числе и усопшего. Визуально это проявилось в воплощении простоты и религиозной возвышенности. Главной идеей в надгробиях стали семейные и религиозные ценности, выражение чувств [3, с. 17-27]. Такие памятники можно встретить на многих старых российских кладбищах. Их проникновение на Кубань, вероятно, относится ко второй половине XIX в. Во всяком случае, более ранние аналойные надгробия в крае не обнаружены.

Существует предположение, согласно которому, надгробные сооружения могли отражать профессии людей, в том числе и церковные. Сторонниками этой точки зрения считается, что к таким памятникам относится и аналой двух типов. На вершине одного была помещена раскрытая книга, а на втором – крест и раскрытое Евангелие. Первый тип, якобы, возводился на могилах чтецов и ктиторов, жертвовавших деньги храмам. Второй тип, исповедальный, якобы, имелся только на могилах священников [4, с. 149].

Однако с этим невозможно согласиться. На кладбищах в крае выявлено несколько разновидностей как самих аналоев, так и памятников, сочетающих черты разных видов надгробий, в том числе и аналойные элементы. На таких памятниках, помимо книги, креста и книги, могут находиться только крест или иные элементы.

Так, на Всесвятском кладбище г. Краснодара расположено частично разрушенное в верхней части массивное бетонное ростовое надгробие ~1912 г. Оно имеет слегка трапециевидную форму, стоит на прямоугольном пьедестале, имеет усеченную вершину. Такая форма одновременно сочетает в себе черты аналоя и усеченного обелиска, на основании чего можно говорить о типе надгробия «обелиск-аналой». Его вершина в южной части покрыта барельефной пеленой с бахромой и кисточками, причем северная половина откинута на южную. Кисточки расположены на углах пелены, но пелена (в этом случае, скорее, именно покров) расположена так, что они находятся не на углах памятника, а на его 3-х гранях. Такое расположение покрова характерно для памятников, на вершине которых установлен крест, где откинутый покров расположен с одной из сторон основания креста. На вершине располагалось несохранившееся навершие, по всей видимости, в виде креста.

Рядом с этим надгробием расположен аналогичный обелиск-аналой ~1907 г., но имеющий декоровые отличия. Вершина полностью покрыта такой же пеленой, кисточки расположены по углам памятника. На вершине располагалось несохранившееся навершие, вероятно, также в виде креста.

Как видим, уже не позднее, чем с начала XX в., существуют формы надгробий, имеющие элементы и конструктивные особенности, отличающие их от полной копии внешнего облика церковного тумбового аналоя. В этом случае стоит говорить лишь об его аналогиях, либо надгробиях, имеющих черты аналоя. В связи с этим, будет практично именовать такие надгробия «смешанными аналоями».

На указанном кладбище имеется аналогичный вышеописанным памятникам, но меньший в размере и объёме ростовой обелиск-аналой из песчаника ~1906 г. Он представляет собой прямоугольную высокую тумбу с пирамидальной вершиной, крытой пеленой с бахромой и кисточками на гранях. Эпитафия расположена на щитке на лицевой грани и содержит текст: «Сын Подъесаула Леонид Леонидович Чумаков скончался 13 марта 1905 г. 18ти лет Мир праху твоему Дорогой незабвенный сын».

Собственно классических аналоев на кладбище выявлено четыре. Расположены они на квадратных пьедесталах. Одно из надгробий выполнено из песчаника. Эпитафия, расположенная на лицевой грани, нанесена на армянском языке. Визуально это полуростовая прямоугольная тумба, накрытая пеленой, образующая три складки – по центру и по углам. На вершине лежит раскрытая книга, на которой на русском языке высечено: «Помяним я Господи во царс. твоем». Между верхней частью скошенной поверхности вершины и верхней частью тыльной грани

имеется узкая горизонтальная поверхность, в центре которой есть прямоугольная выемка, судя по всему, под ранее располагавшийся здесь крест.

Второе надгробие представляет собой прямоугольный полуростовой бетонный аналой в виде прямоугольной тумбы. Сверху имеется пелена, образующая 3 складки – центральную и по углам. По краям пелены с бахромой имеются кисточки. На вершине имеется пологое углубление. Эпитафия, нанесенная дореволюционным шрифтом, гласит: «Здесь покоится прах младенцев Лидия Иоанн Агрипи... Па ...».

Аналогичный полуростовой бетонный аналой ~1902 г. над могилой 6-летнего ребенка имеет пелену и надписи на всех 4-х гранях. На вершине расположена раскрытая книга с текстом. На горизонтальной площадке между тыльной гранью и наклонной поверхностью вершины имеется выемка, вероятно, под крест.

Четвертое надгробие начала XX в. выполнено в виде полуростовой прямоугольной тумбы из чёрного мрамора на пьедестале из такого же материала. На лицевой грани имеется фотография усопшей и под ней информационный текст: «Татьяна Николаевна Литовкина рожденная Зеленская ...декабря 1912 г. ...». Судя по шрифту и фотографии, надгробие на могиле данной усопшей использовалось вторично в 1930-х гг. Вершина аналоя изготовлена из белого мрамора, крашенного белой краской. Пелена образует несколько складок без строгого геометрического расположения. На вершине расположена открытая книга без текста.

Фрагмент массивного ростового аналоя конца XIX в. - начала XX в. находится на одном из старых кладбищ (центральном) г. Усть-Лабинска. Сохранилась только вершина и верхний уровень средней части. Это единственное аналойное надгробие, обнаруженное на усть-лабинских кладбищах. Оно примечательно ещё и тем, что выполнено из белого мрамора. Его вершина покрыта пеленой с бахромой. На каждой из граней пелена образует четко выделенные три складки – центральную и на углах по одной, вызывая аллегорию с образом Троицы. На вершине лежит раскрытая книга без надписей. Сохранившейся фрагмент эпитафии гласит: «Здесь покоится Анна Никитишина Тер-Азарьева [ск]он. На 75 году ...».

В г. Славянске-на-Кубани на старом кладбище сохранилось надгробие ~1919 г., где классический широкотумбовый аналой является не самостоятельным памятником, а частью намогильного сооружения – «печевидного саркофага». Здесь он расположен на крышке саркофага у её края, что визуально сближает его с конструкцией печи.

В начале XX в. аналойные надгробия были распространены практически повсеместно на территории Кубанской области и северной части Черноморской губернии. Возводились они как на городских и станичных кладбищах, так и на хуторских. К примеру, на одном из накурганных кладбищ вблизи х. Греки Калининского района имеется полурустовой классический аналой ~1918 г. из песчаника. Он стоит над могилой 18-летнего государственного крестьянина Лопина М.С., покончившего жизнь самоубийством. По воспоминаниям старожил, рядом находилось 2 аналогичных надгробия, не сохранившихся до наших дней, но принадлежавшие членам этой же крестьянской семьи.

Старое кладбище г. Анапы, пожалуй, входит в число первых в крае по количеству расположенных на нём аналойных надгробий. Одно из них, ~1949 г., представляет единую конструкцию из 2-хступенчатой невысокой кирпичной тумбы-цветника. Аналой полурустовой, кирпичный, штукатуренный и выкрашенный в синий цвет. Пелена обозначена только кисточками на гранях. На вершине расположена открытая книга без текста. На лицевой грани имеется прямоугольная выемка с помещенной в ней информационной табличкой с именем и датами жизни погребенной.

Там же имеется стилизованное под обелиск-аналой надгробие середины XX в. Это слегка трапециевидная полурустовая из кирпича штукатуренная тумба, выкрашенная в белый цвет, на вершине которой имеется округлая выступающая верхняя часть с наклоном к лицевой грани. Какие-либо тексты отсутствуют.

Свообразно надгробие в виде узкой прямоугольной стелы на пьедестале, вершина которой скошена к лицевой грани. Оно выкрашено в зеленый цвет. На тыльной грани имеется прямоугольный выступ, имитирующий пелену с белым 4-хконечным крестом на ней.

Изящным выглядит надгробие ~1957 г. Это прямоугольная тумба из кирпича, штукатуренная, на квадратном пьедестале, выкрашенная в голубой цвет. Вершина выполнена в виде пелены с кисточками на гранях. В центральной части имеется округлая складка. На вершине лежит открытая книга без текста. На лицевой грани имеется прямоугольная выемка с помещенной в ней информационной табличкой об усопшей и эпитафия от сестры.

Не менее изящным выглядит «двойной аналой», сочетающий в себе элементы обелиска-аналоя начала XX в. и тумбы-аналоя второй половины XX в. Визуально это слегка трапециевидная тумба, расположенная на невысоком пьедестале, имеющим скошенный выступ к цветнику. На пьедестале расположен барельеф в виде венка. На лицевой грани в венке расположена фотография усопшей. Вершина представля-

ет собой установленный на горизонтальной вершине тумбы небольшой аналой с ровной скошенной вершиной.

На ростовом аналосе ~1960 г. в виде прямоугольной штукатуренной тумбы из кирпича и расположенной на квадратном пьедестале, вершина представляет собой скошенную поверхность с пеленой в виде окружной центральной складки и треугольных на углах. По центру вершины расположен 8-миконечный крест. На лицевой грани имеется эпитафия и информационная табличка об усопшем.

На старом кладбище г. Славянска-на-Кубани имеется около десятка «узорчатых» аналойных надгробий 1950-1960-х гг., изготовленных по единому образцу. Это узкие полуростовые классические аналосы из бетона. Пелена отсутствует. На вершине расположена открытая книга без текста, а в виде навершия часто установлен металлический крест. Книгу опоясывает свисающий на лицевую сторону венок. Под венком имеется овальное углубление под фотографию с обрамляющим его снизу венком. В среднем уровне надгробия расположен информационный текст на фигурном барельефном щитке. В нижнем уровне надгробия расположена розетка в виде 8-милепесткового цветка. Углы, кроме низа и верха тумбы, скошены и в них расположены элементы, стилизованные под свисающую в 3 складки ткань, закрепленную в верхней части шаром. На всех гранях по периметру тумбы имеется вдавленный желобок. Сама тумба расположена на низком фигурном тройном пьедестале. Все надгробия выкрашены в серый или голубой цвет. Венки, розетка и угловые элементы могут иметь золотой цвет.

Конструктивные трансформации аналойных надгробий, лежащие в основе формирования их различных типов, происходили, исходя из смен культурных формаций общества, обусловленных культурно-политической и экономической обстановкой, сменой поколений. К примеру, мраморные надгробия возводились в дореволюционное время, а затем способ их изготовления упростился до кирпичной кладки.

С конца XIX в. и до 1940-х гг., преимущественно, возводились классические аналосы. Визуально это были широкие полуростовые прямоугольные тумбы. Вершина их была шире ствола тумбы и покрыта пеленой. Между скошенной поверхностью и тыльной гранью аналоса имелась узкая горизонтальная поверхность, в центре которой располагался крест. На скошенной поверхности, чаще всего, находилась открытая книга. На всех гранях надгробия могли находиться эпитафии и информация об усопшем. Начало XX в. является пиком по применению дорогостоящих материалов при изготовлении аналойных надгробий. С 1910-х гг. на них стали появляться фотографии усопших.

В 1950-1960-х гг. происходят значительные изменения в аналойных надгробиях. С одной стороны, они упрощаются, точность и проработка «религиозных» деталей конструкции уходит на второй план. Они становятся схематичными, воспроизводя более ранние образцы надгробий или их отдельные элементы, подражая им. Пространные романтические эпитафии значительно укорачиваются, сменяясь присутствием краткого информационного текста об усопшем на лицевой грани.

С другой стороны, в этот же период в их внешнем облике наблюдается всплеск романтических черт. Классические аналои 1950-х - первой половины 1960-х гг. становятся изящней, покрываются барельефным декором и помещаются на фигурных пьедесталах. Отдельные элементы могут окрашиваться в цвета, отличные от основного цвета памятника. Дополнением к ним могут становиться тумбы-цветники, расположенные над всей площадью могилы, выполненные с ними в одном стиле. При этом у аналойного надгробия на цветниках могут располагаться бетонные вазы, либо урны с крышками.

В послевоенное время аналойные надгробия окончательно обретают черты именно намогильного памятника, а не намогильного воспроизведения храмового атрибута.

Со второй половины 1960-х гг. они окончательно упрощаются. Если в 1950-1960-е гг. присутствовали уплощенные аналои, приближенные к стелам, то с конца 1960-х гг. – это уже, скорее, стелы со слегка скошенной верхней частью, на которой помещается информация об усопшем. Пелена более не применяется, но по краям могут присутствовать декоровые элементы в растительном стиле в виде переплетенных ветвей, иногда с листьями, или же применялся декор в виде двух переплетенных жгутов.

Кроме того, встречаются нечастые надгробия 1960-х гг. с высокой и сильно вертикально скошенной верхней частью от вершины тыльной грани с невысокой квадратной тумбой в основании (тумба-аналой высокая). На скошенной поверхности расположена информация о погребённом. Навершием может быть крест.

Широкое распространение получают низкие аналойные надгробия (тумбы-аналои низкие). В их внешнем облике от классических аналоев остается лишь верхняя часть с горизонтально скошенной поверхностью и низкой квадратной тумбой в основании. Высокая несущая тумба исчезает. На скошенной поверхности помещается информация об усопшем. В качестве навершия может присутствовать крест. Такие щебёночно-бетонные памятники, в сочетании с тумбами-цветниками, реже намогильными плитами, получили широкое распространение, став одним из массовых простонародных надгробий до конца XX в. Эта же

форма нередко используется в мемориальных комплексах, посвященных Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Классические и смешанные аналои следует рассматривать как основные подвиды аналойных надгробий. Для выделения их типов использование декоровых различий (например – наличие на скошенной поверхности того или иного барельефного элемента, наличие текстов и их формы написаний на гранях, форма складок пелены и т.п.) нецелесообразно, так как множество их вариаций присутствует в различных сочетаниях на всех аналойных надгробиях. Продуктивней за основу построения их типологии брать морфологические признаки – пропорции в сечении и архитектурные формы. У классических аналоев так можно выделить широкотумбовый и узкотумбовый узорчатый типы. Среди смешанных аналоев отчетливо выделяются следующие типы: обелиск-аналой, стела-аналой, тумба-аналой высокая и низкая, двойной аналой.

Следует отметить, что, несмотря на множество типов и их локальных вариаций, аналойные надгробия имеют свои характерные черты, отличающие их от других видов надгробий. К ним следует, прежде всего, отнести наличие прямоугольной тумбы, верхняя часть которой скошена от вершины к лицевой грани. На этой скошенной части может помещаться барельефный декор христианской или растительной тематики, либо на ней находится информационная табличка о погребённом. Имеется несущая тумба – прямоугольное, квадратное или подквадратное возвышение, на котором находится верхняя скошенная часть. На вершине также могут находиться пелена, покров или элементы, обозначающие их присутствие.

Мнение о том, что аналойные надгробия могли воздвигаться только на могилах священнослужителей и чтецов, неверно. Как видим, они присутствуют на могилах людей разного возраста, пола, национальности, профессии, принадлежности к той или иной социальной группе, умерших по разным причинам.

Примечания

1. Аналой // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://old.patriarchia.ru/db/text/39011.html> (дата обращения: 14.03.2025).

2. Аналой // Православная энциклопедия. URL: <http://religion.niv.ru/doc/encyclopedia/orthodox/articles/102/analoj.htm> (дата обращения: 14.03.2025).

3. Акимов П.А. Русское надгробие XVIII – первой половины XIX века: идея жизни и смерти в пластическом воплощении и эпитафии: дис. ...канд. искусствоведения: 17.00.04 (спец. “Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура”). – М, 2008. – 181 с.

4. Кондакова Е.А. Концепт “прекрасное” в традиционной культуре XVII - начале XX века: случай кладбища // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2022): сб. материалов Всерос. науч. конф. молодых исслед. с междунар. уч. (Москва, 12-16 декабря 2022 г.). Т. 10: Технологии. Дизайн. Искусство. – М.: Рос. гос. ун-т им. А.Н. Косыгина, 2022. – С. 147-151.

Секция IV «Методика преподавания исторических дисциплин в средних и высших учебных заведениях»

УДК 94(47)

КИРИЛЛОВА А.И.
Россия, г. Елизово

**Изменения в преподавании курса «История России» в вузе:
вопросы содержания и методики**

Автор анализирует изменения, произошедшие в результате перехода к новой структуре курса «История России» в вузе, выявляет особенности преподавания этой дисциплины в вузах Дальнего Востока в целом и Камчатки в частности. Также автор уделяет внимание вопросам методики преподавания курса для современных студентов.

Ключевые слова: преподавание истории, преподавание истории в вузе, методика преподавания истории в вузе, региональный компонент истории в вузе.

**Kirillova A.I.,
Russia, Elizovo**

**Modifications in the teaching of History of Russia course
at the university: issues of content and teaching**

Author analyzes the changes, that have occurred as a result of the transition to the new structure of the History of Russia course at the university, identifies the features of teaching this discipline in universities of Far East in general and Kamchatka in particular. Author also pays attention to the issues of teaching methods of the course for modern students.

Keywords: teaching history, teaching history at a university, methods of teaching history at a university, regional component of history at a university.

Дисциплина Б1.О1.01.01 «История России», в соответствии с установленным для каждого направления подготовки ФГОС, преподается в объеме 4 зачетных единицы (далее – з.е.) в течение двух семестров на 1-3 курсах вузах РФ. Согласно рекомендациям Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для контактной работы, т.е. аудиторных занятий, рекомендовано выделять не менее 58 часов в семестр, суммарно 116 часов за два семестра. Это больше, в сравнении с курсами региональных вузов до 2023 г., когда объем дисциплины мог составлять 4-5 з.е. Однако контактная работа в предыдущие годы, в связи с подушным финансированием вузов и необходимо-

стью сокращения аудиторной нагрузки, составляла 22-26 часов (в зависимости от направления подготовки). Все это приводило к крайне усеченному преподаванию курса, особенно для студентов неисторических специальностей. Именно расширение контактной работы со студентами позволило существенно изменить ситуацию незнания своей истории, несформированности исторических представлений у большинства студентов- бакалавров. Следует отметить, что традиционно именно «История» как академическая дисциплина обладает и значительным потенциалом для патриотического воспитания и воспитания гражданственности.

Содержательно новый курс «История России» обогатился такими линиями, как история народов России, история формирования территорий и границ России. Причем особо выделены характерные черты и особенности исторического процесса в России (например, отличия удельного периода от феодальной раздробленности, отличия Земского Собора от иных сословно-представительных органов в стране и т.д.). Также курс «История России» был дополнен региональным компонентом «Дальний Восток во Второй мировой войне: без срока давности» [1; 2], в соответствии с письмом Минобрнауки России МН-11/5236 от 16.11.2023 г. В силу отсутствия единого комплексного учебника для вузов по истории Дальнего Востока, вопрос реализации регионального компонента на самой территории, в нашем случае в Камчатском крае, решается пока самими педагогами [3].

Опыт работы 2023-2024 учебного года (выборка: 13 академических групп неисторических направлений подготовки, общей численностью более 150 студентов) показал следующие особенности работы с обучающимися при преподавании курса «История России»:

- рост аудиторной контактной работы привел к улучшению качества владения материалом курса у студентов, появились возможности для улучшения навыка их работы с исторической картой и историческим источником, а также появилась возможность усовершенствовать текущий контроль успеваемости;

- увеличение аудиторной нагрузки также позволило наиболее полно учесть специфику направлений подготовки. Так, со студентами естественно-технических направлений была усиlena работа по изучению истории науки и техники, в рамках практических занятий студенты познакомились с биографиями выдающихся математиков и разработчиков ЭВМ в России и СССР. Аналогично строилась работа и со студентами-юристами (изучение истории возникновения и развития судебной, правоохранительной, пенитенциарной систем), студентами-филологами

и лингвистами (история формирования, развития и изучения русской письменности, биографии выдающихся лингвистов и языковедов);

– новый формат дисциплины способствует реализации регионального компонента исторического содержания: студенты изучают историю вхождения Дальнего Востока и Камчатки в состав России, роль России в освоении этих территорий, вклад российского и советского правительства в создание городов и материально-технической базы предприятий Дальнего Востока и Камчатки, в развитие инфраструктуры населенных пунктов макрорегиона;

– для работы со студентами необходимо использовать активные и интерактивные методики (квизы, игры, викторины, групповая и проектная работа). При использовании классической системы обучающиеся невнимательны, а кроме того, активно используют не учебную и рекомендованную литературу, а материалы сети Интернет, зачастую достаточно низкого качества. Также для подготовки к стандартным семинарским занятиям студенты активно используют инструменты нейросетей, не проверяя генерируемое нейросетью содержание на историческую достоверность, поэтому традиционные формы «вопрос-ответ» на семинарских занятиях сегодня практически неприменимы;

– каждое аудиторное занятие требует оснащения историческими источниками и/или наглядностью, чтобы сохранять у обучающихся интерес и вовлеченность при изучении курса. Широкое использование исторических источников и исторических карт позволяет активно формировать навыки работы студентов с текстом, а также навыки анализа.

Таким образом, реализация курса «История России» в объеме 4 з.е. и с контактной работой в объеме 116 часов действительно способствует углублению знаний по истории у студентов, помогает в развитии у них навыков анализа (исторических источников), способствует формированию положительного отношения к выбранному направлению подготовки (благодаря узнаванию истории становления и развития данных сфер в ходе истории) и к региону проживания.

Вместе с тем, в ходе преподавания курса в новом формате определились и сложности реализации данной дисциплины для студентов неисторических направлений подготовки:

1) в 2022-2023 учебном году отсутствовал единый учебник для студентов вузов. Однако в 2024-2025 учебном году был получен единый учебник в PDF-версии (письмо Минобрнауки России МН-6/1871 от 26.08.2024 г.): История России. Учебник для неисторических специальностей / под ред. Ю.А. Петрова. – М.: Наука, 2024. – 594 с. (в соответствии с направлением подготовки, всего 6 вариантов с различными дополнительными модулями по направлениям подготовки) [4];

2) сохраняется необходимость создания единого для всей Российской Федерации практикума с отобранными историческими источниками и историческими картами для работы на аудиторных занятиях и самостоятельно;

3) у многих студентов неисторических направлений подготовки сохраняется низкая мотивация при изучении истории, поэтому они не всегда выполняют поставленные перед ними задачи и задания по изучению этого предмета.

Для студентов-историков курс «История России» читается в таком же объеме, что и для неисторических направлений подготовки. Но содержание его иное: в рамках этой дисциплины у студентов-историков формируется методология исторического знания, основы источниковедения и критики исторического источника, развиваются навыки работы с историческими картами и навыки создания легенды карты. При этом основной сложностью работы со студентами оказывается тот факт, что эта учебная дисциплина оказывается на младших курсах (1 и 2), когда студенты еще не готовы к восприятию методологии и анализу методологических подходов. Однако и для студентов-историков курс «История России» в обновленном формате полезен и важен. Он позволяет им глубже понять историю как науку и получить навыки обработки и интерпретации информации, формирования грамотного поискового запроса в сети Интернет и в электронных библиотечных системах.

В целом, курс «История России» в объеме 4 з.е. позволил качественно улучшить изучение истории родной страны. Сами студенты по итогам изучения этой дисциплины отмечают, что узнали свою Родину и малую Родину гораздо лучше, смогли увидеть перспективы своего региона и страны в целом. Из более, чем 150 студентов, завершивших курс обучения «История России» в новом формате, 70% отмечают, что нашли для себя в нем что-то интересное, а также узнали новое о своей стране и Камчатском крае.

Примечания

1. В Пскове создали пособие для вузов Дальнего Востока о Второй мировой войне. URL: https://nauka.tass.ru/nauka/19137919?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 09.02.2025).

2. Ильина Н.А. Дальний Восток во Второй мировой войне: без срока давности / Псков. гос. ун-т. – Псков: Конкорд, 2021. – 370 с.

3. История Камчатки XVII-XX веков. Часть 1: Книга для учителя: учебно-методическое пособие / В.О. Давыдова, В.А. Ильина, Н. В. Камардина, А.И. Кириллова, А.И. Лебедева; под общ. ред. В. А. Ильиной; Камч. гос. ун-т им. Витуса Беринга. – Петропавловск-Камч.: Камч. ИРО, 2024. – 320 [2] с. ISBN 978-5-

901898-00-0. – (Учебно-методический комплекс по региональной истории). – Текст: электронный. Доступ: свободный. – (Электронное издание сетевого распространения: 1 файл PDF 75,0 Мб). – URL: https://kamchatkairo.ru/images/books/Istorya_Kamch_1_Kniga_dlya_uchitelya.pdf (дата обращения: 09.02.2025).

4. История России: учебник для неисторич. спец. / под ред. Ю.А. Петрова. – М.: Наука, 2024. – 594 с.

УДК 930.2

ЖАБЧИК С.В.
Россия, Краснодар

Методическое многообразие в современном образовании

В статье рассмотрено методическое многообразие, которое подразумевает использование различных методов и техник обучения, что способствует повышению эффективности образовательного процесса и качеству усвоения знаний.

Ключевые слова: методическое многообразие, методы обучения, интеграция технологий, адаптивность, социально-эмоциональное обучение.

Zhabchik S.V.,
Russia, Krasnodar

Methodological diversity in modern education

Article examines methodological diversity, which implies the use of various teaching methods and techniques, which contributes to increasing the effectiveness of the educational process and the quality of knowledge acquisition.

Keywords: methodological diversity, teaching methods, technology integration, adaptability, social-emotional learning.

Современное образование сталкивается с рядом вызовов: быстро меняющееся общество, внедрение новых технологий, потребность подготовки студентов к жизни в глобализированном и многокультурном мире. В этих условиях особенно важным становится методическое разнообразие, которое позволяет гибко адаптировать образовательный процесс к индивидуальным потребностям и особенностям обучающихся [1]. Методическое многообразие в образовании можно рассматривать с разных точек зрения:

1. Классификация методов обучения.

Методы обучения можно классифицировать на традиционные и инновационные. Традиционные методы, такие, как лекции и практические занятия, остаются основой образовательного процесса. Однако, с

развитием технологий появляются и новые подходы: проектное обучение, проблемное обучение, дистанционное обучение, смешанное обучение, тренинги, коучинг, деловая игра, ролевая игра, мозговой штурм, консалтинг, креативные группы, образовательные тренажеры, интеллект-карта и др. Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки, и их применение должно быть адаптировано в зависимости от целей обучения, контингента обучающихся, от специальности и направлений подготовки. Студенты инженерного направления выберут проектный метод, проблемное обучение, кейсы, образовательные тренажеры. Обучающиеся гуманитарным дисциплинам отадут предпочтение дискуссиям, групповых обсуждениям, деловой игре, ролевой игре, мозговому штурму, консалтингу, креативным группам.

2. Интеграция технологий.

Современные технологии, такие, как интерактивные платформы, образовательные приложения и онлайн-ресурсы, открывают новые горизонты для обучения [2; 3]. Например, использование виртуальных классов позволяет обеспечить доступность образования для студентов, находящихся в отдаленных регионах, а также способствует интерактивному взаимодействию между обучающимися и преподавателями.

Цифровые технологии открывают двери к бесчисленным ресурсам для обучения, включая цифровые книги, видеоуроки, интерактивные платформы и многое другое. Это упрощает поиск необходимых сведений и их использование для углубленного изучения дисциплин [4; 5].

Интерактивные доски, планшеты и другие гаджеты делают уроки более живыми и вовлекающими. Использование технологий в образовании способствует развитию у обучающихся ключевых цифровых навыков, необходимых для успеха в современном мире, включая поиск нужной информации, работу с приложениями и создание мультимедийных проектов.

3. Инклюзивность и адаптивность.

Методическое многообразие также обеспечивает инклюзивный подход к образованию. Применение различных методов позволяет учесть индивидуальные особенности обучающихся, их интересы и потребности, что, в свою очередь, способствует улучшению учебных результатов. Применение *differentiated learning* (дифференцированного обучения) подразумевает адаптацию образовательного процесса в зависимости от уровня подготовки и потребностей каждого студента.

Центральное место в адаптивной системе обучения занимает студент с его индивидуальными особенностями: биологическими задатками и способностями, спецификой организации мыслительного процесса, уровнем активности и самостоятельности в практической и познава-

тельной деятельности, также работоспособностью и т.д. Результатом данной системы становится качественное изменение его индивидуальных особенностей. Активная самостоятельность студента в процессе познавательной деятельности способствует развитию личностных качеств, формированию умений интеллектуального и духовного саморазвития, а также самопознанию личности ученика [6]. Таким образом, адаптивная система обучения направлена на формирование компетенции личностного самосовершенствования.

4. Социально-эмоциональное обучение.

Еще одним важным аспектом методического многообразия является акцент на социально-эмоциональное обучение. Методы, направленные на развитие эмоционального интеллекта и социальных навыков, становятся необходимыми в условиях современного общества, где коммуникация и сотрудничество играют ключевую роль.

Социальное и эмоциональное обучение (SEL) включает в себя пять фундаментальных компонентов, которые вооружают людей необходимыми жизненными навыками. Пять компонентов SEL являются неотъемлемой частью развития эмоционального интеллекта, здоровых отношений и личного благополучия. Программы и практики SEL направлены на развитие этих компетенций, позволяя людям преодолевать жизненные трудности с устойчивостью и сочувствием.

Самосознание – это способность распознавать свои собственные чувства, сильные и слабые стороны и факторы стресса. Это также тот момент, когда студент может спросить себя: «Почему я так себя чувствую?», «Какова моя цель?», «Как я могу изменить свое поведение?».

Самоуправление – это способность контролировать свои действия. Некоторыми примерами этого являются самомотивация, осуществление самоконтроля, постановка целей для себя.

Общественное признание. Социальная осведомленность – это способность понимать вещи с точки зрения других людей и иметь сочувствие к другим. Это также способность проявлять уважение к другим, ценить и принимать разнообразие.

Навыки взаимоотношений – это способность формировать и поддерживать значимые и здоровые отношения с другими людьми. Они могут быть романтическими, профессиональными, с товарищами по команде или друзьями. Важные компоненты здоровых отношений любого рода включают открытое общение, умение слушать, доверие, сотрудничество, компромисс и решение проблем.

Ответственное принятие решений – это способность принимать конструктивные и хорошо продуманные решения относительно собственного поведения и социальных взаимодействий. Некоторые аспекты

ты этого включают рассмотрение причины и следствия, оценку ситуации и решения, потенциальные результаты, влияние на других и само-рефлексию [4].

5. Исследовательская деятельность.

Проектные и исследовательские методы обучения обеспечивают активное вовлечение студентов в процесс познания, что способствует развитию критического мышления и самостоятельности. Они позволяют обучающимся не только усваивать информацию, но и применять ее на практике, разрабатывать собственные проекты и участвовать в научной деятельности. Однако учебный проект призван, в первую очередь, решать образовательные задачи. А значит, он должен быть не только практически значимым, но и помогать учащимся приобретать новые навыки и компетенции, обобщать и систематизировать имеющиеся у них знания, давать им опыт продуктивной деятельности.

Методическое многообразие является важной составляющей современного образовательного процесса. Оно не только позволяет адаптировать обучение под индивидуальные потребности студентов, но и дает возможность интегрировать новые технологии и подходы, которые соответствуют требованиям времени. В условиях глобальных изменений и различных вызовов, стоящих перед современным образованием, методическое многообразие становится ключом к созданию качественного и доступного образования для всех [7]. Применение различных методов и подходов, с учетом конкретного контекста образовательного учреждения и потребностей обучающихся, способствует не только увеличению интереса к обучению, но и формированию у студентов необходимых компетенций, которые будут востребованы в их будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, важно продолжать исследовать и внедрять новые методические подходы в образовательный процесс, активно обмениваться опытом и развивать профессиональные навыки преподавателей. Это создаст эффективную образовательную среду, способствующую полноценному развитию личности каждого обучающегося.

Примечания

1. Сущенко М.А. Основные подходы к формированию функциональной грамотности обучающихся // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки: XIII междунар. межвуз. науч.-практ. конф.: сб. мат-лов и докл. (пгт. Яблоновский, 27 октября 2023 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2023. – С. 136-142.

2. *Жабчик С.В.* Онлайн обучение: польза или вред? // Социально-гуманистический вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 28. – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2021. – С. 141-143.

3. *Жабчик С.В.* Организация учебного процесса в онлайн формате // Современные методические подходы к преподаванию дисциплин в условиях эпидемиологических ограничений: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 01 февраля - 30 апреля 2021 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2021. С. 254–255.

4. *Салчинкина А.Р.* Организация дистанционного обучения с помощью современных web-сервисов (на примере дисциплины “История”) // Современные методические подходы к преподаванию дисциплин в условиях эпидемиологических ограничений: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 01 февраля - 30 апреля 2021 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2021. – С. 269-270.

5. *Турк С.Н.* Мультимедийные технологии преподавания истории в вузе // Качество высшего образования в аграрном вузе: проблемы и перспективы: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 14 марта - 04 апреля 2019 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2019. – С. 277-278.

6. *Шавлохова Е.С., Соляник В.В., Шавлохов Д.А.* Национальная идея в национально-культурном процессе: особенности и идеологические основы // Культура и время перемен. – 2021. – № 4(35). URL: <https://timekguki.esrae.ru/51>.

7. *Жабчик С.В.* Государство как институт формирования политической культуры современной молодежи // Кубанские исторические чтения: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 26 июня 2015 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2015. – С. 138-141.

УДК 371.3/371.68

ТУРК С.Н.
Россия, г. Краснодар

Визуальные источники в преподавании истории России

В данной статье рассматривается вопрос о значимости визуальных материалов для исторических исследований. Интеграция визуальных источников в традиционную структуру исторической науки может способствовать более глубокому пониманию и всестороннему изучению интересующей эпохи.

Ключевые слова: история, визуальный источник, преподавание истории.

**Turk S.N.,
Russia, Krasnodar**

Visual sources in teaching history Russia

Article discusses the importance of visual materials for historical research. The integration of visual sources into the traditional structure of historical science can contribute to a deeper understanding and comprehensive study of the era of interest.

Визуальные источники являются важным компонентом изучения истории. Визуальные источники в преподавании истории России помогают сделать обучение более наглядным и повысить интерес обучающихся к предмету. В современной образовательной среде акцент делается на визуализации учебного процесса. Принцип наглядности в обучении указывает на значимость использования визуальных инструментов для более эффективного восприятия информации студентами. Так, в «Федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования» в заявленных предметных результатах по истории значится такое положение: «Умение анализировать визуальные источники исторической информации» [1]. Из этого возникает необходимость развития умения работать с визуальными историческими источниками и потребность в повышении эффективности работы с ними. Использование на занятиях истории различных визуальных источников (рисунки, исторические картины, фотографии, плакаты, карикатуры, мультимедийные презентации) направлено на создание зрительного образа. Изображение является мощнейшим фактором мотивации к обучению и важнейшим обучающим средством. В процессе обучения любой визуальный источник несет в себе новую историческую информацию, а также выполняет задачи актуализации имеющихся знаний, наглядной демонстрации теоретического материала, закрепления и контроля усвоенного, и способствует развитию эмоциональной составляющей образовательного процесса. Это делает процесс обучения более интерактивным и увлекательным для учащихся, помогая им воспринимать и запоминать информацию более эффективно. Обучающиеся наглядно представляют предмет беседы и могут почувствовать «дух эпохи».

Новизна научного методического подхода к изучению истории через визуальные источники проистекает из нескольких факторов. Во-первых, визуальные источники включают в себя широкий спектр материалов, включающих фотографии, карты, схемы, плакаты. Эти источники предоставляют уникальную возможность прямо взглянуть на прошлое и увидеть, как выглядел и развивался конкретный исторический период или событие. Они позволяют получать непосредственные визуальные впечатления, которые могут стать более живыми и запоминающимися, чем текстовые или устные источники.

Во-вторых, визуальные источники могут предоставить дополнительные сведения, которые недоступны в других источниках, помогут лучше воспроизвести атмосферу прошлого, передать эмоции и настроение, которые не всегда удается передать в текстовых источниках. Ис-

пользование на уроках истории в школе при изучении нового материала средств визуализации формирует у учащихся определённый образ, который помогает лучше запомнить материал.

В-третьих, использование визуальных источников в исторических исследованиях может способствовать развитию навыков критического мышления и исторической интерпретации, что полезно для развития умения анализировать и синтезировать информацию.

В данном случае, произведение искусства рассматривается либо как визуальный исторический источник («документ эпохи»), если автор являлся современником изображенных событий, либо как вариант историографического текста, при создании которого художник, скульптор, режиссер выступили в роли историков. На занятиях истории преподаватель может вместе с визуальными источниками – историческими картами, картинами, гравюрами, фресками, рисунками – использовать различные таблицы и схемы, а также технические средства: мультимедийный ряд в качестве презентаций и кино- или видео фрагменты. Например, при изучении темы «Опричнина» преподаватель может организовать работу с несколькими средствами визуализации: схемой, учебной картиной, видеороликом. Мультимедийная презентация является, на наш взгляд, неотъемлемой частью современного урока. В современном мире технологии играют все более важную роль в процессе обучения. Они предоставляют уникальные возможности для визуализации информации, создания интерактивных уроков и привлечения внимания учащихся. Одним из таких инструментов является мультимедийная презентация, которая находит широкое применение в современном образовании, в том числе и на уроках истории [2; 3]. Определенная визуализация изучаемой темы и фиксирование основных тезисов на интерактивной доске помогает учащимся лучше освоить тему.

На этапе изучения нового материала, чтобы познакомить обучающихся с личностью Ивана IV, преподаватель предлагает рассмотреть портрет В.М. Васнецова «Царь Иван Васильевич Грозный» и дать характеристику историческому деятелю. Изучение портретов исторических деятелей на уроках истории также имеет большое значение, поскольку они помогают ученикам лучше понять и запомнить исторические личности. Во-первых, портреты позволяют учащимся визуально представить исторического деятеля, его облик, одежду и окружение, что делает урок более наглядным и интересным. Это помогает ученикам легче запомнить информацию и лучше понять контекст их деятельности. Во-вторых, изучение портретов исторических деятелей способствует развитию умения анализировать и интерпретировать художественные произведения, понимать символический язык исторических

портретов. Кроме того, портреты исторических деятелей служат источником информации об их характере, внешности, возможно – об их идеях, которые они пытались реализовать. Зрительное восприятие портретов позволяет ученикам более глубоко погрузиться во времена и события прошлого [4].

В итоге, использование картин и других произведений художественной культуры на уроке истории обогащает обучающий процесс, способствует лучшему пониманию исторических событий, развитию аналитических навыков и стимулирует критическое мышление учащихся. Такие методы обучения помогают учащимся подходить к изучению истории более всесторонне, обогащая свое понимание прошлого через художественные и культурные аспекты.

Рассказывая об опричнине, можно организовывать работу у доски с исторической картой «Российское государство в XVI в.». Студенты должны показать территории, которые вошли в опричнину, и крупные города, находившиеся на территории опричнины; проанализировать расположение земель, вошедших в опричнину и Земщину; охарактеризовать отношение разных социальных групп населения страны к проводимой политике.

Затем можно организовывать работу с картиной М.И. Авилова «Опричники в Новгороде». По этой картине обучающиеся должны составить рассказ о действиях опричников в этом древнем городе. Картины представляют собой ценный источник информации о прошлом. Визуальные образы, изображенные на художественных полотнах, позволяют учащимся погрузиться в изучаемую эпоху, лучше представить себе те обстоятельства и атмосферу, которые сопровождали исторические события. Кроме того, картины часто отражают культурные и социальные особенности того времени, что помогает понять контекст и значение происходивших событий [5]. Применение картин не только обогащает обучающий материал, но также позволяет разнообразить методы обучения. Преподаватели могут использовать изображения для проведения анализа и обсуждения исторических событий, стимулируя учащихся к критическому мышлению. К примеру, студенты могут сопоставлять разные художественные интерпретации одних и тех же исторических явлений, что способствует развитию у них навыков анализа и критического мышления.

Отдельного внимания заслуживает следующий метод обучения: студентам предлагается описать картину. Но это не просто банальное описание, обучающиеся должны на основе нескольких картин или же видеоисточников составить рассказ об исторической эпохе/ историческом событии, используя исключительно информацию, которую им

может предоставить данный визуальный источник, анализируя изображенное на картине или же представленное в фильме. Затем можно использовать видеофрагмент советского фильма Сергея Эйзенштейна «Иван Грозный» (1944 г.).

История – это не только перечисление дат, событий и имен, но и увлекательное погружение в прошлое, понимание мотивов и поведения людей, которые повлияли на ход истории. Для того, чтобы сделать уроки истории более интересными и запоминающимися, учителя используют различные методы и подходы. Один из таких методов – использование исторических мемов [6]. Мемы – это небольшие шуточные картинки с остроумным текстом. Однако, когда дело доходит до использования мемов в образовании, то они приобретают совершенно новое значение. Исторические мемы – это способ привнести юмор и позитив в изучение истории, сделать ее более доступной и увлекательной для учеников. Использование исторических мемов на уроке истории имеет несколько преимуществ. Во-первых, мемы помогают ученикам лучше запомнить информацию, поскольку ассоциация с веселым и запоминающимся изображением улучшает усвоение ими материала. Во-вторых, мемы облегчают понимание сложных понятий и событий, визуализируют их и делают более доступными для учеников. И наконец, использование мемов на уроке истории делает образовательный процесс более интересным и привлекательным, что мотивирует учащихся к активному участию и обучению. Однако при использовании исторических мемов на уроке истории важно помнить о мере и уместности. Мемы не должны заменять серьезное изучение материала, но лишь дополнять его, делая урок более ярким и понятным. Таким образом, использование исторических мемов на уроке истории – это инновационный и эффективный подход к обучению, который помогает сделать занятия более увлекательными.

В ходе занятий преподаватель организовывает работу с несколькими средствами визуализации: историческим портретом, учебной картиной, картой и видеофрагментом из фильма. На наш взгляд, это очень эффективно, поскольку визуальные источники, демонстрируемые в процессе обучения, развивают творческое воображение у студентов, развивают их память, вызывают эмоции, способствуют прочному закреплению конкретного учебного материала.

В заключении следует подчеркнуть, что современный педагог обязан владеть навыками работы с образовательными инструментами, включая инновационные наглядные пособия. Это необходимо для предоставления высококачественного образования и эффективной передачи знаний учащимся.

Примечания

1. *Жабчик С.В.* Новые социально-гуманитарные дисциплины, как способ формирования у вузовской молодежи чувства патриотизма // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки: XIII междунар. межвуз. науч.-практ. конф.: сб. мат-лов и докл. (пгт. Яблоновский, 27 октября 2023 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2023. – С. 43-47.
2. *Турк С.Н.* Мультимедийные технологии преподавания истории в вузе // Качество высшего образования в аграрном вузе: проблемы и перспективы: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 14 марта - 4 апреля 2019 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2019. – С. 277-278.
3. *Салчинкина А.Р.* Организация дистанционного обучения с помощью современных web-сервисов (на примере дисциплины “История”) // Современные методические подходы к преподаванию дисциплин в условиях эпидемиологических ограничений: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 1 февраля - 30 апреля 2021 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2021. – С. 269-270.
4. *Шавлохова Е.С., Соляник В.В., Шавлохов Д.А.* Национальная идея в национально-культурном процессе: особенности и идеологические основы // Культура и время перемен. – 2021. – № 4(35). URL: <https://timekguki.esrae.ru/51>.
5. *Турк С.Н.* Методы использования визуальных источников в процессе преподавания в университете (на примерах исторических картин) // Высшее аграрное образование: состояние, проблемы и перспективы: сб. ст. по мат-лам учеб.-метод. конф. (Краснодар, 1 февраля - 30 апреля 2024 г.). – Краснодар: КубГАУ, 2024. – С. 340-341.
6. *Малиш М.А., Солодухин Н.С.* Историческая память и ее отражение в цифровых технологиях // Наука XXI века: проблемы, перспективы и актуальные вопросы развития общества, образования и науки: XIII международ. межвуз. науч.-практ. конф.: сб. мат-лов и докл. (пгт. Яблоновский, 27 октября 2023 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2023. – С. 102-107.

УДК 378.147:93/94(470)

АЛЕКСЕЕНКО О.И.
Россия, г. Краснодар

ИТ-технологии в преподавании истории России как общеобразовательной дисциплины в высшей школе

В статье рассматривается преподавание дисциплины «История России» в вузах в соответствии с новой концепцией. Автор проанализировала применение современных ИТ-технологий в процессе лекторской, студенческой работы, при подготовке студентов к семинарам, их научной деятельности. В статье сделан вывод, что главным в процессе изучения этой дисциплины является формирование системного подхода

к восприятию исторического прошлого и настоящего, уважения к истории страны.

Ключевые слова: история России, высшее образование, преподавание, ИТ-технологии, системное мышление, концепция.

Alekseenko O.I.,
Russia, Krasnodar

IT-technologies in teaching Russian history as a general education discipline in higher education

Article considers the teaching of discipline “History of Russia” in universities in accordance with the new concept. Author analyzed the use of modern IT-technologies in the process of lecture, student’s work, in preparing students for seminars, their scientific activities. Article concluded, that the main thing in the process of studying this discipline is the formation of a systematic approach to the perception of the historical past and present, respect for the history of the country.

Keywords: Russian history, higher education, teaching, IT-technologies, system thinking, concept.

С 2023 г. в вузах страны произошел переход к преподаванию учебной дисциплины «История России» по программе, составленной в соответствии с новой концепцией [1]. Концепция предусматривает значительное увеличение аудиторных часов на изучение истории России, включения в нее, в частности, событий с 2014 г. и до настоящего времени. Все это создало ряд проблем, которых не было раньше и которые сегодня необходимо решать.

Если два года назад учебный курс «История России» необходимо было преподносить в течение 12 лекционных часов и 12 часов семинаров, при этом программа содержала 104 часа в целом, а на самостоятельную работу студента отводилось достаточно много времени. В настоящее время только аудиторные занятия делятся 104 часа из 144-х. Это демонстрирует резкое уменьшение количества времени на самостоятельную работу обучающихся – не более 2-х часов на каждое занятие. Данная ситуация возлагает на вузовского преподавателя дополнительные обязанности – подготовить такие методические материалы, которые бы позволили студенту быстро подготовиться к учебным занятиям, написать реферат, доклад, ответить на вопросы преподавателя. Кроме того, «при формировании списка литературы необходимо предоставлять информацию о месте нахождения данного издания (с указанием образовательных порталов и др.)» [2].

У студентов первого курса, только что вышедших из стен средней школы, имеются лишь отрывочные, не базирующиеся на теоретических концептах, сведения о современном историческом процессе. Для луч-

шего усвоения исторических знаний и с учетом своеобразия сознания современных студентов преподавателю не обойтись без презентаций во время лекции: «Визуализация информационных сообщений способствует более эмоциональному и точечному восприятию разных исторических событий, деятельности и роли конкретных личностей в развитии той или иной страны и т.п.» [2]. Как правило, преподаватели знакомят студенческую аудиторию с портретами князей, царей, политических лидеров разных эпох, цитатами из тех или иных документов, произведений выдающихся историков, фотографиями с места современных событий. Это значительно оживляет восприятие студентами исторического материала. Правда, не всегда в вузах имеются необходимые условия для подобного формата лекций и семинаров.

В частности, в Краснодарском филиале Российского экономического университета (КФ РЭУ) им. Г.В. Плеханова появились новые возможности: так называемые «умные» доски, на которых можно не только демонстрировать презентации, но и использовать кинодокументы как полноценные исторические источники.

ИТ-технологии (наличие Интернета, гаджетов) позволяет найти немало документальных фильмов о той или иной исторической эпохе, политических лидерах нашей и других стран дореволюционного, советского и постсоветского периодов, которые украсят любое занятие. Понятно, что необходимо гармонично вплетать кинокадры в контекст материала, чтобы они подтверждали сказанное лектором и создавали почву для дискуссии. Фильмы могут подбираться и преподавателями, и студентами (под контролем). Важно найти такие из них, которые бы не противоречили новой концепции преподавания истории России. В то же время у студентов требуется сформировать различные подходы к пониманию исторического процесса, чтобы они умели противостоять фальсификациям и искажению истории, и у них не возникало бы однобокого толкования фактов и событий.

Для поддержания внимания у обучающихся во время просмотра документальных кадров интересным будет «задать студенту вопросы, ответы на которые ему следует найти в ходе просмотра данных средств массовой информации» [2].

Другим аспектом проблемы преподавания курса является возможность применения ИТ-технологий. Далеко не в каждой аудитории имеются интерактивные доски, позволяющие разместить на экране презентацию или продемонстрировать фильм. Приносить в аудиторию экран, проектор, устанавливать их требует времени, но это не всегда удобно из-за коротких перерывов между занятиями. Поэтому преподаватели зачастую используют мобильные телефоны, где размещены презента-

ции. Преподаватель читает лекцию, а студенты просматривают слайды презентации. Это в любой критической ситуации позволяет полноценно преподнести учебный материал, даже если отсутствует подключение к Интернету.

Использование мобильных телефонов с размещенными в них текстами лекций также помогает преподавателю не диктовать студентам материал для записи, а свободно его излагать с деталями, которых может и не быть в тексте лекции. Преподаватель имеет больше возможностей ярко и интересно донести до обучающихся тему, а у студентов не появляется потребности переспрашивать у преподавателя ту или иную фразу, так как можно ее посмотреть в телефоне.

Интерактивные доски можно применять и для подготовки студентов к тестированию, решению кейсовых задач. Размещая тесты или кейсы на доске, преподаватели предлагают студентам по очереди выбирать правильные ответы, выполнять задания с объяснением, почему они выбрали именно этот ответ или ответы. Происходит не только тренировка студентов, но и оценивание преподавателем степени усвоения ими материала. Обсуждение происходит с участием всей группы, оценкой знаний друг друга, что повышает ответственность каждого студента, желание предстать перед группой в лучшем свете и повысить самооценку. Т.Е. Сиволап считает, что эффективной формой является «внедрение в учебный процесс сравнительных контекстов для эмоционального воздействия на обучающихся в ходе подачи лекционного материала». В преподавании истории России вызывает интерес студентов «сравнительные характеристики имиджей русских царей и императоров с современными политическими и бизнес-лидерами» [2]. Причем «это возможно делать на примерах героев Руси и России, начиная с Александра Невского, продолжая монархами Российской империи и деятелями социалистической и постсоциалистической эпох. В нашем народе есть миллионы талантливых, выдающихся людей, деятелей экономики, политики, культуры. Их вклад в развитие Родины надо обсуждать, изучать их биографии, творчество» [3].

Изучение истории России невозможно без активной самостоятельной работы студентов, которая также протекает с участием ИТ- технологий. Можно пользоваться учебниками без посещения библиотеки, читать научные статьи, выделяя в них главные мысли, готовить рефераты и презентации. Преподаватель может читать студенческие работы на экране своего компьютера, поддерживая обратную связь со обучающимися, сообщая им о недостатках их работ и указывая, что необходимо исправить.

В период пандемии Covid-19 образовательные учреждения в РФ стали использовать дистанционную форму взаимодействия с обучающимися [4]. Сегодня преподаватели вузов проводят не только конференции и вебинары с возможностью презентаций, но и обычные лекции и семинарские занятия в том же формате. Это облегчает процесс взаимодействия субъекта и объекта обучения, усвоения знаний, экономит время тех и других. В настоящее время в вузах РФ активно происходит приобщение студентов к научной работе. Данный процесс также невозможен без применения ИТ-технологий. С помощью компьютера студенты могут изучать общественное мнение респондентов разных профессиональных и социальных групп по интересующей их актуальной проблематике, компьютерные программы обобщают материал, создают диаграммы, позволяющие студентам видеть различные исторические и общественные процессы, подтверждающие или опровергающие теоретические концепты. Это позитивное явление. Однако возникает крен в сторону увлечения наукой без сформировавшейся базы знаний у обучающихся, особенно младших курсов, они исследуют не всегда самые значимые и довольно узкие проблемы того или иного учебного курса. Результат далеко не всегда положителен. Поэтому, на наш взгляд, не стоит переусердствовать с приобщением студентов первого и второго курсов с подготовкой научных статей, лучше заниматься формированием системности мышления у студентов по каждому изучаемому предмету, в том числе и по истории России. Здесь как никогда важно выявлять причинно-следственные связи событий, социально-экономическую и политическую структуры общества на разных этапах его развития, что и формирует системность мышления обучающихся.

В вузах существует балльно-рейтинговая оценка знаний и деятельности студентов и аналогичная система оценивания труда преподавателя. Чем больше научных статей подготовит студент под началом руководителя, тем более высокий балл получит и тот, и другой. Порой подготовка научных работ студентами подменяет изучение базового курса, поскольку обучающийся получает всемерную поддержку со стороны преподавателя для написания статей, участия в конкурсах научных работ и т.п. На поверку оказывается, что студент слабо усвоил базовый курс, необходимый для формирования специалиста, а его знания отрывочны и не системны.

ИТ-технологии студенты используют не только для усвоения знаний, они пользуются мобильными телефонами и при сдаче экзаменов и зачетов. Проведенное преподавателями в 2023 г. социологическое исследование в КФ РЭУ им. Г.В. Плеханова показало, что «22% студентов использует телефоны и для получения подсказки на экзаменах и заче-

так. Это является негативным последствием цифровизации общества, так как студенты не желают напрягать свою память, если можно найти в телефоне ответы на вопросы промежуточного контроля знаний» [5]. Разумеется, формально они не имеют права пользоваться гаджетами в период текущего контроля, но стараются незаметно для проверяющего это сделать. Следовательно, ИТ-технологии имеют и негативные стороны их применения в образовательном процессе. Это связано с этической стороной поведения студентов во время текущего и итогового контроля по дисциплине. Отметим, что у нынешнего поколения молодежи складывается иллюзия полной и легкой доступности любой информации, которую они ошибочно принимают за знания, не понимая принципиальной разницы между тем и другим. Однако одной из основных целей учебы в вузе является формирование у студентов умения перерабатывать информацию, переводя ее в ранг полноценного знания.

Кроме того, если обучающиеся недостаточно готовятся к занятиям, не пишут конспекты лекций, то в результате долгосрочная память у них не развивается, и вряд ли они смогут на основе только краткосрочной памяти успешно решать задачи в своей будущей профессиональной деятельности. Поэтому необходимо развивать у студентов умения работать с качественными Интернет-источниками, критически относиться к популярным справочным материалам типа «Википедии», где часто допускаются некорректные формулировки и имеются непроверенные данные [6].

В целом, активное использование студентами под руководством преподавателей Интернет-ресурсов развивает общую информационную культуру личности, что является актуальным в современном цифровом обществе и пригодится выпускникам в их будущей профессиональной деятельности.

Примечания

1. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования (утв. протоколом Экспертного совета по развитию исторического образования от 15.02.2023 № ВФ/15-пр). URL: <https://sudact.ru/130law/pismo-minobrnauki-rossii-ot-20022023-n-mn-5168376/prilozhenie/?ysclid=lvdoqjul83455778438>.

2. Сиволап Т.Е. Проблемы внедрения инновационных технологий в процессе преподавания гуманитарных дисциплин // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – С. 408-414.

3. Алексенко О.И. Проблемы воспитания патриотизма и гражданственности в процессе преподавания истории России в вузе // Кубанские историческое чте-

ния: мат-лы XV Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 7 июня 2024 г.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2024. – С. 125-131.

4. Алексеенко О.И. Проблемы дистанционного обучения в вузах в современных условиях // Кубанские исторические чтения: мат-лы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 30 июня 2022 г.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2022. – С. 99-104.

5. Денисенко К.С., Кузьмин Н.И. Социально-культурный и политический портрет студента современного цифрового общества // Современные тенденции и проблемы науки в развитии цифровых и инновационных технологий: сб. науч. тр. студ. VII Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. (Краснодар, 13 апреля 2023 г.). – Краснодар: Краснодар. ф-л РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2023. – С. 143-151.

6. Широков Е.А. Использование информационных технологий в преподавании истории и обществознания // Молодой ученый. – 2014. – № 6-3 (65). – С. 49-52. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10926/> (дата обращения: 02.04.2025).

Секция V «Вспомогательные исторические дисциплины»

УДК 913.1/913.8

КОРЧЕМКИНА Е.Е.
Россия, г. Майкоп

Историческая география как учебно-научная дисциплина в российском высшем образовании

В статье даётся краткий обзор появления исторической географии как научного направления и учебной дисциплины в высших учебных заведениях России. Автор статьи рассматривает особенности и трудности на пути развития исторической географии, связанные с историческим развитием страны.

Ключевые слова: историческая география, географический фактор, высшее образование, география.

**Korchemkina E.E.,
Russia, Maykop**

Historical geography as an educational and scientific discipline in Russian higher education

Article provides a brief overview of the history of teaching historical geography in higher education in Russia. Author of the article examines the features and difficulties of developing the methodology of historical geography.

Keywords: historical geography, geographical factor, higher education, geography.

Профессиональные знания и компетенции будущего историка формируются тем успешнее, если осуществляются в русле междисциплинарных связей, к тому же, социо-гуманитарное знание сегодня развивается в прозрачных междисциплинарных границах. Одним из потенциально продуктивных междисциплинарных полей в образовательном процессе современной Российской Федерации является историческая география. Из глубины столетий прослеживается связь истории и географии. Выдающиеся мыслители античности фактически были и географами, и историками одновременно. Такое сочетание научного знания прослеживается вплоть до конца XIX в.

На рубеже XIX в. - XX в. прогрессивное развитие науки меняет ситуацию к четкой дифференциации истории и географии. Обозначился процесс отрыва изучения пространственных структур исторических событий и явлений от осмыслиения закономерностей их возникновения и

развития. Однако это не исключило того, что, «в рамках как исторической, так и географической наук оформилось “стыковое” направление между ними – так называемая “историческая география”» [1, с. 3]. По справедливому замечанию В.Н. Стрелецкого, такая пограничная область знания формировалась историками и географами самостоятельно и независимо друг от друга [1, с. 3].

Изучая ход исторического процесса, представители исторической науки неизбежно приходили к мысли о соотношении событий прошлого с особенностями конкретной географической среды. Истоки историко-географических традиций в отечественной историографии начинают прослеживаться с работ В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова [2, с. 63]. XIX век открыл широкую дорогу формированию исторической географии как направления, обозначившего проблему влияния физико-географической среды на развитие человеческого общества. Начиная с работ Н.А. Полевого и Н.И. Надеждина, пространственная интерпретация российской истории широкого развивается в трудах историков как XIX в., так и начала XX в. Здесь нельзя обойти вниманием концептуальные разработки С.М. Соловьева, Н.П. Барсова, Д.И. Багалея, И.Д. Беляева, В.О. Ключевского, Е.Е. Замысловского, М.К. Любавского, С.М. Середонина, А.А. Спицына и других. Труды этих историков не только способствовали становлению исторической географии России как научного направления, но также открыли возможности её развития как учебной дисциплины в российских университетах.

Одним из первых пособий по отечественной исторической географии стал опубликованный в 1865 г. Е.Е. Замысловским «Учебный атлас по русской истории» [3]. Это наглядное пособие стало самым популярным атласом по русской истории и выдержало три издания (в 1865 г., 1869 г., 1887 г.). Реконструкцию исторической географии древней Руси осуществил Н.П. Барсов. Его специализированный словарь-справочник «Материалы для историко-географического словаря Древней Руси» (1865 г.) вобрал в себя перечень упомянутых в летописях географических названий Русской земли, начиная с IX в. и до середины XIV в. [4]

На рубеже XIX-XX вв. в программах высших учебных заведений России появились учебные курсы по исторической географии. В Императорском Петроградском археологическом институте курс по исторической географии читал С.М. Середонин. Результатом чтения авторского курса также по исторической географии стало издание учебного пособия А.А. Спицына «Русская историческая география» [5]. Заметным событием в развитии исторической географии как учебной дисциплины стал классический курс ректора Московского университета М.К. Любавского «Историческая география России в связи с колонизацией» [6].

Будучи учеником В.О. Ключевского, М.К. Любавский развил тезис о решающем значении географических условий в истории Российского государства.

После октябрьских событий 1917 г. в методологии отечественной исторической науки господствующее место заняла теория общественно-экономических формаций, а преподавание исторической географии в высших учебных заведениях постепенно исчезло. Это было связано, в первую очередь, с тем, что географический фактор как существенный компонент исторического процесса в марксистко-ленинской историографии не рассматривался.

Преподавание исторической географии в это время переживало непростые времена. Это может быть проиллюстрировано на примере чтения курса исторической географии в Петроградском университете [7, с. 447]. Учебные планы, составленные в первые годы при новой советской власти, предусматривали для студентов по русской истории практические занятия по археологии и исторической географии. В середине 1920-х гг. дисциплина историческая география предлагается уже как рекомендованный курс. Вскоре элементы экономико-географического подхода к чтению подобных курсов стали доминирующими. Таким образом, исследования историко-географической направленности сместились в рамки такого направления как советская экономическая география под руководством Н.Н. Баранского [8].

Конечно, нельзя утверждать, что историческая география полностью исчезла из учебного пространства советской высшей школы. В Ленинградском университете в 1926-1927 гг. в цикл исторических дисциплин, помимо «Историко-экономической географии мира», был включен курс «Исторической географии России». Его читал доцент К.В. Кудряшов, автор «Русского исторического атласа», изданного в 1928 г. [9, с. 123] В дальнейшем научные изыскания ученого были связаны с вопросами исторической географии Половецкого поля.

Тем не менее, в конце 1920-х и в течение 1930-х гг. как учебная дисциплина историческая география исключается из учебных планов. В то время, как в западных академических сообществах продолжалась методологическая и концептуальная разработка основ исторической географии, в Советском Союзе произошло её забвение как науки [10, с. 56].

Восстановление исторической географии в исследовательском, а затем и в учебном отечественном пространстве, связано с именем В.К. Яцунского. В своей статье «Предмет и задачи исторической географии», опубликованной в журнале «Историк-марксист» в 1941 г., он поставил вопрос о предмете исторической географии [9, с. 123]. Благодаря

его деятельности в Историко-архивном институте с начала 1940-х гг. возобновилось чтение курса исторической географии. С 1943-1944 учебного года на историческом факультете Ленинградского университета в учебном плане историческая география уже значилась в числе обязательных предметов для студентов по специальности «История СССР» [9, с. 124]. Усилиями М.Н. Тихомирова преподавание исторической географии в Московском государственном университете было возобновлено в 1950-е гг. [10, с. 57] Таким образом, во второй половине XX в. период нестабильности в преподавании исторической географии как учебной дисциплины, преподававшейся для историков, был преодолен. В это время историко-географическая проблематика, а также самые разные аспекты её методологии, нашли широкое отражение, как в работах географов, так и историков.

Важным событием в деле разработки учебно-методических оснований исторической географии стал семинар-совещание «Методика преподавания курса исторической географии в университетах и педагогических вузах», состоявшийся в 1974 г. в г. Москве. Обсуждались учебные программы, появились пособия по исторической географии [11; 12]. Кроме того, продолжалась разработка методологического аппарата исторической географии.

Начало XXI в. в российском образовательном пространстве охарактеризовалось заметным интересом к исторической географии. Заполнились пробелы, существовавшие в учебно-методическом обеспечении этой дисциплины. Появились пособия не только по вспомогательным историческим дисциплинам, где историческая география содержится отдельным разделом, но и отражающие развитие её содержания как самостоятельной отрасли научного исторического знания.

Примечания

1. Стрелецкий В.Н. На стыке наук: историческая география и ее отношение к истории и географии (вместо введения) // Вестник исторической географии. – 1999. – № 1. – С. 3-9.
2. Дементьев В.С. К вопросу о становлении и перспективах развития исторической географии // Псковский регионалогический журнал. – 2015. – № 23. – С. 59-71.
3. Учебный атлас по русской истории [Карты] / сост. и изд. под ред. проф. Е. Замысловского. – СПб., 1887. – 255 с.
4. Барсов Н.П. Материалы для историко-географического словаря Древней Руси. – СПб.: Лань, 2013. – 224 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/9237> (дата обращения: 03.03.2025).
5. Спицын А.А. Русская историческая география: учеб. курс / Имп. Петрогр. археол. ин-т. – Пг.: тип. Я. Башмаков и К°, 1917. – 68 с.

6. Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. – М.: Юрайт, 2025. – 220 с. URL: <https://urait.ru/bcode/568308> (дата обращения: 03.03.2025).

7. Кривошеев Ю.В., Кривоноженко А.Ф., Соколов Р.А. Преподавание исторической географии России на историческом факультете ЛГУ-СПбГУ за 100 лет // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2016. – Вып. 5. – С. 447-467.

8. Баранский Н.Н. Экономическая география Советского Союза: Обзор по областям Госплана. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. – 294 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009141842> (дата обращения: 03.03.2025).

9. Кривошеев Ю. В., Кривоноженко А. Ф., Соколов Р. А. Преподавание исторической географии на историческом факультете ЛГУ-СПбГУ (1918-1950 гг.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 12. – С. 121-126.

10. Абрамова Н.Г. Современные проблемы изучения и преподавания исторической географии России // Genesis: исторические исследования. – 2013. – № 1. – С. 50-69. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=620 (дата обращения: 03.03.2025).

11. Муравьев А.В., Самаркин В.В. Историческая география эпохи феодализма: (Западная Европа и Россия в V-XVII в.): учеб. пособие для студ. ист. фак. пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1973. – 143 с.

12. Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Историческая география СССР: учеб. пособие для ист. фак. ун-тов. – М.: Высш. шк., 1973. – 319 с.

УДК 005.44

МАЛИШ М.А.
Россия, г. Краснодар

Глобализация мировой системы, ее черты и последствия для развития человечества

В статье рассмотрен процесс глобализации мировой системы как одно из ключевых явлений современности, а также основные черты и последствия глобализации для развития человечества.

Ключевые слова: глобализация, мировая система, интеграция, универсализация, взаимозависимость.

Malish M.A.,
Russia, Krasnodar

Globalization of the world system, its features and implications for human development

Article considers the process of globalization of the world system as one of the key phenomena of our time, as well as the main features and consequences of globalization for the development of mankind.

Keywords: globalization, world system, integration, universalization, interdependence.

Актуальность исследования глобализации мировой системы заключается в ее значительном влиянии на все аспекты жизни человечества. Понимание черт и последствий глобализации позволяет лучше осознать вызовы и возможности, с которыми сталкивается современное общество. Исследование глобализации необходимо для разработки эффективных стратегий управления, направленных на минимизацию негативных последствий и максимализацию выгод от этого процесса.

В условиях быстро меняющегося мира важно находить баланс между глобальными интересами и локальными потребностями для того, чтобы обеспечить устойчивое развитие человечества в будущем.

Тему глобализации исследовали ученые и деятели исторической науки, культурологии, социологии, философии и др. В книге Томаса Фридмана «Сравнительное преимущество» обсуждается, как технологические изменения и глобализация влияют на экономические структуры и рабочие места, подчеркивается необходимость адаптации к новым условиям. В своем труде «Информационная эпоха» Манюэль Кастельс исследует, как информационные технологии и глобальная экономика изменяют социальные структуры и идентичности. Он подчеркивает важность сетевых обществ в условиях глобализации. В своих исследованиях Джон Рагг обсуждает влияние глобализации на государственный суверенитет и международные отношения, а также роль международных организаций в управлении глобальными процессами. В своих работах Умберто Эко обсуждает культурную гомогенизацию и разнобразие в условиях глобализации, акцентируя внимание на взаимодействии между локальным и глобальным. В своих работах Джаред Даймонд исследует, как экологические факторы влияют на цивилизации и подчеркивает важность устойчивого использования ресурсов в условиях глобализации.

Глобализация – это процесс, который делает мир более взаимосвязанным в экономическом, политическом и культурном аспектах, способствуя его большей однородности. Впервые термин «глобализация» был использован в контексте интенсивной международной торговли и мирового рынка Карлом Марксом. В 1983 г. Теодор Левитт, профессор маркетинга из Гарвардского университета в США, дал новое определение этому термину, описывая процесс объединения рынков отдельных товаров, производимых транснациональными корпорациями. В 1990-х гг. понятие глобализации стало широко использоваться в научных кругах. Некоторые аспекты глобализации начали проявляться еще в антич-

ные времена, когда Александр Великий распространил греческие традиции на завоеванные им территории. В эпоху Римской империи Средиземное море стало зоной влияния Рима, что способствовало смешиванию культур и развитию межрегиональных связей. Тем не менее, нашествия варваров остановили объединение культур.

С XV в. по XVII в. в Западной Европе начался новый этап глобализации, сопутствующий зарождению капитализма и активной торговле, что привело к формированию европейской мировой экономики. Успехи в мореплавании и открытии новых земель позволили португальским и испанским купцам распространить европейские ценности по всему миру. В XIX в. индустриализация способствовала росту торговли и инвестиций между Европой, ее колониями и США, но также привела к империалистической эксплуатации развивающихся стран. Процессы глобализации продолжались в начале XX в., но в 1930-х гг. мир столкнулся с затишьем в международной торговле. После Второй мировой войны глобализация возобновила свое развитие, благодаря технологическим достижениям и ликвидации торговых барьеров. С той поры роль международных организаций возросла, а концепция глобального общества стала популярной, несмотря на негативные последствия для некоторых стран, увеличившие экономическое неравенство и социальные проблемы. С конца XX в. глобализация вступила в новую фазу, характеризующуюся стремительным развитием информационных технологий, Интернетом и глобальными коммуникациями [1]. Эти изменения привели к созданию единого информационного пространства, где экономические, культурные и социальные процессы стали более взаимосвязанными [2; 3]. Корпорации получили возможность вести бизнес на международном уровне, что создало новые возможности для предпринимательства и инвестиций. Тем не менее, такая интеграция оказала и негативное влияние. Зависимость от глобальных рынков сделала экономики ряда стран уязвимыми к внешним шокам. Например, мировые финансовые кризисы, такие, как кризис 2008 г., продемонстрировали, как быстро могут распространяться проблемы между странами. Это породило волну антиглобалистских настроений, привело к росту национализма и протекционизма.

Современная глобализация сталкивается с новыми вызовами, включая климатические изменения, миграционные потоки и неравномерное распределение ресурсов. Страны все больше осознают необходимость совместных действий и устойчивого развития, чтобы справиться с этими общими проблемами, что, в свою очередь, может привести к переосмыслению самой концепции глобализации. Влияние глобализации на мировую экономику приводит к формированию единой

взаимосвязанной системы. В результате возникают крупные региональные зоны экономической интеграции, такие, как Европейский союз (ЕС). В рамках ЕС отсутствуют таможенные пошлины, что способствует свободному движению рабочей силы и капитала. Это, в свою очередь, стимулирует экономический рост входящих в объединение стран. Кроме того, глобализация проявляется в других аспектах. Например, существует система международного разделения труда, когда крупные компании переносят свои производства в страны с более низкой стоимостью рабочей силы. Это позволяет им снизить расходы, повысить конкурентоспособность, решить кадровые вопросы и создать новые рабочие места. В результате уровень бедности в этих странах снижается. Инвесторы также перемещают свой капитал по миру в поисках лучших экономических условий на глобальном рынке, а не стремятся сохранить свои средства только в своей стране.

В социальной сфере глобализация привела к увеличению темпов миграции. Люди переезжают из одной страны в другую в поисках лучшей жизни. Появилось понятие «экономического гражданства», которое предоставляется инвесторам. Некоторые предприниматели имеют двойное или даже тройное гражданство и ведут бизнес в нескольких странах одновременно.

В политической сфере государства отказываются от части своего суверенитета в пользу создания международных институтов и соответствующего правового регулирования. Например, Организация Объединённых Наций распространяет своё регулирование на многие аспекты жизни. Неформальные клубы, такие, как «Большая семёрка» и «Большая двадцатка», также пытаются решать глобальные проблемы.

В культурной сфере глобализация проявляется в росте международного делового общения, популяризации отдельных направлений и произведений искусства, а также в развитии международного туризма. Люди по всему миру смотрят голливудские фильмы, читают книги Джоан Роулинг, Астрид Линдгрен и Ф.М. Достоевского, слушают музыку П.И. Чайковского, Бетховена, Тейлор Свифт и Metallica, отдыхают в Турции, Египте и Таиланде.

Между тем, глобализация оказывает негативное воздействие на мировую экономику, вызывая рост безработицы, бедности и экологических проблем. Международные организации, такие, как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд, используют принципы глобализации в интересах нескольких, наиболее развитых стран, что наносит ущерб большинству государств мира.

Глобализация также приводит к снижению рождаемости и способствует ослаблению геополитических оппонентов. Она приводит к росту

спекулятивной экономики, монополизации производства и сбыта товаров, а также к перераспределению богатства в пользу узкой группы людей, известной как «мировой правящий класс».

В условиях современной глобализации наблюдаются следующие тенденции: увеличение разрыва в уровне доходов, состоянии здоровья и образования между странами «золотого миллиарда» и странами «третьего мира»; эксплуатация транснациональными корпорациями низкоквалифицированных работников; доминирование массовой культуры, которая подавляет свободное творчество и приводит к «стандартизации умов»; потребительское отношение к природе, попытки обойти экологические проблемы и перенос вредных производств в страны «третьего мира»; превращение стран «третьего мира» в сырьевые придатки «развитых стран».

В связи с замедлением экономического роста и снижением объёмов мировой торговли всё чаще говорят о процессе, который можно назвать деглобализацией или слоубализацией. Это означает замедление процессов глобализации [4; 5].

Всемирный экономический форум становится всё менее популярным: всё меньше стран участвуют в его работе. Это свидетельствует о снижении темпов глобализации. В настоящее время Россия активно участвует в процессе деглобализации, который характеризуется стремлением к снижению зависимости от международных экономических связей и развитию внутреннего производства.

Этот процесс усилился после начала Специальной военной операции, в результате чего были введены новые антироссийские санкции и ответные ограничительные меры. Деглобализация ограничивает возможности стран для экономического развития, особенно в условиях нехватки ресурсов и технологий. Это может негативно сказаться на качестве жизни людей. Однако участники процесса глобализации признают, что масштабы интеграции должны определяться с учётом особенностей каждой страны и её национальных интересов. Государства имеют право не жертвовать своим суверенитетом ради усиления экономических и политических связей [6; 7].

Важно, чтобы национальные производители, наука, рынок труда и экология не пострадали в результате глобализации. Испанский экономист Поль Антрас подчёркивает, что в условиях сокращения экономической интеграции будет сложнее решать глобальные проблемы, такие, как изменение климата и неравенство. Несмотря на замедление экономического роста и политические события, глобализация остаётся ведущей тенденцией развития геоэкономической модели мировой экономики.

ки. Вероятно, мир переживает новую волну глобализации, последствия которой ещё предстоит оценить.

Процесс глобализации в современном мире представляет собой сложное и многогранное явление, которое оказывает значительное воздействие на все сферы жизни людей. Основные характеристики глобализации включают в себя интеграцию экономических систем, культурный обмен, развитие технологий и информационных сетей, а также миграцию населения. Эти процессы способствуют формированию единого мирового рынка, стимулируют рост международной торговли и инвестиций, что, в свою очередь, способствует экономическому развитию стран. Однако, глобализация имеет и негативные последствия. Она может усиливать социальное неравенство, привести к утрате культурной самобытности и вызвать экологические проблемы. В результате, экономические выгоды от глобализации не всегда распределяются равномерно, что может приводить к социальным конфликтам и напряжённости.

Таким образом, глобализация мировой системы является одновременно движущей силой прогресса и источником новых вызовов для человечества. Для достижения устойчивого развития необходимо учитывать как положительные, так и отрицательные аспекты этого процесса, стремясь к созданию более справедливой и сбалансированной мировой системы.

Примечания

1. Сущенко М.А. Роль интернета в развитии гражданского общества России и КНР // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 2(33). – С. 504-506.
2. Турк С.Н. Модернизация института семьи в современном Египте: гендерный аспект // Кубанские исторические чтения: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 24 июня 2016 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2016. – С. 46-48.
3. Чикаева К.С. Институт семьи в современной России // Актуальные проблемы современного социокультурного пространства: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 26 октября 2018 г.). – Краснодар: РИО АГПУ, 2018. – С. 110-113.
4. Сущенко М.А. Китайская диаспора как субъект модернизации в КНР // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 2(50). – С. 102-106.
5. Shavlokhova E.S. Integration of the Ossetians into the administrative and legal sistem of Russia // European Journal of Science and Theology. – 2017. – Т. 13. – № 5. – С. 99-105.
6. Жабчик С.В., Хушт С.И. Влияние политики на молодежь // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 23. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2018. – С. 67-68.

7. Жабчик С.В. Государство как институт формирования политической культуры современной молодежи // Кубанские исторические чтения: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 26 июня 2015 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2015. – С. 138-141.

УДК 342.5/342.728

ФАРОИ Т.В.
Россия, г. Сочи

Судебная система Российской Федерации в 2024 г.: итоги и перспективы

Автор статьи рассмотрела воздействие на судебную систему Российской Федерации создания экстерриториальных кассационных и апелляционных судов, 5-летие которого судебное сообщество отметило в 2024 г. Это знаменовало завершение российской судебной реформы и переход к эволюционному развитию. В статье показаны итоги функционирования судебной системы РФ в 2024 г. Отмечена эффективная работа российских судов по осуществлению гражданского, уголовного, арбитражного и административного судопроизводства. Раскрыты основные тенденции развития судебной системы РФ.

Ключевые слова: Российская Федерация, судебная система, кассационный суд, апелляционный суд, суд общей юрисдикции, арбитражный суд, суд присяжных, судопроизводство.

Faroi T.V.,
Russia, Sochi

The judicial system of Russian Federation in 2024: results and prospects

Author of article considered the impact on the judicial system of Russian Federation of the creation of extraterritorial cassation and appeal courts, the 5th anniversary of which was celebrated by the judicial community in 2024. This marked the completion of Russian judicial reform and the transition to an evolutionary development. Article shows the results of the functioning of the judicial system of Russian Federation in 2024. The effective work of Russian courts in carrying out civil, criminal, arbitration and administrative proceedings was noted. The main trends in the development of the judicial system of Russian Federation are revealed.

Keywords: Russian Federation, judicial system, court of Cassation, court of appeal, court of general jurisdiction, arbitration court, jury trial, judicial proceedings.

В предлагаемой статье поставлена задача рассмотреть итоги работы судебной системы Российской Федерации в 2024 г. в контексте общей ситуации в ней, сложившейся за последние годы. Таковая характе-

ризуется переходом от радикальной судебной реформы, завершившейся в 2019 г., к эволюционному развитию, в процессе которого решаются частные проблемы по мере их возникновения, накопления предпосылок для решения, а также осознания обществом его необходимости.

В начале октября 2024 г. в Москве состоялось совещание судей, возвратившее судейское сообщество к событиям 2019 г. Оно было посвящено 5-летию кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции. С 1 октября 2019 г. в РФ на основании Федерального конституционного закона от 29.07.2018 № 1-ФКЗ (Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции») начали действовать девять отдельных кассационных судов, пять апелляционных судов общей юрисдикции, апелляционный и кассационный военные суды. Это событие многие считают «процессуальной революцией» и высшим достижением судебной реформы, начатой тогдашним председателем Верховного Суда (ВС) РФ В.М. Лебедевым (1943-2024). Данной реформы судьи, адвокаты и рядовые граждане ждали долго, поскольку концепция создания судов общей юрисдикции, не связанных с административно-территориальным делением государства, обсуждалась и развивалась еще с 1991 г. [1]

Экстерриториальный принцип позволил судебной системе укрепить свою независимость и исключить фактор воздействия на направление правосудия со стороны региональных групп влияния, заявил глава Совета судей РФ В.В. Момотов: «Проведенная пять лет назад реформа позволила сделать большой шаг в совершенствовании отечественной судебной системы, оказав решающее значение для поддержания принципа правовой определенности. Новые суды были образованы по экстерриториальному принципу, в соответствии с которым, граница судебных округов не совпадает с административно-территориальным делением. Экстерриториальный принцип существенно ограничивает возможность влияния региональных должностных лиц и других заинтересованных групп на направление правосудия, вследствие чего обеспечивается более высокий уровень независимости судебных органов. Основными критериями формирования судебных округов стали доступность правосудия и уровень нагрузки» [2]. В.В. Момотов отметил, что реформа позволила соблюсти принцип «один суд – одна инстанция», отстаиваемый Верховным судом РФ. Он также констатировал, что реформа показала высокую экономическую эффективность, а суды справились с «непростыми временами» пандемии. Сплошная кассация

позволила повысить качество принимаемых судебных решений, поскольку рассматриваются все полученные жалобы на вступившие в силу судебные решения [2].

«Процессуальная революция» сопровождалась принятием поправок в Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Уголовно-процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства, что привело к унификации процессуального законодательства. Данная реформа стала уникальной и в том отношении, что вызвала почти исключительно положительные отзывы среди российских юристов. Ождалось, что она добавит к открытости и доступности судов, уровень которых уже к 2019 г. в России был выше, чем в Европе, гарантию их независимости. Многие отечественные юристы давно ждали перенаправления кассационной инстанции в другой регион, поскольку зачастую между судьями различных инстанций возникают профессиональные неформальные связи, они могут перерастать в дружеские, либо враждебные отношения. Сама возможность подобных ситуаций снижала уровень доверия к судебной системе. Организованная В.М. Лебедевым реформа привела к оптимальному решению этой задачи. Судейский корпус новых судов ныне составляют судьи из самых разных регионов. Так, во Втором кассационном суде общей юрисдикции (КСОЮ) представлены судьи из 38 субъектов РФ, сопоставимые значения и в других новообразованных судах (например, в Четвертом КСОЮ – из 30 регионов) [1].

Профессиональный и интеллектуальный уровень судей новых судов оправдал ожидания В.М. Лебедева. По его мнению, «кассационные и апелляционные суды должны формироваться из наиболее квалифицированных судей, способных выявлять и устранять судебные ошибки». Апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции сегодня характеризуются высоким качественным уровнем судей. Например, 29 судей (т.е. примерно четверть состава) Второго кассационного суда имеет ученую степень кандидата или доктора юридических наук. В первом полугодии 2024 г. Коллегия по уголовным делам ВС РФ рассмотрела 37 дел в отношении 55 лиц в апелляционной инстанции и 12 285 жалоб и представлений в кассационном порядке. Это на 21% и 24%, соответственно, меньше по сравнению с 2023 г. и на 42% (в части кассационного обжалования) меньше, чем в 2022 г. Количество поданных кассационных жалоб и рассмотренных споров растет, в среднем, на 5-10% в год, что свидетельствует о доверии к новым судам. Так, в Четвертом КСОЮ количество кассационных жалоб выросло с 55 334 в 2020 г. до 67 432 в 2022 г. [1]

К настоящему времени кассация стала единственным средством выявления и исправления судебных ошибок. Показательно, что снижение обжалований решений кассационных судов, в сочетании с ростом обращений в них, сопровождается увеличением доли удовлетворения кассационных жалоб. Это происходит на протяжении всего времени функционирования кассационных судов. Согласно данным статистики Судебной коллегии по гражданским делам ВС, чаще всего отменяются апелляционные определения (рост с 43,63% в 2021 г. до 46,59% в 2023 г.), а также решения судов первой инстанции (рост с 30,48% в 2021 г. до 32,56% в 2023 г.). Кассационные определения отменяются существенно реже, снижается и число отмен – с 8,94% от общего количества отмен в 2021 г. до 6,67% в 2023 г. Как следствие, ныне большинство юристов возлагают надежды именно на суд кассационной инстанции [1].

20-21 февраля 2025 г. в Верховном Суде Российской Федерации проходило совещание судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов РФ, посвященное итогам работы российской судебной системы в 2024 г. и задачам на 2025 г. [3]

Как сообщил заместитель Председателя Верховного суда РФ, председатель Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ Юрий Иваненко, в 2024 г. суды общей юрисдикции рассмотрели в рамках административного судопроизводства 4 млн. 800 тыс. дел, из которых окончено с вынесением судебного приказа 3 млн. 800 тыс., с вынесением судебного решения – 897 тыс. дел. Судьями судов общей юрисдикции и мировыми судьями в 2024 г. рассмотрено почти 6 млн. дел об административных правонарушениях. Наибольшее их число рассмотрено по нормам главы 15 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней. Однако число таких дел снизилось на 13% по сравнению с 2023 г. В статистике административных дел о нарушении правил дорожного движения также наблюдается тенденция к снижению. В 2025 г. ВС РФ продолжал работу над совершенствованием правоприменения и уточнением правовых позиций в рамках административного судопроизводства. Как отметил заместитель Председателя Верховного Суда России Ю.Г. Иваненко, Верховный суд РФ приступил к разработке проекта постановления Пленума ВС РФ о разграничении полномочий судов по рассмотрению дел в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Принятие разрабатываемого проекта позволит корректно определять подсудность

конкретным судам дел, различных по видам судопроизводства и категориям [4].

«В уголовном и уголовно-процессуальном судопроизводстве будет продолжен курс ВС РФ на гуманизацию законодательства и правоприменительной практики», – отметил в своем выступлении заместитель Председателя Верховного суда РФ – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ В.А. Давыдов. Он заявил, что в 2024 г. для рассмотрения по существу в суд первой инстанции поступило 651 тыс. дел, окончено производство по 670 тыс. дел в отношении 679 тыс. лиц, что на 9,3% меньше, чем в 2023 г. Только 153 тыс. от общего числа лиц были осуждены к реальному лишению свободы. Таким образом, альтернативные меры наказания, не влекущие лишение свободы, были применены более, чем к 70% осужденных. Снижение числа людей, осужденных к реальному лишению свободы, происходит на фоне общего снижения числа уголовных дел, поступающих в суды. «За последние десять лет общее количество дел, поступающих и рассматриваемых судами, сократилось на одну треть при таком же штатном и фактическом количестве судей. С учетом этого представляется, что мы вправе рассчитывать на повышение качества рассмотрения дел и сокращения сроков их рассмотрения», – отметил В.А. Давыдов [4]. Он подчеркнул, что будет продолжена работа по либерализации уголовного законодательства и практики, широкому использованию гуманных правовых институтов, предусмотренных действующим законодательством, а также по укреплению единообразия практики назначения наказания [3].

Ю.Г. Иваненко констатировал, что система арбитражных судов, в целом, эффективно справляется с современными задачами, адаптируясь к экономическим и геополитическим переменам, несмотря на постоянное обновление законодательства и высокую судебную нагрузку. По его словам, общее число обращений в арбитражные суды в минувшем году увеличилось незначительно, однако структура этих обращений вызывает обеспокоенность. В 2024 г. арбитражными судами рассмотрено 358 тыс. дел о банкротстве физических лиц, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, что составило 88% от общего количества рассмотренных дел о несостоятельности (банкротстве) [4].

В рамках гражданского судопроизводства по существу с вынесением решения в 2024 г. рассмотрено более 28 млн. дел. Кассационными судами рассмотрено более 202 тыс. гражданских дел. В рамках работы кассационных судов общей юрисдикции по гражданскому производству наибольшее количество обращений рассмотрено Первым кассаци-

онным судом общей юрисдикции – 34 241 жалоб и представлений, 32 876 дел [4].

В 2024 г. в судебной практике рассмотрения уголовных дел с участием присяжных преобладали тенденции, характерные для предшествующих лет. Согласно данным Судебного департамента при ВС РФ, за первую половину 2024 г. поступили для рассмотрения в суде присяжных 319 дел, а 625 дел оставались не рассмотренными с 2023 г. Таким образом, в первой половине 2024 г. судами РФ с участием присяжных заседателей рассматривались 944 уголовных дела. При этом 78 дел – повторно, ввиду высокого уровня отмены судами апелляционной и кассационной инстанций приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных. С учетом этих данных можно заключить, что за 2024 г. суды присяжных рассмотрели около 2000 уголовных дел. Не произошло существенных перемен и в результатах рассмотрения судами присяжных уголовных дел. Из общего числа лиц, в отношении которых судами вынесены приговоры (596 подсудимых), 149 подсудимых (25%) оправданы, 447 (75%) – осуждены. Количество оправданий в суде присяжных (20-25%) остается стабильным на протяжении последних лет [5].

Примечательно, что в первой половине 2024 г. по двум уголовным делам председательствующие воспользовались полномочием, предусмотренным ч. 5 ст. 348 УПК РФ, и распустили коллегии присяжных, не согласившись с обвинительным вердиктом. Причина вынесения подобных решений состоит не в «оправдательном настрое» председательствующих, а в вынесении присяжными так называемых парадоксальных вердиктов, когда коллегия выносит обвинительный вердикт, но исключает при этом доказанность определенных обстоятельств, что влечет необходимость либо оправдания подсудимого, в связи с отсутствием состава преступления, либо радикальной переквалификации деяния. Роспуск коллегии присяжных в рассматриваемой ситуации предотвращает подобный вердикт и исключает необходимость вынесения судьей приговора на его основании [5].

Стабильно высоким в последние годы остается процент отмены оправдательных приговоров, вынесенных на основании вердиктов присяжных. Так, за первое полугодие 2024 г. отменены 49 обвинительных приговоров и 105 оправдательных (приблизительно каждый пятый). За первое полугодие 2024 г. в кассационном порядке обжаловано 195 вступивших в силу приговоров, вынесенных судом присяжных. Из них отменены семь обвинительных приговоров, семь приговоров изменены со смягчением назначенного наказания. За этот же период судами кассационной инстанции отменено два оправдательных приговора [5].

В 2024 г. участились случаи изменения территориальной подсудности дела, подлежащего рассмотрению судом присяжных, по ходатайству стороны обвинения. Нормативным основанием для изменения подсудности служило положение подп. «в» п. 2 ч. 1 ст. 35 УПК, позволяющее принять такое решение при наличии обстоятельств, способных поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу. Например, наличие у обвиняемого или потерпевшего широкого круга знакомых среди жителей района позволяло суду сделать вывод о наличии у указанных лиц механизмов влияния на общественное мнение и о том, что эти обстоятельства могут поставить под сомнение объективность и беспристрастность суда при принятии решения по делу. Наблюдались случаи изменения территориальной подсудности дела и после отмены оправдательного приговора [5].

Упомянутому выше совещанию в Верховном Суде Российской Федерации от 20-21 февраля 2025 г. предшествовало пленарное заседание Совета судей РФ, проходившее в Москве 3-5 декабря 2024 г. На нем были подведены еще не полные итоги работы судебной системы РФ в 2024 г. [6] На данном мероприятии председатель Совета судей Российской Федерации В.В. Момотов сделал ряд важных заявлений. В частности, он сообщил, что комиссия по совершенствованию законодательства Совета судей РФ в 2024 г. приняла участие в работе по приведению законодательства исторических территорий в соответствие с требованиями российского законодательства. Комиссия изучила ряд проектов законов и подзаконных актов, разработанных в новых субъектах РФ (о представителях общественности в квалификационных коллегиях, о мировых судьях и т.д.), и подготовила замечания и предложения для устранения коллизий с федеральным законодательством и других недостатков. Кроме того, были разработаны проекты четырёх федеральных законов, направленных на совершенствование социального обеспечения судей в отставке, которые постоянно проживали на территории новых субъектов РФ по состоянию на 30 сентября 2022 г. или выехали за пределы данной территории в РФ [7].

В.В. Момотов также отметил, что одним из ключевых направлений деятельности Совета судей РФ, по-прежнему, остается цифровизация судебной системы, внедрение современных информационных технологий, развитие ГАС «Правосудие». Комиссия по информатизации и автоматизации работы судов совместно с Судебным департаментом продолжает работу по решению этих задач, уделяя первостепенное внимание вопросам обновления и модернизации технической базы судов. Проводится обобщение положительного опыта регионов в сфере информатизации и автоматизации с целью его возможного использова-

ния по всей стране. Текущие проблемы с доступом к сайтам судов и сервисам электронного правосудия в очередной раз продемонстрировали необходимость повышения кибербезопасности Интернет-ресурсов судебной системы. Вопросы укрепления защиты от различных внешних угроз, включая кибератаки, должны стать приоритетной задачей для Совета судей РФ и Судебного департамента и находиться на постоянном контроле [7].

Приведенные в статье факты, оценки и обобщения, позволяют сделать ряд выводов. В жизни судебной системы Российской Федерации теперь нет ярких событий, подобных тому, которое произошло осенью 2019 г. Однако идет планомерная деятельность, сопровождаемая частными улучшениями. Успешно функционируют экстерриториальные кассационные и апелляционные суды, завоевавшие высокий авторитет в обществе. Продолжается реализация курса на гуманизацию правоприменительной практики по уголовным делам. Институт суда присяжных демонстрирует свою устойчивость. Хотя он охватывает небольшую долю уголовных дел, но доля эта не снижается. Продолжается процесс унификации процесса в судах различного профиля. Последовательно реализуется программа цифровизации судебной деятельности.

Примечания

1. *Варламов Е.* “Процессуальная революция”: итоги первой пятилетки. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20241001/310282591.html.
2. *Бурнов В.* С появлением прямой кассации судебная система утвердила независимость – Момотов. РАПСИ. Новости. 01.10.2024. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20241001/310284589.html.
3. Совещание судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов РФ: итоги работы российской судебной системы в 2024 году и задачи на 2025 год. URL: <https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/c55b0uf6g1-soveschanie-sudei-sudov-obschei-yurisdik>.
4. *Питалев И.* Итоги работы судов и задачи в будущем году. 24.02.2025. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250224/310655717.html.
5. *Насонов С.* Суд присяжных: итоги 2024 года и прогноз на 2025-й. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2024-goda-i-prognoz-na-2025-y/>.
6. Судейское сообщество подводит итоги 2024 года. 03.12.2024. URL: <https://zhurnalsudya.ru/news/tpost/bkbnp5rn1-sudeiskoe-soobschestvo-podvodit-itogi-20>.
7. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 3 декабря 2024 года. 03.12.2024. URL: <https://ssrf.ru/news/vystupleniia-interv-iu-publika-tsii/55145>.

Секция VI «История русской и мировой культуры»

УДК 903'1/903.532

КОСОЛАПОВ В.В.
Россия, г. Геленджик

Причины появления мегалитов в Европе

В статье изучено появление мегалитов в Западной Европы и дольменов Западного Кавказа, которые посвящались Великой Богине. По мнению автора статьи, индоарии и предки русов называли ее Кали, другие народы Евразии адаптировали этот теоним созвучно. В статье изучен погребальный комплекс в культе Великой Богини, сложившийся уже в культуре Лепенски Вир 6500 лет до н.э. Автор считает, что позднее, по мере развития земледелия, скотоводства и ремесел в различных частях Европы появились подобные погребальные комплексы из мегалитов. В статье сделан вывод, что мегалитические культуры закончились под влиянием внешних и внутренних причин. Это произошло из-за перехода от матриархата к патриархату и обращения к мужским божествам.

Ключевые слова: культура, мегалит, дольмен, Западная Европа, Западный Кавказ, Великая Богиня, Кали, индоарии, русы, Лепенски Вир.

**Kosolapov V.V.,
Russia, Gelendzhik**

Reasons for the appearance of megaliths in Europe

Article examines the appearance of megaliths in Western Europe and dolmens of the Western Caucasus, which were dedicated to Great Goddess. According to the author of the article, the Indo-Aryans and the ancestors of Rus called her Kali, other peoples of Eurasia adapted this theonym consonantly. Article examines the burial complex in the cult of Great Goddess, which had already developed in Lepenski Vir culture 6500 years BC. Author believes, that later, as agriculture, cattle breeding and handicrafts developed, similar burial complexes made of megaliths appeared in various parts of Europe. Article concludes that megalithic cultures ended under the influence of external and internal causes. This happened due to the transition from matriarchy to patriarchy and the appeal to male deities.

Keywords: culture, megalith, dolmen, Western Europe, Western Caucasus, Great Goddess, Kali, Indo-Aryans, Rus, Lepenski Vir.

Понятие мегалит придумали в Европе. Оно переводится с греческого языка, как «большой камень». Камень любого размера использовался и продолжает использоваться для сооружения погребальных кон-

структур. Сооружения из мегалитов вызывали и вызывают удивление и недоумение у обычных людей, не понимающих, каким образом их обрабатывали, доставляли и устанавливали. Ведь многие из мегалитов весили даже не тонны, а десятки и более сотни тонн! А всего только в Западной Европе, в основном, вблизи морей их было построено более 30000 в течение 2000 лет!

По верованиям древних людей, душа приходит с неба в этот мир с каплями дождя, а уходит с текущим потоком на запад. Западная оконечность суши, оканчивающаяся морем – это начало пути души умершего на небо. Аналогия с ежедневным началом движения солнца на востоке и его закатом («смертью») на западе. По небу душа добирается до точки над местом ее ухода в мир иной и ждет новое воплощение. Так и солнце начинает каждый свой новый путь по небосклону для наблюдателя в его родном месте. Расположение мегалитов на западных сторонах суши характерно для мегалитических культур Западной Европы, Западного Кавказа и Ближнего Востока. Позже здесь утвердились авраамические религии. Для Африки, по-видимому, стороной смерти является север. Там много мегалитов. А Дальний Восток (Корея и Китай) и восточная оконечность Болгарии и Турции на Черном море встречают души при их реинкарнации.

Возникает, вполне естественно, вопрос: «Почему древние европейцы стали тратить свое время миллионами часов на строительство мегалитических сооружений?». Ответ на него позволит многое объяснить.

Экономика как наука появилась по историческим меркам совсем недавно. Но ее объективные законы действовали и в древности. Кто кормил древних европейцев во время их длительных работ по сооружению мегалитов? Как и на Ближнем Востоке во время их строительства своих пирамид и зиккуратов? Только развитые технологии выращивания зерна. Мегалитические культуры Западной Европы появились 6700 лет назад. А земледелие за 2000 лет до этого начало утверждаться на юге Средиземноморского региона, продвигаясь постепенно на север. Первые мегалиты появились во французской Бретани, потом в том же тысячелетии на островах Средиземного моря и Иберийском полуострове, в Великобритании и Ирландии. В IV тыс. до н.э. мегалиты появились в Нидерландах, Дании, Германии и Швеции. Причем Мария Гимбутас подчеркивает независимое возникновение мегалитов во всех европейских центрах [1, с. 151].

М. Гимбутас связывает строительство мегалитов Европы с культом Великой Богини-Матери, образы которой сложились еще в нижнем палеолите. 40-35 тыс. лет назад в Северной Евразии от Ла-Манша и до

Байкала появились женские статуэтки с тучными формами, пещерные рисунки, в сюжетах которых женщины играли ведущие роли, и другие аналогичные артефакты [1, с. 243].

Поклонение Великой Богине подразумевало в ответ ее защиту людей от опасных природных явлений. Ее жрецы и адепты по знамениям природы, поведению птиц, животных и отмеченных божеством людей пытались понять, за что они были наказаны, как искупить свою вину и как правильно вести обычную жизнь. Все это развивало у людей абстрактное мышление. Абстракция сформировала глифы, пиктограммы, символы, идеограммы, наносимые на камни и другие твердые предметы, а также особые имена богини, ее ключевые характеристики, ей посвященные предметы и живые существа. В скульптуре образ божества выражался антропоморфно, зооморфно, орнитоморфно, комбинацией из частей человека и животных, и даже сводился к отображению только ключевых органов человека.

В течение длительного периода на всем пространстве Евразии сложился весь комплекс поклонения этой богине, включая святилища, формы ее отображения, ритуалы, символы, мифы и сказания. Возможно, что для проведения культовых мероприятий имелись также языковые наработки. Для создания своих культовых мест в то время люди пользовались необработанными камнями, скалами, пещерами, водными объектами и старыми деревьями. Причем это повторялось позднее многими другими народами. Жрецы культа богини вели наблюдения за светилами и природой, о чем говорит ориентация мегалитов в пространстве. Следовательно, у древних неолитических строителей мегалитов «теории» хватало.

Самым ранним примером реализации «теории» на практике служит погребальный комплекс культуры Лепенски Вир (6500 лет до н.э.) в Сербии. Он расположен на Дунае возле Железных Ворот [1, с. 310-312]. Полуподземные святилища в форме усеченного треугольника (трапеция) имели в центре выложенный из камней прямоугольный алтарь, окруженный плоскими камнями треугольной формы, поставленными на острие. Форма святилища и треугольные камни символически выражают женский лобковый треугольник. Под алтарем обнаружили человеческие останки, которые чаще всего были эксекарнированы путем выставления мертвых тел птицам. За алтарем имелись камни яйцевидной формы и скульптуры богини. Они были изображениями всех трех ипостасей богини смерти-возрождения: женщины, рыбы и хищной птицы. Регенерационная символика была также представлена спиралью, лабиринтами, рыбами, яйцами, сетями, красной охрой. В алтаре нашли кости рыб и маралов, связанных с ипостасью возрождения, а также со-

бак и кабанов, сопровождавших богиню смерти. К алтарю вел коридор из плит. В первой половине VI тыс. до н.э. в этом же регионе в культурах винча и тиса получило широкое распространение «письмо» сакральными знаками.

План погребального комплекса Лепенски Вир совпадает с планом будущей коридорной гробницы Западной Европы и дольмена Западного Кавказа в наброске или кургане. Через две тысячи лет в Западной Европе будет развитое производство зерна и подобные гробницы и знаки, посвященные Великой Богине, создадут из мегалитов. А на Кавказе это произойдет еще позднее.

Само население Лепенски Вир проживало здесь постоянно с XI тыс. до н.э., а по соседству на другом берегу Дуная – с XII тысячелетия. На момент создания погребального комплекса у местного населения не было земледелия, а только охота и рыболовство. Таким образом, еще до неолита на Балканах были созданы основная символика и все образы Великой Богини, которые были усвоены, перенесены и воспроизведены в неолитических культурах Европы.

По мере распространения и развития земледелия и разведения крупнорогатого скота росло древнее население. Развивались ремесла, обработка камня, древесины, строительство жилья, плавательных средств и канав, как для полива, так и для защиты от диких животных. Через тысячу и более лет оседлой жизни у древних людей появились технологии для построения мегалитических сооружений, перевозки тяжелых камней, а также большое количество рабочих и запасы продуктов для обеспечения их питанием в течение длительного периода.

М. Гимбутас отмечает: «Организующим элементом древнеевропейского сообщества была теократическая храмовая община и, что в рамках религиозной жизни статус женщины был очень высок». Мегалитическое сооружение выполняло роль храма. И это общество возглавлялось Великой Матерью рода [1, с. 384].

А, учитывая огромные объемы выполненных работ по реализации некоторых объектов, можно говорить об объединении родов в племена и о зачатках теократических псевдогосударств в некоторых частях Европы. Главой племени являлась Великая Мать племени, а главный жрец племени – ее главным советником. Жрецы руководили проведением культовых ритуалов, осуществляли астрономические наблюдения, разрабатывали проекты мегалитов, рассчитывали для них необходимые ресурсы и контролировали их строительство.

Возле мегалитического храма проходили главные события в жизни теократического псевдогосударства. Его размеры и оформление свидетельствовали о величии Великой Богини и данного объединения, как

для самих членов, так и для их соседей. Так было в строительстве храмов всегда и везде. В современное время негласное соревнование между государствами продолжилось в строительстве грандиозных зданий, мостов и т.д.

Векторы переноса атрибутики Великой Богини с Балкан вместе с земледелием смещались не только на северо-запад, но и на северо-восток, куда путь был более долгим. Дольмены Западного Кавказа соорудили позднее западноевропейских, во второй четверти III тыс. до н.э., когда здесь уже имелось развитое производство зерновых культур.

Более древние дольменообразные гробницы на Западном Кавказе возникли во время майкопско-новосвободненской культурной общности (3900-2900 лет до н.э.). Она сформировалась при участии мигрантов с убейдо-урукскими традициями с территории Северной Месопотамии, Сирии и Восточной Анатолии. Мегалитические сооружения: башенные гробницы (VI тыс. до н.э.), кайрны, дольмены с камерой различной формы с красочными рисунками и резьбой были уже широко известны в Ливане, Сирии, Иордании и в других регионах уже с начала IV тыс. до н.э. [2]

Новосвободненской и дольменной культурам на Западном Кавказе предшествовала земледельческо-скотоводческая культура накольчатой жемчужной керамики (НЖК) 4500-3000 лет до н.э., оказавшая на них заметное влияние [3]. Ее ареал включает Краснодарский и Ставропольский края, республики Адыгею, Абхазию и Карачаево-Черкесию, где после ее успешного развития через 1000 лет началось строительство новосвободненских каменных гробниц, а через 2000 лет – дольменов. Происхождение культуры НЖК связывают с раннеэнеолитической среднестоговской культурой, генетический код одного из носителей которой содержит примесь охотников-собирателей дунайских Железных Ворот [4].

За это время идеи и способы выражения культа Великой Богини претерпели изменения. Так, на Западном Кавказе был свой каменный ассортимент. Поэтому дольменная культура имела свой кавказский стиль.

В отличие от Европы, среди кавказских мегалитов очень мало менгиров, кромлехов и хенджей с валами и рвами. Плиточные дольмены и мегалитические гробницы (в дальнейшем – гробницы), построенные из плоских плит, составляют здесь большинство построек. Они сложены без раствора из 4 вертикальных плит и накрыты пятой сверху. Боковые плиты имеют неглубокие пазы, в которые вставлены передняя и задняя плиты. Все стыки плит так обработаны, что нельзя просунуть между ними даже лезвие ножа. В передней плите у них небольшое от-

верстие различной формы, которое закрывалось тщательно подогнанной пробкой-втулкой (плитой в гробницах).

Еще встречается редкий тип дольмена, округлый в плане, сложенный из больших каменных блоков или плит – сегментов круга, иногда с добавлением камней прямоугольной формы. Форма такого дольмена – усеченный конус.

Чаще всего дольмены строились по берегам ручьев и рек и обращались к ним своим фасадом. На горных хребтах они направлялись на «ярое солнце» – от восхода и до полудня.

Плиточные дольмены располагаются целиком в небольших насыпях или только по крышу, на насыпях, открыто на земле. Есть несколько дольменов под большими курганами, к которым ведут длинные коридоры (гробницы только в курганах и без коридоров).

Более древние по времени их строительства дольмены отличаются высоким качеством подбора камней и обработки поверхности, тщательной подгонкой плит. В дальнейшем уменьшаются размеры дольменов, а качество обработки их поверхностей ухудшается. Вместо целых плит в некоторых случаях использовали несколько более мелких кусков, так называемые составные дольмены. Это свидетельствует о постепенном угасании культуры.

Использовалась также технология изготовления дольменов внутри крупных камней. Особенно много их было создано в Сочинском и в Туапсинском районах, где такие камни встречаются в изобилии. В камнях вырабатывались камеры дольмена с круглым отверстием, которые накрывались плоской плитой-крышой. Особняком стоят дольмены, построенные целиком в огромном камне через небольшое фасадное отверстие.

Кроме того, вблизи кавказских дольменов нашли яйцевидные камни и каменные ванны. Возможно, последние использовались для обряда инициации новых adeptов. Возле группы дольменов в Широкой Щели в г. Геленджике была обнаружена каменная маска человеческого лица высотой около 60 см. Каменные скульптуры голов и маски известны и в других районах Западного Кавказа, где имеются дольмены.

Внешняя похожесть новосвободненских гробниц на плиточные дольмены дольменной культуры не позволила их объединить в одну культуру из-за различного возраста их сооружения и несовпадения сопровождающих артефактов. Кроме того, видно, что они имеют разное происхождение. Первые – ближневосточное, вторые – балканское.

Использование хорошо подогнанных плит из осадочных пород в мегалитах Западного Кавказа обусловлено их средней твердостью и обилием по обеим сторонам Кавказского хребта. Еще во время НЖК

широко использовалась сухая кладка при строительстве защитных стен, а могилы обкладывали и перекрывали камнями. Имеющиеся технологии обработки природных камней были использованы и усовершенствованы при сооружении гробниц, а позднее и дольменов.

Еще одним отличием является их использование. Во всех ново-свободненских гробницах обнаружили одиночные или групповые захоронения. Для дольменной культуры это не было регулярным. Ряд авторов даже признают, что дольмены строились как святилища [5; 6]. И строительство таких дольменов (2600-1500 лет до н.э.) связывают с пребыванием на Западном Кавказе ариев гаплогруппы R1a с субкладом Z93, образовавшимся около 4900 лет назад на Русской равнине [6].

После пребывания на Кавказе они основали 3650 лет назад государство Митанни в Северной Месопотамии. Митаннийские цари носили индоиранские имена, использовали митаннийский арийский язык, клялись арийскими богами. У современных жителей Восточной Анатолии, Сирии, Саудовской Аравии, стран Персидского залива гаплогруппа R1a встречается от 5 до 10% [7]. После ухода ариев с Западного Кавказа 3500 лет назад появились дольмены в Восточной Анатолии и Индии.

И если сравнивать мегалиты Западной Европы с дольменами Западного Кавказа, то можно отметить много отличий в их архитектуре, символике, технологиях и способах построения групп мегалитов. Тем не менее, между ними есть много общего. И там, и здесь мегалиты посвящались Великой Богине-Матери. Они часто направлялись на восход солнца в день зимнего солнцестояния и направления, связанные с другими астрономическими событиями.

Пребывание ариев на берегах Черного и Азовского морей подтверждается множеством топонимов. Теоним индийской богини смерти и судьбы Кали отражен во многих топонимах Крыма, Приазовья и Чёрноморского побережья Кавказа [8].

На фасадах 4-х дольменов, направленных на юг, возле Геленджика и 2-х несохранившихся возле Джубги было выполнено П-образное рельефное изображение ворот во всю плиту. Этот символ вместе с отверстием является одной четвертой частью арийской свастики и условно означает «наш мир». После смерти человека ворота поворачиваются по часовой стрелке на 90 градусов и размыкаются на запад. 40 дней душа ждет оценки ее земных деяний. В случае положительного исхода ворота поворачиваются еще раз в том же направлении на 90 градусов, а душа попадает на небо. Там она ждет свою новую реинкарнацию на Земле. После еще одного поворота ворота размыкаются на восток, и душа попадает в новый эмбрион, а через 40 недель вместе с новым поворотом

рождается новый человек. Таким образом, колесо сансары сделало целый поворот. Свастика – символ жизни, плодородия и процветания. Богиня Кали была тогда богиней рождения, смерти и судьбы. Эти 6 дольменов являлись алтарями-адитумами посвященных ей храмов. Другие дольмены могли посвящаться другим богам.

Внутри центрального плиточного дольмена на р. Жане в г. Геленджике по задней стене идет широкий зигзаг, символизирующий змея, инициатора женщин. По остальным трем стенам сюжет продолжается в виде треугольников углом вниз (символ женского лона). Змей, проходя через лоно, осуществляет воплощение души в теле одного из членов племени. Змей, кусающий себя за хвост, уроборос – древнейший символ. Он обозначает цикличность природы жизни: чередование созиания и разрушения, жизни и смерти, постоянного перерождения и гибели. Это аналог свастики. Племя существует, пока перевоплощаются души его членов.

Змей и шеврон из треугольников можно встретить еще на одном дольмене – Лунном на г. Нексис. В Лепенски Вир этот же сюжет с уроборосом был реализован в виде кромлеха из вертикальных каменных треугольников, поставленных углом вниз, вокруг алтаря.

Комплекс из 3-х дольменов на р. Жане – это лунная троица. Каменная наброска вместе с площадкой вокруг центрального плиточного дольмена образует в плане круг, символизирующий полную луну. С обеих сторон от нее два дольмена в форме усеченного конуса представляют собой старый и молодой месяцы. Для того, чтобы появилось новое, необходимо разрушить старое. Старый месяц – дряхление и смерть, полная луна – жизнь, молодой месяц – рождение и возмужание. Четвертое состояние луны – новолуние означает ожидание для души нового рождения в физическом теле. Луна – главное светило в культе Кали и матриархате.

У древних предков русов тоже была богиня Кали. Об этом свидетельствует наличие следующих слов: калина (калино дерево), калинов мост (мост между царствами живых и мертвых), калить (окунание в купель в обряде посвящения в куль Кали) [9]. В русских былинах также произошла замена богини Кали на эпического Калин-царя (Галин). Генетически индоарии и предки русов очень близки. Но теоним Кали был известен и многим другим народам Евразии.

Cailleach (ирл. ['kal̪eɪx], шотл. ['kałəx]) кельтская богиня-мать – творец мира, богиня неба и, возможно, божество предков человечества. В германо-скандинавской мифологии Хель (др.-сканд. Hel) – повелительница подземного мира мертвых Хельхейма, а Халл – Вальхáллы,

также Вальгáллы (др.-исл. Valhöll, прагерм. Walhall) – небесного рая для павших героев. Ср. также англ. hell, нем. Hölle – ад.

Часто в древности после смены религии прежних богов делали врагами людей. В греческой мифологии Gello, также Gyllou, Gylou – женский демон или привидение, которое угрожает репродуктивному циклу, вызывая бесплодие, непосредственный аборт и детскую смертность. Еще один пример «сбрасывания с пьедестала» прежних богов, в данном случае Кали, – продемонстрирован в английском языке. Golly, amer. |'ga:li|, брит. |'gɔli| – эвфемизм слова ‘бог’; междометие: чёрт возьми!; ну и ну! Bugolly – ей-богу, право!

У народов Кавказа, живущих возле дольменов, воспоминания о богине-матери сохранились в именах мужских богов плодородия. Это осетинский Галагон – бог ветра, дождя, плодородия и Тхагаледж – бог плодородия адыгов. У кабардинцев в названии насекомого божья коровка ‘тхъэгъэлэдж’ сохранилось воспоминание о его первоначальном женском начале и тотеме богини Кали. Тхъэ-Тха – это бог.

Турецкое ‘гелин’, казахское ‘келин’ «невестка» покупается за калын (калым). Интересно, что название богини Кали для мужчин звучит как ‘калима’.

Все приведенные выше примеры богинь: Гелин-Келин-Кали-Калэкс-Хель-Халл-Гелло-Гали сохранились в очень далеких друг от друга странах и не у самых близких народов. Совпадения в их названиях говорит об очень широком распространении культа богини-матери Кали в древности [10].

В культе поклонения Великой Богине на памятниках Западной Европы найдено 30 базовых знаков и 210 знаков, составленных из этих простых [1, с. 339]. На дольменах Западного Кавказа символов гораздо меньше: зигзаги, треугольники, меандры, кресты, круги, концентрические кольца, спирали, чащевидные знаки, лунки, змеи, символы «женской груди», «елочки», знаки «п», «х», вертикальные черточки, параллельные линии и бычья головы.

Кавказские дольмены на начальном этапе посвящались Великой Богине Кали. По мере роста богатства земледельческо- скотоводческой общины оно начинает концентрироваться в руках мужской половины, поэтому происходит постепенный переход от матриархата к патриархату. Общины мельчали, но продолжали строить дольмены, постепенно изменяя их формы и символы. Затем произошла замена Великой Богини на мужских богов, смена погребального обряда и дольменная культура закончилась.

После заката дольменной культуры жившие на ее территории и по соседству народы сохранили различные предания. Плодородные кубан-

ские земли с земледельцами стали «нашим» миром в русских сказках, а земли с дольменами, посвященными богине Кали, стали «иным» миром – миром мертвых. А разделял эти миры «калинов» мост через реку Смородину, названный так в честь богини Кали. Тамань в те годы являлась архипелагом, а роль реки Смородины играла одна из проток реки Кубань. Первые упоминания о древних русах на Таманском полуострове можно найти у безымянного сирийского автора VI века [10].

Народы Кавказа (абхазы, адыги, кабардинцы, осетины, мегрэлы) помнят о карликах и великанах, построивших дольмены.

М. Гимбутас объясняет гибель мегалитических культур Европы вторжением представителей ямной культуры. Однако причин гибели могло быть несколько. Внутренней причиной перехода от матриархата к патриархату могло стать появление богатой прослойки среди мужчин: скотоводов, земледельцев, жрецов, купцов, ремесленников и их приход к власти в племенах.

Примечания

1. Гимбутас М. Цивилизация Великой Богини: Мир древней Европы. – М.: РОССПЭН, 2006. – 572 с.
2. Tara STEIMER-HERBET. Megalithism in the Middle East // Megaliths of the world / edited by Luc LAPORTE, Jean-Marc LARGE. – Oxford, Archaeopress Publishing Ltd, 2022. – 1428 с.
3. Культура накольчатой жемчужной керамики. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культура_накольчатой_жемчужной_керамики (дата обращения: 15.01.2025).
4. Среднестоговская культура. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Среднестоговская_культура#Палеогенетика (дата обращения: 15.01.2025).
5. Дмитриев А.В. Архитектура дольменов Западного Кавказа (Размышления на тему) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 18 / Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У.Д. Алиева. – Карачаевск, 2020. – С. 30-83.
6. Максименко Г.З. Великие загадки прошлого и их место в истории человечества. Тема 11. Дольмены (по следам мегалитических сооружений) // Вестник Академии ДНК-генеалогии. – Т. 17. – № 5. – Бостон-Москва-Цукуба: Академия ДНК-генеалогии, 2024. – С. 622-653.
7. Митанни. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Митанни> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье: реконструкция реликтов языка: этимологический словарь. – М.: Наука, 1999. – 318 с.
9. Косолапов В.В. Русское наследие богини Кали // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 23. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2018. – С. 16-19.
10. Косолапов В.В. Кали и Ра – боги русов // Социально-гуманитарный вестник: Всерос. сб. науч. тр. – Вып. 17. – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2015. – С. 82-89.

Отличительные черты зодчества на территории Северного Кавказа

Северный Кавказ является самым многонациональным и мультикультурным регионом Российской Федерации, на его территории сосредоточено множество уникальных памятников историко-культурного наследия. В данной научной работе подчеркиваются отличительные черты зодчества, которые показывают особенность данного региона.

Ключевые слова: Северный Кавказ, зодчество, культура, архитектурные сооружения.

**Shavlokhova E.S., Solyanik V.V.,
Russia, Krasnodar**

Distinctive features of architecture in North Caucasus

North Caucasus is the most multinational and multicultural region of Russian Federation, its territory is home to many unique monuments of historical and cultural heritage. This scientific work emphasizes the distinctive features of architecture that show the peculiarity of this region.

Keywords: North Caucasus, architecture, culture, architectural structures.

Традиционное зодчество народов Северного Кавказа представлено архитектурными сооружениями из камня и объектами традиционных жилых построек. Если рассматривать с исследовательской точки зрения, то башенные сооружения наиболее интересны. Большая их часть датируется XVI-XVIII вв. Однако, согласно утверждению В.И. Марковина, расцвет строительства башенных построек пришёлся здесь на период XV-XVII вв. В жилых постройках, их комплексах и селениях того периода прослеживается сохранение архетипических черт традиционной культуры, вплоть до XV в.

Типология башенных сооружений охватывает практически весь диапазон традиционной архитектуры северокавказских народов [1]. Можно выделить следующие виды башенных сооружений: родовые или боевые башни; сигнальные сторожевые башни; башенные жилища; башенные монументы; склепы.

В трудах античных авторов имеются одни из первых упоминаний о кавказских жилищах башенного типа. Традиционное зодчество наро-

дов Северного Кавказа стало предметом изучения учёных различных профилей. Среди них: архитекторы, археологи, искусствоведы, этнографы и историки.

Как правило, традиционные жилища какой-либо культуры отражают в себе символические смыслы, культуру, идеалы и представления народа. Архитектурные сооружения Северного Кавказа представлены, главным образом, памятниками каменного зодчества. В большинстве своём, это упомянутые выше башенные сооружения и народных жилища, а также христианские храмы, мечети и культовые сооружения.

Помимо башенных памятников, большой интерес представляют традиционные жилища, жилые комплексы и горные поселения. Несмотря на более позднее время их строительства, датируемое концом XIX в. - началом XX в., в них сохранились многие черты традиционной архитектуры, свойственные этносам – представителям северокавказской культуры [2].

Башенная архитектура возникла в глубокой древности. Первыми её образцами стали башенные жилища. С 1920 г. и по 1930 г. проводились исследования традиционной культуры и памятников жилищного строительства кавказцев. Их результаты были представлены в кавказоведческой литературе. А в период с 1950 г. по 1980 г. памятники Северного Кавказа были рассмотрены в исследованиях, направленных на изучение корней северокавказских народов. Именно в этот период опубликованы исследования, в которых затрагивается тема общности культур народов Кавказского региона.

На особенности развития культуры и истории народов Северного Кавказа в значительной степени повлияли основанные на мифологизме представления об окружающей действительности. В период с XIV в. по XVIII в. мифология стала основой верований, традиций, норм поведения в обществе. Практически все стороны социальной жизни северокавказских этносов стали регламентироваться неписанными нормами и обычаями.

До конца XIX в. существовал обычай жертвоприношения, который являлся зачином для строительства любого здания. В жертву приносились продукты животного и растительного происхождения, а также земледельческие культуры. Одной из технологий, использовавшихся при строительстве новой башни, стала проверка грунта при помощи молока. Перед закладкой первых камней почву на предполагаемом месте строительства поливали молоком. Если оно впитывалось, то мокрый слой грунта снимался. Этот процесс повторяли до тех пор, пока жидкость не прекращала просачиваться. Камни основания были настолько

большие, что для их перемещения использовались быки, а для их подъёма – специальные механизмы.

Квадратная башня формировалась при помощи восьми каменных глыб, по две на каждый из углов. Данная раскладка камней фиксировала структуру башни как модель мирового дерева. В процессе обработки камней использовались сакральные числа: «4», «8» и «12» [3, с. 553]. Двенадцать дней и тёсел, четыре каменотеса и четыре старца, проверявших качество обработки восьми камней.

Камни кладки верхних ярусов скреплялись между собой раствором из песка, молока и извести, о чём свидетельствуют данные современных лабораторных исследований.

В башни можно было попасть только через дверь, которая располагалась на уровне второго этажа, что делало бесполезным применение тарана во время ее захвата. Первый этаж являлся как полуподвальной кладовой для припасов, так и казематом для пленных. На втором этаже хранилась святыня – братский котёл, который подвешивали на толстой цепи. Считалось, что над ним витают души умерших.

Жилыми являлись следующие этажи, а самый верхний этаж функционировал как склад-чердак, где хранили оружие и всё то, что может пригодиться в хозяйстве. С уровня на уровень жильцы башни передвигались по приставным лестницам [4, с. 168].

На территории постоянного селения обязательно должны были находиться: источник питьевой воды, место собраний, родовая башня или несколько башен, сакральное место.

Сакральное место представляло собой либо языческие святилища, которые после сменились христианскими храмами или мечетями, башенные склепы сменили некрополи, после их заменили кладбищами, священными рощами или священными башнями.

В традиционном кавказском жилище обязательно выделялось отдельное жилище для гостей мужчин или гостей путников, которое называлось кунацкой [5]. Согласно обычаю, всех гостей также принимали мужчины. Дом, в свою очередь, являлся личным пространством женщины, которую связывали с очагом, огнём и светом.

В период средневековья башенная форма конструкции жилища использовалась на Северном Кавказе при постройках хазарских и аланских сооружений.

С середины XIX в. тип жилища, возводимого на Северном Кавказе, сменился трижды. Каменные сооружения сменились турлучными, турлучные – каменными, а каменные – срубными [3, с. 34]. Иногда встречались смешанные деревянно-каменные жилые сооружения. Смена вида жилищ стала следствием присоединения Северного Кавказа к

России, в связи с которым, надобность в оборонительной функции жилища отпала. Ещё одной из причин могло стать переселение части горского населения на равнинные территории [6, с. 22].

Турлучный тип жилых построек был широко распространён на территории Северного Кавказа вплоть до 1970-х гг. Из-за специфической технологии строительства и используемых материалов, такие жилища пригодны лишь для регионов с мягким тёплым климатом.

Имеются свидетельства, что чёркесы возводили турлучные постройки уже в XVI в. [7, с. 20] Доступность строительных материалов для возведения турлучного жилья дало возможность построить дом каждому крестьянину. Турлучный дом кабардинцев состоял из кольев, прутьев, конькового бруса для крыши, настенных балок, потолочных плетней. Как правило, в строительстве жилья помогали соседи или родственники. Фундамент такого дома либо был небольшим, либо вовсе отсутствовал, пол был земляной, а крышу делали из камыша и соломы. Стены дома сплетали из ветвей бука, фундука или вербы, а в пустоты между получившимися плетнями забивали смесь из песка, глины, соломы, кизяка в различном соотношении.

Памятники древности Северного Кавказа – уникальные постройки, в которых нашли воплощение мировоззрение, обычаи и традиции северокавказских этносов. Именно они являются объектами передачи исторической памяти народов, их многовекового опыта, знаний и умений.

Примечания

1. *Малиш М.А.* Влияние монументально-исторических памятников на формирование культурных традиций и развитие патриотических чувств // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – Т. 6. – № 6-1. – С. 80-83.
2. *Турк С.Н.* История (История России, Всеобщая история): практикум. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 69 с.
3. Opportunities for Assessing the Implementation of the Strategies for the Development of Russia's Macroregions / O.V. Berezhnaya, E.V. Berezhnaya, K.S. Chikaeva [et al.] // European Research Studies Journal. – 2018. – Vol. 21, No. 2. – P. 551-563.
4. Specificity of socio-demographic forecasting for the Russian society / K.S. Chikaeva, V.V. Kasyanov, Yu.V. Gluzman [et al.] // Revista San Gregorio. – 2019. – No. 34. – P. 167-176.
5. *Малиш М.А.* История России (история России, всеобщая история): учеб. пособие. – Краснодар: ИМСИТ, 2022. – 387 с.
6. *Салчинкина А.Р.* Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатантства: автореф. ...дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 2005. 27 с.
7. *Терещенко О.В., Кошокова С.Я., Хоружая С.В.* История России: учебник. – Краснодар: КубГАУ, 2024. – 192 с.

Ямадзаки Ансай (1618-1682) как реформатор синтоизма

В статье рассматривается специфика религиозных реформ синтоистского теолога Ямадзаки Ансай. Основное внимание уделено синкреметической природе разработанного им учения суйка-синто, а именно – синтезу конфуцианства и синто. Автор затрагивает также и социально-политический аспект суйка-синто, касающийся отношения Ямадзаки Ансай к императорской династии.

Ключевые слова: Япония, Ямадзаки Ансай, синто, конфуцианство, инь-ян, кокутай.

Sizion D.S.,
Russia, Krasnodar

Yamazaki Ansai (1618-1682) as a Shinto reformer

Article examines the specifics of the religious reforms of the Shinto theologian Yamazaki Ansai. The main attention is paid to the syncretic nature of the Suika-Shinto doctrine developed by him, namely, the synthesis of Confucianism and Shinto. The author also touches upon the socio-political aspect of suika shinto, concerning Yamazaki Ansai's attitude to the imperial dynasty.

Keywords: Japan, Yamazaki Ansai, Shinto, Confucianism, Yin-yang, kokutai.

Японский философ и ученый Ямадзаки Ансай (1618-1682) разработал свое учение под названием суйка-синто. Он в какой-то степени выступал как продолжатель ведущих реформаторов синтоистской религии того времени, таких, как Ватари Нобуёси (1615-1690) и Ёсикава Корэтару (1616-1694).

Ёсикава Корэтару являлся представителем такого течения в синто, как Ёсида синто. Он выдвинул идею «синто великого принципа (ри)». Его вариация синтоизма противопоставлялась культовому синто святилищ. Ёсикава также пытался внедрить конфуцианские идеи в синто и заявлял об их идентичности, аргументируя это тем, что оба учения говорят о способе управления государством [1, с. 94]. Прибегая к конфуцианской терминологии, Ёсикава стремился очистить Ёсида синто от буддистских и даосских наслойений. Он разделял понимание синто в духе Хаяси как о пути правителя и подданных. Им была принята также и концепция Хаяси о Куни-но Токотати-но микото. Однако, даже используя такую терминологию, Ёсикава выводил из синто-конфуцианского

синкремизма сам синто на первый план. Так, он признавал за учениями Индии и Китая частичную истинность, ставил гораздо выше них синто как исток всех мировых учений [2, с. 357]. При этом, что Хаяси, что Ёсикава, следовали устной и тайной традиции передачи традиций синто и не стремились распространить в народе.

Другой же теолог синто Ватараи Нобуёси (1615-1690 гг.), наследник Исэ-синто, был, наоборот, сторонником повсеместного распространения синто, для чего он написал массу сочинений о его природе. Помимо автохтонности синто, Ватараи затрагивал проблему наличия «пути» синто в то время, как отсутствует его «учение». По его мнению, синто попросту не нуждается в формализованном учении, поскольку усваивается японцами на природном уровне [3, с. 223]. Ватараи ратовал за удаление из синто элементов буддизма и конфуцианства, при этом при трактовке сути синто он прибегал к прорицательствам по Ицзин, конфуцианской категории «пяти отношений», а элементы инь и ян у него отождествлялись с творцами физического мира в японской космогонии – Идзанаги и Идзанами.

Оригинальным в учении Ватараи явилось зачаточное оформление синтоистской эсхатологии. Поскольку при рождении человек получает часть божественной сущности первобожества Амэ-но минакануси-но микото и богини Аматэрасу оомиками, постольку после смерти он возносится на Небеса к этим божествам и пребывает там вечность.

Ямадзаки Ансай испытал влияние как Ватараи, так и Ёсикава. Это нашло свое отражение в формировании на основе его идей двух отдельных школ – конфуцианской Кимон и синтоистской Суйка [3, с. 223].

Ямадзаки утверждал, что принцип «ри» есть божество, а так как «ри» проявляется во множестве вещей, так и богов существует «восемь мириад», а боги, в свою очередь, проявляются в людях через их качества – верноподданность, сыновнюю почтительность, почитание предков [1, с. 93]. Конфуцианское мышление Ямадзаки сыграло свою роль в том, что, если для Ватараи и Ёсикава источником служили тайные священные традиции, то для Ямадзаки, отбросившего многочисленные комментарии, таковыми служили сами тексты Кодзики и Нихонги [2, с. 359]. При этом Ямадзаки не придерживался эзотерических рамок синто школ Ёсида и Ватараи – он одним из первых начал писать сочинения на тематику синто для массового читателя [4, с. 312]. Ямадзаки продолжал идею Хаяси о родственности конфуцианства и древнего синто, в то же время отвергая любые мысли о заимствованиях из первого во второе.

Наивысшее место в суйка-синто занимает Аматэрасу, которая у Ямадзаки наделена способностью порождать, оставлять в покое и приводить в движение вещи, и божества Сарудахико, проводника Ниниги на землю [1, с. 94]. Выбор последнего малозначимого в мифологии божества, скорее всего, связан с глубоким почитанием Ямадзаки императорской династии [5, с. 58]. В своей космогонии он использовал конфуцианские категории инь-ян и учение о первоэлементах. Первоосновой всего сущего он считал огонь, наделенный «божественным разумом».

Излюбленным способом формирования таких заключений стало использование омонимических особенностей японского языка. В частности, утверждение о том, что святилище в синто есть вместилище огня, происходило из манипуляций между словами «хокора» (святилище) и «хикура» (вместилище огня). На таких же основанияхозвучия слов «затвердевать» и «быть почтительным» Ямадзаки выводил идею обретения духовной твердости и божественной милости человеком посредством почитания богов [1, с. 95]. Такое использование языковых особенностей было распространенным явлением у японских мыслителей, учитывая традиционный интерес японцев к поиску сокровенного смысла в иероглифах.

Одну из основных конфуцианских концепций о возможности потери правителем мандата Неба Ямадзаки рьяно отвергал. Он считал, что со слепой верностью и благоговением надлежит подчиняться любому правителю, ибо и правитель, и подданые – суть порождения ками, а, значит, составляют единое органическое целое, для которого внутренние противоречия исключены [2, с. 360]. Так, им была выведена знаменитая концепция кокутай – государственного организма, воспринятая конфуцианской школой Мито.

Примечания

1. Светлов Г.Е. Путь богов: (Синто в истории Японии). – М.: Мысль, 1985. – 240 с.
2. Накорчевский А.А. Синто. – СПб.: Азбука-Классика, 2003. – 448 с.
3. Ермакова Е.М. Синто – путь японских богов: сб.: в 2 т. Т. I: Очерки по истории Синто / пер. с япон. – СПб.: Гиперион, 2002. – 702 с.
4. Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. – М.: Либроком, 2013. – 456 с.
5. Сизион Д.С. Элементы синто-буддийского синкретизма в религиозных учениях средневековой Японии // Религия и общество на Востоке. – 2022. – № 6. – С. 49-79.

Историко-культурное и природное наследие Ютазинского района Республики Татарстан

Статья посвящена Ютазинскому району Республики Татарстан, в которой даются сведения по разнообразным археологическим, архитектурным и природным памятникам, а также краткая характеристика района, включающая данные о его природно-географических условиях.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Ютазинский район, объекты культурного наследия, памятники природы, археологические памятники.

Fayzullin S.A.,
Russia, Republic of Tatarstan, Kazan

Historical, cultural and natural heritage Yutazinsky district of Republic of Tatarstan

Article is devoted to the Yutazinsky district of Republic of Tatarstan, which provides information on various archaeological, architectural and natural monuments, as well as a brief description of the area, including data on its natural and geographical conditions.

Keywords: Republic of Tatarstan, Yutazinsky district, cultural heritage sites, natural monuments, archaeological sites.

Ютазинский район в Республике Татарстан был образован 25 января 1935 г., через 28 лет упразднен, восстановлен 6 апреля 1991 г. Он располагается на юго-востоке Татарстана и занимает территорию 760,6 км², центр – поселок городского типа Уруссу.

В составе Ютазинского района насчитывается 38 населенных пунктов, объединенных в 1 городское и 10 сельских поселений, в которых насчитывается 19452 чел. жителей, средняя плотность населения – 25,6 чел. на 1 км². На долю городского населения приходится 53,2%, сельского – 46,8% [1]. По данным переписи 2020 г., среди населения района татар – 71,9%, русских – 22,9%, прочих – 5,2% [2].

Географически район расположен в юго-восточной части Предкамья. Его рельеф – глубоко расчлененная ярусная равнина с преобладающими высотами 200-220 м. При этом на водоразделах рек Стерля и Ютаза максимальная высота достигает 335 м, а минимальная составляет 88 м у береговой линии реки Ик у северной границы района.

Речную сеть формируют река Ик, которая является главной водной артерией, а также ее притоки Дымка, Ютаза и Байряки.

В почвенном покрове преобладают черноземы различных подтипов, помимо этого, встречаются серые лесные и коричнево-серые почвы.

Леса занимают 7,8 тыс. га или 10,3% территории района. К основным лесообразующим породам относятся дуб, береза, липа, осина. В остеиненно-луговой растительности преобладают ковыль, типчак, клевер, астрагалы, разнотравье и др.

Климат Ютазинского района умеренно-континентальный, с умеренно холодной зимой и относительно прохладным и достаточно влажным летом.

Фауна представлена: лосем, белкой, куницей, зайцем-беляком, сурком-байбаком, тушканчиком и др. Орнитофауна – глухарем, рябчиком, иволгой, соловьем, чибисом, трясогузкой и др.

В природно-заповедном фонде насчитывается 4 объекта, которые представлены ландшафтным и гидрологическими памятниками регионального значения (См. таблица 1).

Таблица 1

Охраняемые природные объекты Ютазинского района

[3, с. 22-24, 91-92, 103-104, 360-361]

Объект	Год организаци	Площадь, га	Характеристика
Ландшафтные			
«Урдалы-Тау» («Склон М.В. Маркова»)	1972	2,5	выявлено около 100 видов степных растений, в том числе занесенные в Красную книгу РТ
Гидрологические			
река Дымка			длина 85,7 км (в пределах района 24 км), площадь водосбора 1151 км ² , 30 притоков (в пределах района 1)
река Ик	1978	–	длина 436 км (в пределах района 48 км), площадь водосбора 14990 км ² , 91 приток (в пределах района 5)
река Ютаза			длина 45,2 км (в пределах района 37 км), площадь водосбора 390,5 км ² , 20 притоков (в пределах района 18)

Заселяться территория района начала в III-II тысячелетиях до н.э. племенами – носителями абашевской и срубной культур. Всего же здесь выявлено 12 памятников археологического наследия. Такое их небольшое количество связано с недостаточной изученностью территории. Почти все они, кроме одного могильника, датирующегося средневековьем, являются стоянками и относятся, как отмечено выше, к эпохе бронзы (См. таблица 2).

Таблица 2

Археологические памятники Ютазинского района [4, с. 392]

№ п/п	Памятник	Культурно- хронологическая принадлежность	Подъемный материал
Стоянки			
1	Абсалямовская	срубная культура	обломки керамики
2	Дым-Тамакская		обломки сосудов
3	Уруссинская I		обломки керамики
4	Уруссинская II		
5	Уруссинская IV		
6	Вятская II	эпоха бронзы	нет данных
7	Ишмуратовская		
8	Новокаразерик- ская II		
9	Новокаразерик- ская III		
10	Уруссинская V		
11	Уруссинская III	абашевская культура	несколько кремней и фрагменты керамики
Могильники			
12	Байряки- Тамакский	13-14 вв.	бронзовые орнаментиро- ванные зеркала с изобра- жением людей, драконов, животных, железные ножницы, серебряная штампованная накладка, напрясла.

Не так много в районе и памятников культурного наследия. Вместе с тем, они представлены достаточно разноплановыми объектами: монументами, захоронениями, зданиями культовой и гражданской архитектуры (См. таблица 3).

**Объекты историко-культурного наследия
Ютазинского района [5, с. 178-200]**

Населенный пункт	Дата создания	Объект культурного наследия
Байряка	конец 19 в. – начало 20 в.	комплекс зданий медресе «Губайдия»
	конец 19 в.	5 соборная мечеть
	17-19 вв.	надгробные плиты
	начало 20 в.	здание бывшего магазина М. Губайдуллина по продаже деталей, распространяемых американской «Международной компанией жатвенных машин в России»
	нач. 20 в. (по легенде 2 пол. 18 в.)	дорожный мост
Каракашлы	1970 г.	памятник механизатору Н.М. Валиеву, погибшему при спасении урожая от пожара.
	1971 г.	памятник учительницам С. Ишмакаевой и Г. Батыршиной, убитых врагами Советской власти в 1919 г.
Уруссу	1952 г.	дворец культуры «Энергетик»
	1986 г.	памятник в честь павших в годы Великой Отечественной войны
Ютаза	1911-1912 гг.	железнодорожный вокзал
		водонапорная башня
	1918 г.	место расстрела белочехами бугульминских большевиков Е. Петровской, С. Просвиркина и неизвестного матроса

Следовательно, можно сделать вывод, что в Ютазинском районе имеется небольшое количество памятников как материального, так и природного наследия. Несмотря на это, при определенных условиях они могли бы стать опорными точками, способствующими повышению туристической привлекательности всего Ютазинского района.

Примечания

1. Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2024 года. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/naselenie>.
2. Всероссийская перепись населения 2020 г. Т. 5. Национальный состав и владение языками, таблица 3. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020>.

3. Государственный реестр особо охраняемых природных территорий в Республике Татарстан. – Изд. 2-е. – Казань: Идел-Пресс, 2007. – 408 с.
4. Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. – Казань: Ин-т истории АН РТ; Мин-во культуры РТ, 2007. – 528 с.
5. Объекты культурного наследия Республики Татарстан: Административные районы. Иллюстрированный каталог / под ред. А.М. Тарунова. – М.: НИИ-Центр, 2017. – 928 с.

УДК 821.161.1,81'32, 23/28

СУРОВЦЕВА Е.В.
Россия, г. Москва

Жития преподобномученика Кронида (Любимова) в контексте современных житий новомучеников и исповедников

В русле проводимых автором исследований динамично развивающегося ныне жанра жития необходим сопоставительный анализ разных вариантов житий одного и того же святого. Автор ставит себе целью проанализировать каноническое и «детское» житие преподобномученика Кронида (Любимова), выявить содержательные и стилистические особенности текстов.

Ключевые слова: житие, житие новомучеников и исповедников, история России XX века, канонизация, современная русская литература.

Surovtseva E.V.,
Russia, Moscow

Lives of venerable martyr Kronid (Lyubimov) in context of modern lives of new martyrs and confessors

In line with our research on the dynamically developing genre of hagiography, a comparative analysis of different versions of the lives of the same saint is necessary. Our goal is to analyze the canonical and “childish” life of the Venerable Martyr Kronid (Lyubimov), to identify the substantive and stylistic features of the texts.

Keywords: life of saints, the life of New Martyrs and confessors, history of Russia in 20th century, canonization, modern Russian literature.

Одним из динамично развивающихся жанров современной русской литературы является жанр жития. В первую очередь, создаются жития новомучеников и исповедников, что связано с трагической историей России в XX веке. В русле проводимых автором статьи исследо-

ваний этого жанра необходим также сопоставительный анализ разных вариантов житий одного и того же святого. Необходимо отметить, что разные варианты жития в наше время создаются разными авторами независимо друг от друга, и это отличает современную ситуацию от ситуации Древней Руси, когда варианты фактически представляли собой переработку созданных ранее текстов. Кроме того, появилась новая разновидность агиографического жанра – «детское житие» (подробнее обоснование выделения данной разновидности см. в [1; 2; 3; 4; 5]).

В настоящей статье автор предприняла попытку сопоставительно-го анализа двух вариантов житий преподобномуученика Кронида (Любимова). Это каноническое житие, созданное священником Максимом Максимовым и опубликованное в 8-томном собрании житий новомуче-ников и исповедников Московской Епархии (2004) [6], и «детское» жи-тие, написанное протоиереем Константином Островским и вошедшее в его сборник «детских житий» святых XX века (2012) [7].

Прежде всего, рассмотрим особенности подачи материала в житиях. Житие К. Островского, как и следует ожидать, намного короче жития Максимова. Отец Константин очень кратко – короче, чем отец Максим – говорит о семье Кронида, о его послушании в Троице-Сергиевой Лавре, о том, что Кронид стал келейником архимандрита Леонида (Кавелина), монахом, иеромонахом, наместником Лавры. К. Островский совсем кратко пишет о разорении Лавры, у М. Максимова это событие описано подробно. Кроме того, М. Максимов, в отличие от К. Островского, сообщает о борьбе Кронида за Лавру, о вскрытии мощей Сергия, об обращении Тихона в Совнарком о вскрытии мощей. Причем отец Максим при описании этих событий подробно цитирует разного рода документы (предполагаем, что эта информация опущена в «детском житии» потому, что она была бы слишком сложна и даже непонятна детям, особенно с учётом того, что в церковных семьях жития начинают читать уже дошкольникам). Некоторые сведения из жизни будущего святого в «детском житии» вообще опущены. Так, у К. Островского ничего не говорится о призывае Кронида в армию, об испытательном сроке в Лавре, о постигших начинаящего монаха искушениях, о восстановлении усилиями Кронида запущенного Санкт-Петербургского Троицкого подворья, о церковных орденах, которыми он был награждён, о его проповеднических талантах. У двух авторов текстов различается мане-ра подачи материала, связанного с арестом и расстрелом Любимова. К. Островский о них просто сообщает, М. Максимов, затрагивая этот тра-гический «эпизод», цитирует протоколы допросов. Отметим, что доку-ментальность является неотъемлемой чертой современных житий, осо-бенно мученических, жития не только создаются на основе многочис-

ленных документов, но и включают в себя большое количество цитат их них.

В связи с данным вопросом, перейдём к следующему аспекту изучения житий – рассмотрению их языковых особенностей. При анализе лексического состава текстов, проведённого с помощью Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум» (названная система разработана в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова), мы получаем количество слов в обоих житиях с цитатами, и исключая цитаты, а также количество (в процентах) оригинального текста. Житие Максимова насчитывает, с учётом цитат, примерно 3530 словоупотреблений и без цитат примерно 2320 словоупотреблений, т.е. в тексте примерно 65,7 процента оригинального текста и 34,3 процента цитат. Цифры показывают, что в каноническом житии преподобному ченика Кронида треть текста – это цитаты. В житии К. Островского цитат не содержится, насчитывается примерно 140 словоупотреблений. Как мы видим, разница между словарным составом канонического и «детского» жития очень велика. К числу 10 самых частотных слов в житии Максимова относятся такие лексемы, как *в, и, быть, он, год, Кронид, с, Лавра, к* (с учётом цитат); *в, и, быть, год, он, Кронид, с, Лавра, отец* (без учёта цитат). Списки практически идентичны – за исключением последнего слова. Специалистам по стилистике русского языка наверняка будет интересен тот факт, что союз *и*, являющийся показателем разговорного стиля, во всех случаях идёт сразу после предлога *в*, являющегося показателем книжного стиля. Видимо, мы можем говорить о некоем смешении двух разных стилей. В житии Островского 10 самых частотных слов таковы: *в, Кронид, и, Константин* (мирское имя Кронида, данное ему при крещении), *быть, год, с, Любимов, время*. Перечень лексем включает в себя, например, мирское имя Кронида и его фамилию, в каноническом житии не являющееся самыми частотными.

Сравнительный анализ нескольких вариантов жития одного и того же святого, в том числе относящихся к разным модификациям современного житийного жанра, позволяет выявить охват материала, присущий разным текстам, осознать их стилистические особенности, лучше проникнуть в события и смысл трагической истории России XX века.

Примечания

1. Макаренко Е.К. Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Святоотеческие традиции в русской литературе / отв. ред. В.В. Соломонова, С.А. Демченков. – Омск: Вариант-Омск, 2010. – С. 155-164.

2. *Макаренко Е.К.* Агиография XX века. Проблема жанра и методов его исследования // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 1. – С. 95-102.

3. *Макаренко Е.К.* Жанровые модификации современных агиографических произведений для детей // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – Вып. 10(163). – С. 157-165.

4. *Санько А.Э.* Жития святых: особенности редакционно-издательской подготовки // Шестнадцатый Славянский научный собор “Урал. Православие. Культура”. Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Челябинск, 16-17 мая 2018 г.). / сост. О.В.Терехова. – Челябинск: ЧГИК, 2018. – С. 231-235.

5. *Суровцева Е.В.* Детское житие в контексте современной русской литературы // Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 23 мая 2023 г.) / отв. за вып. Е.А. Стуколова. – Оренбург: ОГПУ, 2023. – С. 134-138.

6. Священник Максим Максимов. Преподобномученик Кронид (Любимов) // Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии: в 8 т. – Т. 4: Ноябрь. – Тверь: Булат, 2004. – С. 274-288.

7. *Островский Константин,protoиерей.* Преподобномученик Кронид (Любимов) // Островский Константин, протоиерей. Святые XX века. Краткие жития для детей. – Красногорск: Успенский храм, 2012. – С. 71-72.

**Историография всеобщей и отечественной истории:
этапы, тенденции, взаимосвязь**

В статье рассмотрены основные этапы историографии всеобщей и отечественной истории, включая античность, средневековье, эпоху Просвещения и постмодернизм. Автором статьи проанализированы работы классиков русской историографии и современные постсоветские исследования. В статье показана взаимосвязь между всеобщей и отечественной историей, а также освещены современные тенденции в исторических исследованиях, такие, как мультиперспективный подход и использование новых технологий. Автор статьи подчеркнула значение историографии для формирования исторической памяти и идентичности.

Ключевые слова: историография, всеобщая история, русская историография, античность.

**Tereshchenko O.V.,
Russia, Krasnodar**

**Historiography of general and domestic history:
milestones, trends, relationships**

Article examines the main stages of historiography of universal and domestic history, including antiquity, Middle Ages, Enlightenment and postmodernism. Author of article analyzed the work of the classics of Russian historiography and modern post-soviet studies. Article shows the relationship between universal and domestic history, as well as highlights modern trends in historical research, such as a multi-perspective approach and the use of new technologies. Author of article emphasized the importance of historiography for the formation of historical memory and identity.

Keywords: historiography, universal history, Russian historiography, antiquity.

Историография как наука представляет собой важную область изучения, охватывающую методы, подходы и интерпретации, используемые историками для анализа и представления разных исторических событий. В рамках историографии выделяются два основных направления: всеобщая история, охватывающая глобальные процессы и события, и отечественная история, сосредоточенная на истории конкретной страны, в данном случае России. В данной статье автор предприняла

попытку рассмотреть основные этапы и направления историографии всеобщей и отечественной истории, а также показать их взаимосвязь и влияние на современное историческое знание.

Классическая историография зародилась в Древней Греции вместе с работами таких историков, как Геродот и Фукидид. Первый, известный как «отец истории», в своей работе «История» стремился описать не только события, но и причины их возникновения, уделяя внимание культурным и социальным аспектам [1]. Второй, в свою очередь, сосредоточился на более строгом и критическом подходе к историческому анализу, особенно в своей работе «История Пелопоннесской войны». В этой работе он подчеркнул важность фактических данных и свидетельств [2].

В средние века историография была тесно связана с религиозными традициями. Такие исследователи, как Августин Блаженный и Григорий Турский, рассматривали историю как проявление божественного плана. В это время акцент в исторических работах сместился на христианские ценности и моральные уроки, извлекаемые из происходивших событий.

С XVIII в. начинается эпоха Просвещения, когда Вольтер и А. Гобино начали применять рационалистический подход к изучению истории. Они акцентировали внимание на прогрессе человечества и роли разума в историческом процессе. Этот период также ознаменовался критикой традиционных источников и поиском новых методов анализа.

В XIX в. марксистская историография, представленная работами К. Маркса и Ф. Энгельса, акцентировала внимание на классовой борьбе и экономических факторах как движущих силах исторического процесса. Марксисты рассматривали историю как последовательность антагонизмов между различными социальными классами, что оказало значительное влияние на последующие исследования [3].

Конец XX в. принес с собой постмодернистский подход, который оспаривал традиционные нарративы и акцентировал внимание на многообразии интерпретаций. Постмодернисты М. Фуко и Р. Барт подчеркивали тот факт, что история не является объективной истиной, а конструируется через призму языка и власти [4; 5].

Античная историография оказала значительное влияние на дальнейшее развитие исторической науки в Средние века и Новое время. Идеи Геродота и Фукидода легли в основу историографических традиций, где важным стало критическое отношение к источникам и стремление к объективности. Античные историки задали направление для дальнейшего анализа и исследований произошедших явлений, форми-

руя представление о важности исторической памяти в культурной жизни человечества.

Таким образом, историография в античности стала не только хроникой событий, но и важным философским инструментом для понимания человеческой природы и общества, заложившим фундамент для будущих исторических исследований.

Классическая русская историография начала формироваться в XVIII-XIX вв. в работах Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева. Первый в своем труде «Истории государства Российского» стремился создать национальную идентичность, связывая прошлое с будущим [6]. Соловьев, в свою очередь, применял более научный подход, уделяя внимание историческим источникам и их критике [7].

Советский период характеризовался идеологическим контролем над исторической наукой. Е.В. Тарле [8] и С.М. Соловьев работали в рамках марксистско-ленинской методологии, акцентируя внимание на классовой борьбе и роли пролетариата. В это время происходила переоценка исторических событий, таких, как Октябрьская революция и Вторая мировая война.

После распада Советского Союза начался процесс переосмысливания отечественной истории. Историки стали исследовать ранее запрещенную тематику, например, политические репрессии, неурожай и голод, другие трагические события. В это время возникло множество новых направлений, включая социальную, культурную и гендерную историю.

Историография всеобщей и отечественной истории тесно связана между собой. Глобальные процессы и события оказывают влияние на развитие конкретных стран, а локальные события могут вносить вклад в общую картину мировой истории. Например, Великая революция 1917 г. не только изменила внутреннюю политику в России, но и оказала значительное влияние на международные отношения и идеологические движения по всему миру.

Современная историография характеризуется мультиперспективным подходом, который позволяет рассматривать историю с различных точек зрения. Это включает в себя использование новых технологий, таких, как цифровая гуманитаристика, а также интердисциплинарные исследования, объединяющие историю с социологией, антропологией и другими науками.

Историография всеобщей и отечественной истории представляет собой динамичную и многогранную область, которая продолжает развиваться и изменяться. Понимание различных подходов и направлений в историографии позволяет глубже осознать прошлое и современность,

а также способствует формированию исторической памяти и идентичности [9; 10]. Важно помнить, что история не является статичным набором фактов, а представляет собой сложный процесс, в котором переплетаются множество факторов и интерпретаций.

Примечания

1. Терещенко О.В., Кошокова С.Я., Хоружая С.В. История России: учебник. – Краснодар: КубГАУ, 2024. – 192 с. – ISBN 978-5-907906-25-9. – EDN IGYXJU.
2. Фукидид. История Пелопоннесской войны. Т. 1 / пер. с греч. Ф. Г. Мищенка. – М.: А.Г. Кузнецов, 1887-1888. – 516 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М.: Госполитиздат, 1950. – 73 с.
4. Фуко М. Слова и вещи / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
5. Барт Р. Смерть автора. 1967. URL: https://vk.com/doc312457050_472577139?hash=digRs9Hs7atYyurquLLzq0EvolGZQoXecZiH7ySskgH.
6. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М.: ACT, 2023. – 750 с.
7. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: ACT, 2023. – 528 с.
8. Тарле Е.В. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1957-1962.
9. Терещенко О.В., Турк С.Н. Исторический взгляд на понимание проблемы социального порядка // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 10. – С. 78-82. – DOI 10.23672/f8638-7333-0315-c. – EDN UEFRVD.
10. Терещенко О.В. Беспорядок и преступность как одно из последствий всемирного процесса глобализации // Национальное здоровье. – 2016. – № 1-2. – С. 191-199. – EDN YHRNRV.

УДК 930/94(47).08"19"

ХУДОЛЕЕВ А.Н.
Россия, г. Новокузнецк

Освещение проблемных вопросов российской истории в рецензионном отделе журнала «Русский архив» (начало XX в.)

В статье рассматривается работа рецензионного отдела отечественного дореволюционного исторического журнала «Русский архив» начала XX в. С точки зрения рецензентов анализируются объективность и аргументированность позиций авторов научных трудов, репрезентативность источников базы их исследований. Делается вывод о важности изучения рецензионного творчества для понимания тенден-

ций и направлений развития отечественной исторической мысли начала XX в.

Ключевые слова: дореволюционная историография, «Русский архив», Петр Иванович Бартенев, научные рецензии, историческая мысль.

Khudoleev A.N.,
Russia, Novokuznetsk

The coverage of problematic issues of Russian history in the review department of the journal “Russian Archive” (early XX century)

Article examines the work of the review department of “Russian Archive”, a pre-revolutionary historical journal of the early 20th century. From the point of view of the reviewers, objectivity and reasonableness of the positions of the authors of scientific papers, representativeness of the source base of their research are analyzed. It is concluded, that the study of peer-reviewed creativity is important for understanding trends and directions of development of Russian historical thought in the early XXth century.

Keywords: pre-revolutionary historiography, “Russian Archive”, Peter Ivanovich Bartenev, scientific reviews, historical thought.

Данной статьей мы продолжаем серию публикаций, посвященных тематике освещения проблемных вопросов российской истории в рецензионном отделе первого отечественного научно-исторического журнала «Русский архив» [1; 2; 3]. Обратимся теперь к заключительному этапу существования этого издания – началу XX в.

Краевед и палеограф А.А. Титов отозвался на крупное исследование историка РПЦ Е.Е. Голубинского, которое увидело свет благодаря поддержке Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете под председательством В.О. Ключевского [4]. Рецензент назвал труд Е.Е. Голубинского капитальным, добросовестным, полезным для просвещенных и образованных русских людей. Автору не стоит обращать внимание на злопыхательства со стороны так называемых охранителей церкви и государства. А.А. Титов сделал только одно серьезное замечание. На его взгляд, Е.Е. Голубинский ошибочно считал архимандрита ростовского Богоявленского монастыря Авраамия современником Сергия Радонежского [5].

Далее А.А. Титов отрецензировал работу профессора Императорского Харьковского университета А.С. Лебедева [6]. По мнению рецензента, книга настолько важна, полезна и научно значима, что ей, несомненно, потребуется второе издание, иначе она рискует превратиться в библиографическую редкость. В ней подробно описываются биографии белгородских владык, начиная с 1667 г., а также содержатся бытовые зарисовки из жизни паства этой епархии [7]. Кроме того, книгой, «без

которой едва ли обойдется ученый историк», он назвал произведение управляющего гербовым отделением при департаменте герольдии Сената А.П. Барсукова [8, об. 10 выл.]. В ней впервые сведены вместе разрозненные и разбросанные в разных изданиях списки воевод XVII в. [9].

С.П. Бартенев – сын издателя «Русского архива» П.И. Бартенева, обратил внимание на книгу известного историка-москововеда И.Е. Забелина. По его мнению, почтенный ученый излишне увлекается духовой доминантой в истории Москвы. Все это производит странное впечатление, как будто «автор видит какую-то внутреннюю зависимость между постройкой храма и сооружением государства <...>» [10, с. 154]. В тоже время стройное, логичное впечатление выносит читатель от разбора причин создания московского единодержавия. Пеняя И.Е. Забелину за его мистицизм, С.П. Бартенев сам к нему невольно приближается, указывая на то, что во время расправы над Лжедмитрием I обрушилась Спасская башня Московского кремля. Для рецензента это являлось доказательством его самозванства.

В свою очередь, известный поэт-символист, а по образованию историк В.Я. Брюсов отрецензировал работу И.С. Беляева по купеческому родословию города Чухлома Костромской губернии. Работа в Московском архиве министерства юстиции позволила автору изучить широкий спектр источников (писцовые и переписные книги, разрядные столбцы, чухломскую делопроизводственную документацию). В.Я. Брюсов приветствовал интерес к бытовой истории, так как она позволяет «уяснить себе те силы, из которых слагался исторический строй посадской жизни» [11, об. 9 выл.]. «Прекрасным образцом учебника, каким он должен быть» назвал учебное пособие В.О. Ключевского выпускник Московской духовной академии С.И. Кедров [12, с. 82]. Достоинства: сжатость, лаконичность, логичность, систематичность, научность изложения материала. В целом, рецензия выглядит как панегирик «великому мастеру исторического слова и учителю» В.О. Ключевскому [12, с. 90].

Еще один сын П.И. Бартенева – Ю.П. Бартенев в очередной своей рецензии выражал сожаление и недоумение, что труд историка Н.М. Павлова, являющийся «поворотным пунктом в нашей историографии», малоизвестен научно-исторической общественности. За исключением К.Н. Бестужева-Рюмина никто из маститых представителей академической корпорации на него не отреагировал. Это, в свою очередь, мешает читающей аудитории, зависимой от авторитетного мнения, по достоинству его оценить [13, с. 461,476]. Работа Н.М. Павлова заслуживает самой высокой оценки, так как оживила и раскрасила яркими красками образы древнерусской истории, показала ее самодостаточность, отри-

цаемой адептами петровских преобразований [14]. Благожелательно отнесся Ю.П. Бартенев и к публикации докторской диссертации С.Ф. Платонова, которая написана прекрасным языком, легко читается, несмотря на узконаправленный, специально-профессиональный характер издания, и освещает второстепенные аспекты [15].

Известный антинорманист Д.И. Иловайский скептически отнесся к очередной попытке восстановить первоначальный вид «Повести временных лет» (ПВЛ), предпринятую филологом А.А. Шахматовым [16]. Существовавшие редакции ПВЛ Дмитрий Иванович считал легендарными, мифологическими, баснословными сказаниями. В свойственной для него манере, рецензент раскритиковал норманскую позицию автора, несостоятельность которой уже «бесспорожно доказана» [17, с. 158]. Однако до сих пор находятся специалисты по древнерусской и славянской истории, которые повторяют и транслируют норманскую сказку «про белого бычка». В качестве наглядного примера Д.И. Иловайский приводил работу преподавателя истории Ришельевской гимназии Н.Д. Знойко [18]. По его мнению, она состояла из вопиющих натяжек, неверных выводов и отсутствия всякого исторического смысла.

Специалист по истории Кавказа Е.И. Козубский отрецензировал несколько изданий Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа, возглавляемого генерал-лейтенантом и военным историком В.А. Потто [19]. Археограф и библиофил У.Г. Иваск отозвался на библиографическую работу С.Р. Минцлова. Рецензент остался недоволен этим «нагромождением чернового материала, требующего коренной проверки, значительных дополнений и приведения в стройную гармонию» [20, с. 320]. Кроме того, неудовлетворительна систематизация материала, неряшливая нумерация, сокращенные или произвольные названия книг и статей. Все это, по мнению рецензента, существенно нивелирует ценность потенциально полезного издания.

Генеалог Л.М. Савелов отрецензировал книгу И.Н. Лодыженского о дворянском роде Молостовых, происходившего из Великого Новгорода [21]. Это позволяет пролить свет на 4-х поколенную историю почтенного служилого рода, несправедливо потерпевшего во время разгрома города Иваном III [21]. Он также приветствовал появление многостороннего сочинения директора народных училищ Тульской губернии М.Т. Яблочкива об истории дворянского сословия Тульской губернии. Собранный материал поможет молодому поколению тульских дворян не быть «Иванами, не помнящими родства» и бороться с генеалогическим нигилизмом [23].

Таким образом, изучение рецензионного творчества первого отечественного научно-исторического журнала «Русский архив» представ-

ляется нам весьма перспективным для понимания тенденций и направлений российской исторической науки начала XX в.

Примечания

1. *Худолеев А.Н.* Дискуссионные проблемы отечественной исторической науки на страницах журнала “Русский архив” (1863-1870) // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова / под общ. ред. Л.П. Репиной, Н.И. Недашковской. – М.: Аквилон, 2022. – С. 122-130.
2. *Худолеев А.Н.* Освещение проблемных вопросов российской истории в рецензионном отделе журнала “Русский архив” (1870-1880-е гг.) // Кубанские исторические чтения: мат-лы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 2 июня 2023 г.). – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2023. – С. 203-207.
3. *Худолеев А.Н., Худолеева М.Н.* Освещение проблемных вопросов российской истории в рецензионном отделе журнала “Русский архив” 1890-х гг. // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: мат-лы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новокузнецк, 5-6 декабря 2024 г.): в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Т.А. Евсина. – Кемерово: ФГБОУ ВО “Кузбасский гос. технич. ун-т им. Т.Ф. Горбачева”, ф-л КузГТУ в г. Новокузнецке, 2024. – С. 221-224.
4. *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1903. – Кн. 1. – С. 1-600.
5. *Титов А.А.* История канонизации святых в русской церкви Е.Е. Голубинского // Русский архив. – 1903. – Т. 111. – Вып. 1-4. – С. 425-429.
6. *Лебедев А.С.* Белгородские архиереи и среда их архиастырской деятельности (по архивным документам). – Харьков: типо-лит. “Печатное дело” кн. К.Н. Гагарина, 1902. – 258 с.
7. *Титов А.А.* Черное малороссийское духовенство былого времени // Русский архив. – 1903. – Т. 112. – Вып. 5-8. – С. 145-166.
8. *Титов А.А.* Список городовых воевод // Русский архив. – 1902. – Т. 109. – Вып. 9-10. – Об. 10 вып.
9. *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительенным актам. – СПб.: б.и., 1902. – 611 с.
10. *Барченев С.П.* История города Москвы. Сочинение Ивана Забелина // Русский архив. – 1902. – Т. 109. – Вып. 9-10. – С. 152-160.
11. *Брюсов В.Я.* Рец. на: Беляев И.С. Купеческое родословие как исторический источник. Чухломцы, посадские люди Юдины. – М., 1900 // Русский архив. – 1900. – Т. 103. – Вып. 9-12. – Об. 9 вып.
12. *Кедров С.И.* Рец. на: Ключевский В.О. Краткое пособие по русской истории. – М., 1899 // Русский архив. – 1900. – Т. 102. – Вып. 5-8. – С. 82-92.
13. *Барченев Ю.П.* Рец. на: Русская история от древнейших времен. Том третий. Н.М. Павлова. – М., 1900 // Русский архив. – 1900. – Т. 101. – Вып. 1-4. – С. 461-478.

14. *Бартенев Ю.П.* Рец. на: Русская история от древнейших времен (вторые пять веков первого тысячелетия) 1362-1862. Том второй. Н.М. Павлова. – М., 1904 // Русский архив. – 1904. – Т. 114. – Вып. 1-4. – Об 2 вып.
15. *Бартенев Ю.П.* Рец. на: Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) // Русский архив. – 1900. – Т. 101. – Вып. 1-4. – Об 1 вып.
16. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. – СПб.: тип. М.А. Александрова, 1908. – 687 с.
17. *Иловайский Д.И.* Библиографические заметки // Русский архив. – 1909. – Т. 130. – Вып. 5-8. – С. 158-160.
18. *Знойко Н.Д.* О походах Святослава на Восток // Журнал Министерства народного просвещения. – 1908. – Новая серия. Ч. XVIII. – С. 258-299.
19. *Козубский Е.И.* Новые книги по истории Кавказа (библиографические заметки) // Русский архив. – 1910. – Т. 132. – Вып. 1-4. – С. 126-133.
20. *Иваск У.Г.* Рец. на: Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Составил С.Р. Минцлов. Вып. I. – Новгород, 1911 // Русский архив. – 1912. – Т. 138. – Вып. 1-4. – С. 318-320.
21. *Бурдин Е.* Дворянский род Молостовых // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 131-135.
22. *Савелов Л.М.* Рец. на: Лодыженский И.Н. Родословная Молостовых. – СПб., 1900 // Русский архив. – 1901. – Т. 104. – Вып. 1-4. – Об. 1 вып.
23. *Савелов Л.М.* Рец. на: Яблочкин М.Т. Дворянское сословие Тульской губернии // Русский архив. – 1903. – Т. 112. – Вып. 5-8. – Об. 5 вып.

УДК 329/930(47)-055.2

ВАХРОМЕЕВА О.Б.
Россия, г. Санкт-Петербург

Бестужевки как номенклатурные и рядовые работники партии большевиков (обзор отечественной историографии и анализ источников)

В статье обозревается дореволюционная, советская и новейшая историография участия бестужевок в деятельности большевистской партии. Анализируется круг исторических источников, затрагивающих функционирование слушательниц и выпускниц Бестужевских курсов, как рядовых членов партии, так и номенклатурных работников.

Ключевые слова: бестужевки, член партии, РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС, историография, источники, революция.

Bestuzhev-women as nomenclature and ordinary party workers of Bolshevik party (review of national historiography and analysis of sources)

Article reviews the pre-revolutionary, Soviet and recent historiography of the participation of Bestuzhev-women in the activities of the Bolshevik party. The range of historical sources affecting the functioning of female students and graduates of the Bestuzhev courses, both ordinary party members and nomenklature workers, is analyzed.

Keywords: Bestuzhev-women, party member, RSDLP(b), RCP(b), CPSU(b), CPSU, historiography, sources, revolution.

Проблема роли слушательниц и выпускниц Высших женских (Бестужевских) курсов (в сокращении – ВЖК) в С.-Петербурге-Петрограде (1878-1918) в деятельности большевистской партии (РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС) тесно связана с вопросом об участии бестужевок в революционном движении, начиная с конца 1870-х гг., и политической жизни страны (Российской империи и СССР). Изучение темы отечественными исследователями следует разделить на три периода (дореволюционный, советский и новейший). В каждый из них, в силу менявшихся исторических реалий, предоставлялся доступ к различным видам источников. В конце первой четверти XXI в. изучение историографии и источников вопроса позволяют точнее проанализировать тему идейного служения бестужевок в качестве рядовых и номенклатурных работников делу большевистской партии.

Историография темы дореволюционного периода известна с рубежа XIX-XX в., она тесно связана с проведением I съезда РСДРП в 1898 г., решением об отделении «большинства» от меньшинства на II съезде российской социал-демократии в 1903 г., и с образованием в 1904 г. Бюро комитетов большинства при газете «Вперёд».

Старейшие члены партии, входившие в состав номенклатурных работников, указывали в биографических сведениях именно эти годы. Все они составляли часть «ленинианы». Например, супруга В.И. Ленина Н.К. Крупская (1869-1939), не окончившая ВЖК, была членом партии с 1898 г., как и его старшая сестра, бестужевка, также не окончившая курсы, А.И. Елизарова-Ульянова (1864-1935). К числу первых социал-демократок относилась однокурсница младшей сестры В.И. Ленина О.И. Ульяновой (1871-1891) и подруга Н.К. Крупской – А.А. Тахтарева (Якубова) (1869-1917), которая была соратницей Ильича, но в начале 1900-х гг. критиковала ленинский централизм [1, с. 34]. В 1898 г. в РСДРП вступила бестужевка Е.Ф. Пономарёва (Шиллер) (1875-1941), которая входила в редакцию «Искры» [1, с. 51]. Ветеранами пар-

тии были сёстры Невзоровы (обе в РСДРП с 1898 г.) – С.П. Шестернина (1868-1943) и З.П. Кржижановская (1870-1948). С 1902 г. партии беспрекословно служили на революционном и просветительском поприще Л.Р. Шаповалова (1873-1933) и О.И. Чачина (1872-1919) [2, с. 148,153, 157,167]. Последняя, по заданию Ленина, в 1890-е гг. исполняла роль «невесты», посещая в тюрьмах политических заключённых [1, с. 355]. Личный секретарь Ленина бестужевка Л.А. Фотиева (1881-1975) состояла в партии с 1904 г. В том же году в партию вступили её бестужевки-соратницы по боевой группе при ЦК РСДРП(б): Е.Н. Ванеева-Лосева (1876-1962), С.М. Морозова (Арамянц) (1887-1942), Е.Г. Смиттен (1883-1942); годом раньше – Ф.М. Кнунянц-Ризель (1885-1980), А.В. Савельева (Гусарова) (1886-1964) [2, с. 143,151,156, 161-162,165] и средняя из сестёр-бестужевок Познер – Софья Марковна (1873-1953) [3, с. 50-52]. Бестужевки, занятые революционной работой, отмечали преемственность своего участия в народовольческих и марксистских кружках, а также в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса» [1, с. 31-32,35-36]. Например, социалистка, член РСДРП с 1902 г. А.Я. Гуревич (1878-1942) примкнула к большевикам, входила в техническую группу [2, с. 147]. Активнейшей большевичкой, деятельницей женского рабочего движения, чьей фамилией назывались три ленинградские фабрики, была К.Н. Самойлова (Громова) (1876-1921) [1, с. 47]. Политические взгляды первых большевичек претерпевали определённую эволюцию. Например, Р.А. Тютрюмова (Абрамович) (1865-1920) до вступления в 1905 г. в ряды РСДРП(б) была социалисткой; большевичка П.Ф. Куделли (1859-1944) до 1903 г. считала себя убеждённой марксисткой [2, с. 140,153]. Ещё одним рубежом для партийцев-бестужевок, принадлежавших к номенклатуре, стала Первая русская революция 1905-1907 гг. В её период членами РСДРП(б) становились идейные слушательницы курсов. Например, государственный деятель, автор многочисленных воспоминаний, в том числе о женщинах- большевичках, член РСДРП(б) с 1905 г. В.Л. Швейцер (1887-1950), врач педиатр, большевичка с 1906 г. О.П. Ногина (Ермакова) (1885-1977) [2, с. 157,167].

Дореволюционная историография, освещавшая деятельность бестужевок-большевичек до Октябрьской революции 1917 г., раскрывает мемуарное наследие, затрагивает студенческое движение, особенно его агитационную и забастовочную стороны. Так, в 1907 г. на страницах журнала «Былое» участник «добролюбовской» демонстрации 17 ноября 1886 г. М.А. Брагинский вспоминал о пришедших на панихиду по случаю 25-летней годовщины смерти Н.А. Добролюбова на Волковское кладбище курсистках и преподавателях ВЖК [4, с. 309]. В сборнике

1906 г. идёт речь о протесте товарок против «холопских чувств» Совета профессоров, проявленных преподавателями курсов в верноподданническом адресе 1904 г. [5, с. 99-100]. Редакции «Искры», «Речи», «Нового времени», «Русской школы» освещали плановые и летучие сходки, в том числе на ВЖК (по случаю освобождения товарищей из дома предварительного заключения, на смерть Л.Н. Толстого, о прекращении занятий с началом революции, в связи с казнью бестужевок А. Венедиктовой и А. Мамаевой, по поводу введения входных билетов, против дела М. Бейлиса, по случаю юбилея Т.Г. Шевченко, в связи с арестом в ноябре 1915 г. большевиков – членов Государственной думы и др.) [2, с. 112-120]. Среди источников данного периода выделяются те, которые отражают революционную и общественную работу студенток (прокламации, воззвания, листовки, решения о забастовках, материалы Советской комиссии ВЖК, а также циркуляры, отчёты и доклады Департамента полиции и др.).

После создания в столице в ноябре 1895 г. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» деятельность революционеров активизировалась, что привело к увеличению арестов и ссылок среди товарок на курсах. Апогей студенческих волнений конца XIX в. пришёлся на 1899 г. К подпольщицам-бестужевкам присоединились главы курсовых организационных комитетов кассы взаимопомощи, что вызвало новую волну арестов. В.И. Ленин не пытался придать студенческому движению того периода политическую окраску, поэтому у сплотившейся в едином порыве массы учащейся молодёжи в столице не оказалось лидера [1, с. 44]. С начала 1905 г. бестужевки входили в боевую группу при ЦК РСДРП(б). На общестуденческой сходке 7 февраля 1905 г. курсистки из Объединённого комитета социал-демократической фракции высшей школы способствовали принятию резолюции о прекращении занятий на ВЖК до «изменения государственного строя» [1, с. 54]. Курсы опустели до осени 1905 г., после чего по настоянию директора профессора В.А. Фаусека они возобновили свою деятельность. Исключения с ВЖК, аресты и ссылки слушательниц участились в 1911 г., когда министром народного просвещения стал Л.А. Кассо. После кончины Фаусека курсы возглавил профессор С.К. Булич, который из-за забастовок бестужевок и срыва экзаменов объявил, что второй семестр 1910-1911 уч.г. им не будет засчитан. Лояльный к студенткам, руководитель курсов всеми силами старался сохранить учебное заведение и избежать негативных последствий для бестужевок, для которых нормой жизни стали однодневные забастовки, многочасовые сходки в стенах курсов, работа в землячествах, бюро труда, кассе взаимопомощи и др. В 1913 г. большевички-бестужевки и примкнувшие к ним беспартийные были

делегированы в Организационную комиссию по созыву Всероссийского студенческого съезда. В марте 1915 г. на ВЖК в связи с антивоенной деятельностью была арестована Объединённая социал-демократическая группа курсисток, существовавшая в разном составе с 1904 г. В апреле 1916 г. в учебном заведении возникла новая большевистская фракция, члены которой продолжили агитацию против войны, несмотря на постоянную угрозу арестов [1, с. 68-72].

В 1910-е гг. увеличилось число бестужевок, вступивших в члены РСДРП(б). Это были рядовые большевички, которых действовали в широкой партийной работе. Например, первая женщина заведующая статистическим отделом губернского земства в Курске, доктор математических наук, профессор В.С. Арнольд (Житкова) (1877-1963) на партийной работе состояла с конца 1890-х гг., с 1913 г. была членом РСДРП(б); с 1915 г. – агент ЦК партии в разъездах, выполняла личные поручения В.И. Ленина [6, с. 22]. Член большевистской фракции на ВЖК В.Ф. Алексеева (1891-1978) была принята в партию в 1914 г.; по указанию Ленина исполняла обязанности секретаря на Апрельской конференции 1917 г. и работала с ходоками в Смольном [1, с. 73; 2, с. 141]. Автор воспоминаний А.П. Добрякова (1893-1967) – член партии с 1916 г., верная заветам «вождя пролетарской революции», находилась на педагогической и руководящей работе в Вологде, Мелитополе, Киеве, Москве, Саранске [7, с. 87-89].

С июня 1917 г. В.И. Ленин, готовясь к вооружённому столкновению с властью, распорядился об увеличении численности партии. В это время ряды партийцев пополнились передовыми борцами с царизмом. Революционерка Нина Модестовна Быстрова (1895-1965), имевшая опыт серьёзной работы с 1910 г., в период революционных событий стала бойцом красногвардейской дружины, с 1925 г. работала бухгалтером [2, с. 143]. Зоя Ивановна Секретарёва (1893-1977), состоявшая на партийной работе с 1915 г., в годы Гражданской войны сражалась в партизанском отряде, в начале 1920-х гг. была секретарём Совета Министров Дальневосточной республики. В 1930 г. окончила политехнический институт в Ленинграде, работала инженером [2, с. 161]. Нина Михайловна Москвина (1897-1923), чьей фамилией с 1923 г. по 1998 г. назывался Троицкий проспект города на Неве, с 1915 г. вела агитационную деятельность среди рабочих Петрограда [1, с. 72]; в осенние дни 1919 г. она плечом к плечу встала вместе с ними у границ города против Северо-Западной армии Н.Н. Юденича. Она занималась партийной и профсоюзной деятельностью [2, с. 156].

Как и раньше, бестужевки-партийцы рисковали своей жизнью, подвергались арестам, ссылкам, погибали от рук карателей. Годы Ок-

тябрьской революции 1917 г., Первой мировой войны (1914-1918) и Гражданской войны (1918-1922) стали периодом невосполнимых потерь. Например, в 1918 г. на Южном Урале у Златоуста при переходе колчаковского фронта были убиты молодые бестужевки-большевички, две подруги Татьяна Боголепова (1894-1918) и Александра Лихачёва (1894-1918) [2, с. 142,155]. Врач, супруга учёного-геолога, комиссара Пятигорска С.П. Ершова, младшая из сестёр Познер – Нина Марковна (1878-1919), благодаря деятельности средней сестры, была хорошо знакома с подпольной борьбой. В РСДРП(б) она вступила вместе с мужем после октября 1917 г. Отступая из Пятигорска в январе 1919 г. в составе 12-й армии с обозами от приближающихся Вооружённых сил Юга России, она не думала даже о своих детях, её заботили лишь больные тифом военнослужащие. Всех заболевших, среди которых оказалась и Нина Марковна, красные оставили в деревне Березняк у Каспийского залива. Туда ворвались бесчинствовавшие и не подчинявшиеся приказам А.И. Деникина казачьи отряды (казаки расстреляли С.П. Ершова и старшего сына Михаила); пришедшая в себя уже весной, Нина Марковна, узнав об этом, сошла с ума на глазах своих младших детей. Трагедия заставила пересмотреть свою активную роль Софью Марковну Познер, которая отстранилась от технической работы в партии и посвятила остаток жизни увековечению памяти тех, кто погиб в борьбе с врагами Советской власти, став простой сотрудницей [3, с. 52-53].

Советскую историографию вопроса условно можно разделить на три подпериода (конец 1910-х гг.-1920-е гг., 1930-1950-е гг., 1960-1980-е гг.).

Придя к власти, большевики рассекречивали различные сведения и документы, призванные продемонстрировать некомпетентность царского режима, в том числе по «женскому вопросу». Например, в «Былом» в 1918 г. был опубликован рескрипт императора Николая II от 10 июня 1902 г. управляющему Министерством народного просвещения Г.Э. Зенгеру, занимавшемуся подготовкой нового университетского устава, о запрете открывать в университетских городах новые высшие женские учебные заведения и о борьбе с революционным студенчеством [8, с. 63-64].

Об участии бестужевок в революционном движении в 1920-е гг. писали историк, архивист С.Н. Валк в статье «Студенческий союз и казнь 8 мая 1887 года» и публицист, мемуарист И.И. Попов в сборнике, посвящённом первомартовцам. Первый раскрыл деятельность бестужевки В. Казакевич в «Союзе объединённого петербургского студенчества» [9, с. 226-227]. Второй написал об одном из первых на ВЖК революционном кружке [10, с. 78-79]. Бестужевка, сестра милосердия в го-

ды Первой мировой войны Т.И. Шатилова, эмигрировавшая из Советской России, стала автором воспоминаний; в 1923 г. в «Русском прошлом» была опубликована её заметка о сходке на ВЖК по случаю начала Русско-японской войны 1904-1905 гг. [11, с. 156] В «Красном студенчестве» С. Боголепов вспоминал о роли бестужевок (Т. Боголеповой, В. Лапиной и др.) в составе социал-демократической группы на ВЖК [12, с. 90-96]. Публицист П.Ф. Куделли писала в 1924 г. в «Красной летописи» о своём участии вместе с товарками-бестужевками в работе Лахтинской типографии и их аресте [13, с. 53-54, 85-87]. Наиболее востребованным сюжетом у мемуаристов 1920-1930-х гг. стало продолжение «дела» о Лахтинской типографии; они писали о самосожжении бестужевки М.Ф. Ветровой и последовавшей за ним бурной реакция студенчества. На страницах «Былого», «Каторги и ссылки», в виде брошюр свои заметки оставляли участники «ветровской демонстрации» у Казанского собора 4 марта 1897 г. Например, публицист Н. Ростов, критик и литературовед М.М. Могилянский и др. [2, с. 114]

На рубеже 1910-х – начала 1920-х гг. бестужевки продолжали вступать в партию, поскольку, помимо образования и опыта работы, для занятия ответственных должностей требовалась «партийность». Приведу два примера, рядового и номенклатурного работника партии конца 1910-х – 1960-х гг. Выпускница ВЖК, педагог, «Заслуженный учитель РСФСР» М.П. Кувшинская (Опарина) (1891-1973) после гибели в годы Первой мировой войны супруга одна воспитывала дочь. Членство в РКП(б) позволило ей преподавать на рабфаке Томского университета с 1924 г. по 1935 г., затем она перешла в Томский педагогический институт. Мария Петровна до выхода на пенсию ни на один день не прерывала работу в школе (в Томске она трудилась в базовой школе № 43). Будучи большим книголюбом, она организовала кружок для школьников, в котором вела занятия [14, с. 117-118]. Другой пример связан с деятельностью библиотекаря Шушаники Мкртычевны Манучарьянц (1889-1969), которая вступила в РКП(б) в 1918 г. С 1920 г. и по 1924 г. бестужевка была личным библиотекарем В.И. Ленина, а после его кончины и до 1930 г. – Н.К. Крупской. Ш.М. Манучарьянц известна как крупнейший знаток наследия Ленина и Крупской. До выхода на пенсию в 1956 г., она служила старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС [2, с. 155].

В советской историографии 1930-1950-х гг. изменился характер публикуемых воспоминаний. Мемуаристки-бестужевки писали исключительно о роли семьи Ульяновых-Лениных в революционном движении. Например, писательница и переводчица З.А. Венгерова делилась

воспоминаниями о поднесении адреса М.Е. Салтыкову-Щедрину 8 ноября 1886 г. ею и А.И. Ульяновой [15, с. 290-292].

В 1930-е гг. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев продолжило традицию публикации материалов, связанных с деятелями революционного движения. В многотомном био-библиографическом словаре встречаются биографии бестужевок-большевичек. Например, выпускницы Цюрихского университета, доктора философии, члена РКП(б) 1920 г. М.Н. Белокопытовой (1872-после 1930) [16, стлб. 292], которая трудилась на партийном и педагогическом поприще. Большая часть её публикаций конца 1910-х – начала 1930-х гг. посвящена теме социально-политической работы с подростками [2, с. 142].

В 1930-е гг. бестужевок-большевичек остро затронули политические репрессии, происходившие в СССР. Несмотря на заслуги в деле партийного и государственного строительства, их исключали из партии, лишали партбилетов и бросали в заточение. Автор воспоминаний, редактор ЛИТХа Елена Александровна Гилярова (1896-1988) – член РСДРП(б) с мая 1917 г.; агитатор среди солдат, медсестра в боях под Пулково, подпольщица на Украине, арестовывалась деникинской контрразведкой, но бежала до полевого суда; в 1936-1937 гг. дважды исключалась из партии, подверглась высылке, в Ленинград вернулась в 1954 г. и вскоре была реабилитирована [17, с. 304-305,351]. Член марксистских кружков и политического Красного Креста на ВЖК, пропагандист и преподаватель комвузов Вера Николаевна Лапина (1894-1976) вступила в РСДРП(б) в 1916 г. [2, с. 154]; в 1937 г. как член семьи изменника Родины была исключена из партии и с 1938 г. отбывала наказание в течение восьми лет в тяжелейших условиях Акмолинского отделения Карлага (освобождена в июле 1945 г.). Она стала автором воспоминаний [18, с. 237].

Накануне Великой Отечественной войны (1941-1945) и в военный период партия большевиков увеличила численность первичных организаций. Бестужевки, пополняя партию, не стали исключением. В 1940 г. в партию вступила преподаватель истории в школах Петрограда-Ленинграда, пропагандист, лектор по вопросам коммунистического воспитания Мария Азарьевна Красовская (Курочкина) (1892-после 1960), которая в 1953 г. защитила диссертацию на степень кандидата педагогических наук на тему «Проблема подведения учащихся средней школы к марксистско-ленинскому пониманию истории (на материале изучения истории первой буржуазно-демократической революции в России)» [17, с. 320-321]. Заслуженный учитель РСФСР, методист Валентина Петровна Ганзен (Меглицкая) (1893-после 1960) начала свой партийный путь в 1941 г. [17, с. 304-305,351] Преподаватель высшей школы в Глу-

хове, Ленинграде, Луганске, Красноярке Ольга Порфириевна Алексеева (1891-после 1960) вступила в ВКП(б) в январе 1945 г., после чего перешла на руководящую должность и была избрана депутатом [17, с. 292-293]. Эсфирь Абрамовна Корольчук (1890-1976) стала членом партии в 1945 г.; была сотрудницей Истпарта, Центрархива, Ленинградского отделения Института истории АН СССР, в 1947-1949 гг. преподавала на кафедре марксизма-ленинизма Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена. В 1948 г. за монографию «Северный союз русских рабочих» бестужевка была удостоена докторской степени по истории [17, с. 318-319].

После войны член РСДРП с 1898 г. Е.Д. Стасова (1873-1966), племянница одной из основательниц Бестужевских курсов Н.В. Стасовой, для журнала «Советская женщины» написала о героическом прошлом женщин своей семьи [19, с. 49-50]. В 1955 г. под редакцией Елены Дмитриевны вышел сборник о нелегальных библиотеках революционных организаций, в которой она упомянула о революционной работе З.П. Кржижановской (Невзоровой) [20, с. 53]. Историк Р.А. Казакевич, исследуя состав участников «шелгуновской» демонстрации 15 апреля 1891 г., назвала имена бестужевок-участниц [21, с. 129-130]. В последующем Роза Абрамовна развивала в своих работах тему участия студенчества в революционном движении. В 1958 г. архивист Л.И. Полянская впервые в специализированном журнале осветила материалы Центрального государственного исторического архива Ленинграда по истории высшего женского образования, не обойдя тему участия бестужевок-большевичек в революционной борьбе [22, с. 224-226].

Советская историография 1960-1980-х гг. характеризовалась несколькими направлениями. Историки продолжили изучать революционное студенчество, в том числе обращались к работе отдельных организаций и рассматривали биографии некоторых участниц движения. Данная проблематика прослеживается в трудах С.С. Волка, Н.Г. Сладкевича, Г.А. Тишкина, А.И. Иванова и др.; в статьях Б.С. Итенберга, З.П. Базилевой, Л.Д. Филипповой, Т.Б. Никитиной, И.Б. Брайнина, И.Н. Ковалёвой и др. [23, с. 6-7]

Особняком стоит первая монография по истории Бестужевских курсов, которую написала историк Э.П. Федосова в 1980 г. В четвёртой главе под названием «Слушательницы Бестужевских курсов в революционном движении», созданной по материалам статьи С.И. Стриевской [1, с. 30-74], речь идёт о бестужевках-народницах, бестужевках-марксистках и бестужевках-большевичках [24, с. 98-129].

Выпускница ВЖК 1915 г. София Иосифовна Стриевская (Рабинович) (1893-1982) принимала участие в Октябрьской революции и Граж-

данской войне. В РСДРП(б) состояла с 1915 г., работала во ВЦИК и Всесоюзной книжной палате. В 1938 г. как член семьи изменника Родины была приговорена к восьми годам лагерных работ в Акмолинском отделении (освобождена в августе 1943 г., но из Казахской ССР смогла уехать только на следующий год [18, с. 339]. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. возглавила организацию московских бестужевок, поддержала идею издания сборников материалов. София Иосифовна работала с фондами государственных архивов, писала статьи, выступала с докладами на встречах с товарищами, искала в Москве помещение для архива общественной организации и решала вопрос о её финансировании [17, с. 6,31-33,340-341]. Посчитав основные задачи выполненные, С.И. Стриевская передала в 1961 г. функции председателя Московского бюро Т.В. Поссе, а после её кончины – А.И. Эттингер [17, с. 143].

Революционной работе бестужевок были посвящены публикации исторических источников в серии «Литературное наследство» и «Материалах по истории ЛГУ». Заслуживают внимание введённые в научный оборот источники – доклады начальника Петербургского охранного отделения министру внутренних дел о волнениях бестужевок в связи с кончиной Л.Н. Толстого в ноябре 1910 г.; рапорты полицмейстера III Отделения петербургскому градоначальнику о демонстрации студентов 11 ноября 1910 г. на Невском проспекте с лозунгами «Долой смертную казнь» и др. [2, с. 117]

В качестве отдельного направления историографии следует выделить краеведческую литературу; она многочислена и менее систематизирована. Её отличает любовь к родной земле и бережное отношение к её истории. В 1960-1980-е гг. в краеведческих сборниках публиковались воспоминания бестужевок-партийцев, например, в 1965 г. сестры Невзоровы, поддержав сормовские пролетарские традиции, оставили небольшие заметки [25, с. 29-47].

В конце 1950-х – начале 1980-х гг. бестужевки в возрасте 60-90 лет – члены объединённой организации бестужевок, состоявшей из Ленинградского Комитета и Московского Бюро, занимались сбором материалов по истории курсов, обрабатывали, систематизировали письменные, изобразительные, вещественные и иные источники. Особое внимание ими уделялось воспоминаниям товарищей о студенческих буднях и профессорско-преподавательском составе курсов. На основании материалов создавались сборники воспоминаний. Так, было выпущено два сборника. Первый – «С.-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878-1918: сборник статей» (Л., 1965); в 1973 г. был переиздан. Второй – «Бестужевки в рядах строителей социализма» (М.,

1969)». Отдельная значительная работа была проделана по составлению библиографического указателя – «Высшие женские (Бестужевские) курсы» (М., 1966). Деятельность бестужевок – членов партии большевиков раскрывается в статье «Участие бестужевок в революционном движении», написанной С.И. Стриевской при участии библиографа, заместителя председателя Московского Бюро Е.Н. Яковлевой и библиотекаря, главы библиографической комиссии бестужевского объединения в Москве З.А. Евтеевой (Друзьяк). В основу были положены материалы государственных архивохранилищ, фрагменты мемуаров, собранные в архиве объединения и личные воспоминания. Эта статья оказалась первым исследованием о жизни и работе бестужевок-партийцев. Поскольку её писали в конце 1950-х – начале 1960-х гг. участницы далёких событий, а текст её выверялся, помимо товарищей-бестужевок, многочисленными рецензентами и редакторами, она отражала субъективный взгляд на прошлое. Например, ни в этой статье, ни в одной книге объединения не говорилось о негативной роли партии в судьбах бестужевок, на отдельные темы (политические репрессии, эмиграция и др.) существовало строгое табу. Бестужевские сборники, написанные на обширной источниковской базе, в силу ряда причин, уже сами стали историческими источниками.

В новейший период историографии изучение большевистской партийности бестужевок перекликается с биографикой. Например, при публикации блокадного дневника Наталии Александровны Энман (1889-1961) М.Ю. Вахтина воссоздала биографию историка искусств, художника-иллюстратора, сотрудницы Музея С.М. Кирова, подробно осветив вопрос её вступления в ВКП(б) в 1940 г. По материалам Центрального государственного архива историко-политических документов выяснились «препятствия», с которыми пришлось столкнуться Энман при обсуждении её кандидатуры в партбюро музея (социальное происхождение отца, излишняя замкнутость, сосредоточенность на научной работе, саботирование дела революции и др.) [26, с. 398-399].

Иную направленность теме позволяет придать обращение к новым видам источников. Например, чтобы выяснить численность и персоналии номенклатурных и рядовых работников КПСС из числа бестужевок, автором статьи было предпринято разыскание и изучение анкет бестужевок-партийцев, сосредоточенных в архиве бестужевской организации, материалы которого автор систематизировала около десяти лет. В 2015 г. ею была издана монография об объединённой деятельности бестужевок в 1950-1970-е гг. [17] Перечень анкет бестужевок – источник, который обобщает сведения о восьми десятках бестужевках-большевичках; он не полный, его надлежит дополнять и уточнять, но

уже сейчас он может претендовать на репрезентативность. Анкет было несколько видов. Первые возникали стихийным образом, когда возникла мысль пригласить в Актовый зал ЛГУ 21 марта 1959 г. всех, кто имел отношение к Бестужевским курсам, по случаю их 80-летия. Второй вариант анкеты из 16-ти пунктов (в пункте 8 спрашивалось «состоите ли членом партии, с какого года») появился в конце 1959 г. Данную анкету, которая содержала подробную инструкцию по заполнению, рассылали бестужевкам в разные города и страны с надеждой, что они откликнутся и напишут воспоминания для сборников по истории ВЖК. Организаторами объединения с 1959 г. по 1961 г. было получено 229 заполненных анкет, в которых только 8 бестужевок указали партийность. Многие не заполняли пункт о партийности или писали «б/п» (т.е. беспартийная). Третий вариант анкеты из 19-ти пунктов (пункт 16 касался членства в КПСС) был разработан в момент составления библиографического указателя (1959-1962 гг.). Из 442-х персоналий, чьи данные содержит указатель, 67 назвали принадлежность к партии. Ответы на анкету продолжали поступать, т.к. работа с редактурой рукописи издания затянулась до 1966 г., но данные о бестужевках не дополнялись, а лишь сокращались. В 2015 г. данные оставшихся анкет были опубликованы, они содержат сведения о 19-ти бестужевках- большевичках. На основе сохранившихся анкет организаторы объединения создали «Учётную карточку бестужевки». Всего было заполнено две тысячи карточек, в которых 13-й пункт сообщал о партийности [17, с. 15-18,291-358].

Тема номенклатурных и рядовых членов КПСС из числа бестужевок интересна и перспективна потому, что является частью биографии, а возможность привлечения новых источников позволяет раскрыть её более полно и объективно.

Примечания

1. Стриевская С.И. Участие бестужевок в революционном движении / Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878-1918 гг.): сборник статей. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1965. – С. 30-74.
2. Высшие женские (Бестужевские) курсы: библиограф. указ. – М.: Книга, 1966. – 192 с.
3. Вахромеева О.Б. Бестужевки сёстры Познер в науке и революционной борьбе // Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература. – СПб.: Петербургский институт иудаики, 2018. – С. 47-54.
4. Брагинский М.А. О Добролюбовской демонстрации (из личных воспоминаний) // Былое. – 1907. – № 5. – С. 306-309.
5. Энгель Г., Горохов В. Из истории студенческого движения. 1899-1906. – СПб.: В.К. Сердаковский, 1906. – 128 с.

6. Зорохович-Рубашева А.И., Эльяшева-Красинская С.А., Соловьёва О.В. Юристы и статистики // Бестужевки в рядах строителей социализма. – М.: Мысль, 1969. – С. 18-26.
7. Добрякова А.П. Путь педагога-большевика // Бестужевки в рядах строителей социализма. – М.: Мысль, 1969. – С. 85-89.
8. Заметки Николая II о народном образовании // Былое. – 1918. – № 2. – С. 60-66.
9. Валк С.Н. Студенческий союз и казнь 8 мая 1887 года // Красный архив. – 1927. – Т. 2. – С. 226-227.
10. Попов И.И. Революционные организации в Петербурге в 1882-85 гг. / Народовольцы после 1-го марта 1881 г.: сб. ст. и мат-лов, составл. участниками народовольческого движения. – М.: Всесоюзное об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1928. – С. 49-80.
11. Шатилова Т.И. Отклики японской войны в высшей школе // Русское прошлое. – 1923. – Т. 4. – С. 154-158.
12. Боголепов С. Студенчество в годы подполья // Красное студенчество. – 1927-1928. – № 4-5. – С. 90-96.
13. Куделли П.Ф. Народовольцы на перепутье. (Дело Лахтинской типографии) // Красная летопись. – 1924. – № 2. – С. 53-90.
14. Берцун Л.Л., Найгороденко Л.М. Мария Петровна Кувшинская и её личная библиотека в составе основного фонда Научной библиотеки ТГУ // Образование в Сибири: актуальные проблемы истории и современность: мат-лы регион. науч. конф. (Томск, 22-24 ноября 2001 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 116-120.
15. Венгерова З.А. Из записок современницы // Звезда. – 1930. – № 9-10. – С. 290-292.
16. Белокопытова Мария Николаевна // Деятели революционного движения в России: био-библиограф. словарь. – Т. 5. Социал-демократы. 1880-1904. Вып. 1. А-Б / сост. Э.А. Корольчук, Ш.М. Левин. М.: Всесоюз. об-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. – Стлб. 291-293.
17. Вахромеева О.Б. Их дань Бестужевским курсам: объединённая деятельность бывших бестужевок в 50-70-е годы XX века. – СПб.: Лема, 2015. – 444 с.
18. Узницы “АЛЖИРа”: Список женщин-заключённых Акмолинского и других отделений Карлага / сост. Г.Н. Карсакова и др. – М.: Звенья, 2003. – 573 с.
19. Стасова Е.Д. Из истории высшего образования в России // Советская женщина. – 1946. – № 4. – С. 49-50.
20. Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России: сб. мат-лов / под ред. Е.Д. Стасовой. – М.: б.и., 1955. – 162 с.
21. Казакевич Р.А. “Шелгуновская демонстрация” и студенчество Петербургского университета // Вестник Ленинградского университета. – 1949. – № 11. – С. 126-133.
22. Полянская Л.И. Документы к истории высшего образования в России // Исторический архив. – 1958. – № 1. – С. 222-227.
23. Вахромеева О.Б. Духовное пространство университета: Высшие женские (Бестужевские) курсы. 1878-1918 гг. Исследования и материалы. – СПб.: Диада, 2003. – 352 с.

24. *Федосова Э.П.* Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878-1918) / под ред. Э.Д. Днепрова. – М.: Педагогика, 1980 – 144 с.
25. Славные наши землячки: сб. ст. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1968. – 367 с.
26. *Вахтина М.Ю.* Блокадный дневник Наталии Александровны Энман // Археологические вести. – Вып. 27. – 2020. – С. 392-417.

УДК 94/329:355.016/327.2

БИТКОВ И.С.
Россия, г. Краснодар

Антимилитаризм Г.П. Максимова как компонент критики империализма: перспективы исследования

В статье обозначены актуальность и новизна исследования антимилитаристских взглядов Г.П. Максимова. В работе представлена методологическая база изучения антимилитаризма Г.П. Максимова как составной части антиимпериалистической критики. Указаны цели и задачи, которые подлежат решению, чтобы определить специфику антимилитаризма Г.П. Максимова.

Ключевые слова: Г.П. Максимов, анархизм, антимилитаризм, империализм, мировая война, исследование.

Bitkov I.S.,
Russia, Krasnodar

Antimilitarism of G.P. Maksimov as an integral part of the criticism of imperialism: research prospects

Article outlines the relevance and novelty of the study of the anti-militaristic views of G.P. Maksimov. The work presents a methodological basis for studying the anti-militarism of G.P. Maksimov as an integral part of anti-imperialist criticism. The goals and objectives that must be addressed in order to determine the specifics of G.P. Maksimov's anti-militarism are indicated.

Keywords: G.P. Maksimov, anarchism, anti-militarism, imperialism, world war, research.

Антимилитаризм традиционно выступал против роста военной мощи отдельных государств. Так, анархисты видели в антимилитаризме средство борьбы с чрезмерной милитаризацией, используемой государством как средство подавления, и поэтому крайне резко ее критиковали [1]. В периоды империалистических конфликтов анархисты остро реагировали на милитаризацию. Григорий Петрович Максимов (1893-

1950) – видный российский теоретик анархизма, эмигрант, журналист. Он внес заметный вклад в теоретический анализ международной обстановки накануне Второй мировой войны. Его деятельность и публицистика в обозначенный период освещены в работах исследователей Д.И. Рублева [2], Н.И. Герасимова [3] и др. Работы данных авторов представляют немалый интерес, однако их слабой стороной является чрезмерная описательность исторической действительности, без углубленного анализа контекста, в котором существовал объект и предмет исследования.

Творчество Г.П. Максимова требует подробного освещения. Исследование теоретических взглядов Г.П. Максимова актуально в силу его особой роли в либертарной среде – роли авторитетного мыслителя с богатым практическим опытом. Антимилитаристские взгляды Г.П. Максимова стали частью радикальной анархистской критики империализма 1930-х годов. Они формировались в специфических условиях: оторванности от европейского анархистского движения и разобщенности сообщества либертариев. Потому автор данной статьи ставит целью своего исследования анализ специфики антимилитаристских взглядов Г.П. Максимова как важного компонента радикального осмысления противоречий империализма. Для этого необходимо раскрыть представления Г.П. Максимова на природу государства и роль насилия в развитии общества. Причем при этом необходимо учесть, каких оценок придерживался мыслитель в отношении «диктатуры пролетариата» и фашистских режимов. В рамках исследования предстоит выявить корреляцию между взглядами Г.П. Максимова на государственное насилие и его спецификой антимилитаризма. Предложенный комплексный взгляд на изучаемую проблему определяет новизну исследования.

Методологическую основу исследования следует выстраивать через историко-генетический метод, позволяющий выявить преемственность между аспектами анархистского мировоззрения Г.П. Максимова, помогающими проанализировать взаимосвязь кризиса империализма и антивоенной риторики Г.П. Максимова. Историко-сравнительный метод даст возможность проследить изменение антимилитаристской риторики в контексте меняющейся международной обстановки. Для разрешения проблемы, поставленной в исследовании, стоит опираться на формационный подход к изучению истории, который позволит раскрыть сложную картину идеологических представлений Г.П. Максимова сквозь призму объективных факторов: социальную базу анархического учения и общественно-экономическое развитие мировой экономики перед Второй мировой войной. Ожидаемый результат исследования – формирование концептуального взгляда на идеологические уст-

новки Г.П. Максимова в период обострения империалистических противоречий в 1930-е гг. Антимилитаристские устремления Г.П. Максимова при этом видятся автором статьи как следствие антикапиталистической и антигосударственной риторики анархо-теоретика.

Начиная с 1933 г. в публицистике Г.П. Максимова появились прогнозы мировой войны [4]. Он предвидел более кровопролитный конфликт, чем Первая мировая война, т.к. будущие стороны конфликта разрабатывали оружие массового поражения. В гипотетической мировой войне Г.П. Максимов выделял два противоборствующих блока: первый – старые капиталистические державы (Великобритания, Франция), второй – страны «модернизированного» капитализма – фашистские Германия, Италия и Япония. СССР, что типично для русской анархо-диаспоры, относился им ко второму блоку, чья внешняя политика, однако, отвечала интересам Великобритании (как в случае с нейтралитетом СССР в Гражданской войне в Испании) [5]. Причиной конфликта Г.П. Максимов видел колониальные интересы и существование фашистских диктатур, для которых милитаризация – единственное средство существования. Следовательно, борьба против всякого фашизма (включая «диктатуру пролетариата» и буржуазные демократии) для Г.П. Максимова одновременно означала и борьбу против милитаризма. И остановить агрессию империалистов, по его мнению, возможно через организованное сопротивление рабочего класса [6].

Таким образом, антимилитаризм понимался им как революционный акт против империализма и государства. Специфика понимания «фашистской диктатуры» объясняется анархистским сведением роли государства к аппарату подавления и жизнью в американской демократии, что могло приводить к недооценке особенностей фашизма.

В заключение отметим, что исследование построено на основе публицистического творчества Г.П. Максимова в предвоенный период. Отличительная черта подобной работы – возможность комплексного анализа мировоззренческой системы Г.П. Максимова, где антимилитаризм – установка, предопределенная историческими взглядами анархиста на развитие государства и внешним контекстом, в котором находился теоретик. Антимилитаризм Г.П. Максимова видится не только как борьба против милитаризации государств для последующего колониального обогащения, но и революционная борьба против империализма.

Примечания

1. Рябов П.В. Между активным ненасилием и вынужденной самообороной (анархистские ответы милитаризму) // Анархизм в случае войны: сб. либертарных

статей / предисловие П. Рябова. – М.: изд. кооператив “Напильник”, 2023. – С. 5-16.

2. *Рублев Д.И.* Русские анархисты в Испанской гражданской войне // Гражданская война в Испании: известное и неизвестное: сб. ст. / под ред. А.Ю. Фёдорова и Ю.В. Фетисова. – М.: URSS, Ленанд, 2018. – С. 201-229.

3. *Герасимов Н.И.* “Поражение Гитлера есть необходимое условие революции”: из редакционной переписки журнала “Дело труда – Пробуждение” (март-апрель 1941 г.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. – 2019. – № 9. – С. 393-408.

4. *Максимов Г.П.* Шанхаизация мира // Дело труда (Чикаго). Орган федерации русских рабочих орг. Соединенных Штатов и Канады. – 1933. – № 68. – С. 1-3.

5. *Максимов Г.П.* Будет ли война? // Дело труда (Чикаго). – 1938. – № 101. – С. 2.

6. *Максимов Г.П.* Наши позиции (резолюция Федерации русских анархокоммунистических групп Соединенных Штатов и Канады) // Дело труда (Чикаго). – 1934. – № 82. – С. 2.

УДК 94(519):930”21”

УЛЕЗКО Б.В.

Россия, г. Краснодар

Социально-экономическое и оборонное развитие КНДР в XXI в.: источники и историография

В статье названы причины дефицита русскоязычной информации о военном и социально-экономическом развитии КНДР в современный период. Дан обзор монографий и статей российских ученых: корееведов, историков, специалистов по международным отношениям и по военно-техническим вопросам. Кратко охарактеризованы наиболее значимые аналитические публикации. Автором рассмотрены работы авторитетных зарубежных экспертов, содержащие богатый фактический материал. В статье перечислены наиболее объективные электронные ресурсы по исследуемой теме.

Ключевые слова: КНДР, историография, социально-экономическое развитие, оборона, исследования, монографии, статьи, эксперты, электронные ресурсы.

**Ulezko B.V.,
Russia, Krasnodar**

**Socio-economic and defense development of DPRK in 21st century:
sources and historiography**

Article identifies the reasons for the shortage of Russian-language information on the military and socio-economic development of DPRK in the modern period. An overview of monographs and articles by Russian scientists is given: Korean scholars, historians, specialists in international relations and military-technical issues. The most significant analytical publications are briefly described. The author examines the works of reputable foreign experts, which contain rich factual material. The article lists the most objective electronic resources on the topic under study.

Keywords: DPRK, historiography, socio-economic development, defense, research, monographs, articles, experts, electronic resources.

Проведенное, начиная с 2018 г., автором предлагаемой статьи исследование оборонного строительства и некоторых сторон социально-экономического развития КНДР в XXI в., потребовало поиска и изучения источников информации в условиях их дефицита. Северную Корею принято называть «самой закрытой страной в мире». Такая оценка не вполне соответствует действительности, есть и более закрытые страны, особенно те, которые не являются субъектами международных отношений – они просто не вызывают интереса у исследователей. В отношении КНДР спорным вопросом является то, закрылась ли она от внешнего мира сама, или, в большей степени, ее закрыли снаружи. Но дефицит информации о КНДР последних десятилетий – это реальность. Это относится не только и не столько к российской науке и СМИ, а представляет собой общемировое явление. Речь идет даже не о количестве информации, но, прежде всего, о ее содержании.

С тех пор, как в конце 1989 г. руководство СССР во главе М.С. Горбачевым передало социалистические страны Восточной и Юго-Восточной Европы под контроль Запада, в отношении КНДР закрепились установочные или, если угодно, директивные оценки и подходы. Базовая оценочная установка гласила, что «Северная Корея – бедная и отсталая страна с тоталитарным режимом», а директивный прогноз сводился к тому, что «в ближайшие 2-3 года в Северной Корее рухнет тоталитарный коммунистический режим». В силу того, что с начала 1990-х гг. считалось, что «Россия окончательно вернулась в семью цивилизованных наций», данные установки озвучивались и основными российскими СМИ, и, соответственно, проникли в отечественную науку. Отношение российского руководства к КНДР также мало отличалось от отношения «наших западных партнеров». Однако с 2014 г. оно стало медленно меняться, а с весны 2022 г. перемены стали быстрыми и радикальными.

Так или иначе, но многие отечественные ученые (корееведы, историки, специалисты по международным отношениям, исследователи военной и военно-технической проблематики) публиковали объектив-

ные, подлинно научные работы о КНДР. За последние 15 лет их число и качество существенно возросли. Инициировали рост интереса к Северной Корее и развитие ее ракетно-ядерной программы, и появление нового молодого лидера Ким Чен Ына.

При разработке изучаемой темы широко использовались фактические данные, положения и выводы из публикаций российского корееведа Константина Валериановича Асмолова. Книга «Не только ракеты. Путешествие историка в Северную Корею» стала результатом поездок ученого в КНДР в 2016-2017 гг. В ходе этих командировок он общался с ее высокопоставленными учеными и функционерами. Эта книга содержит путевые заметки, конспекты лекций, ответы на «часто задаваемые вопросы» [1].

Важным событием стало издание монографии К.В. Асмолова и Л.В. Захаровой «Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012-2021)». В данном капитальном труде рассмотрены основные тенденции и результаты развития КНДР во внутренней политике, экономике и военной сфере в 2012-2021 гг., то есть в первое десятилетие правления Ким Чен Ына. Показаны изменения в политическом и экономическом механизмах Северной Кореи, а также итоги развития страны в части укрепления ее оборонных возможностей и внешнеполитических позиций. Глава 3 «Военное строительство в Северной Корее при Ким Чен Ыне» и глава 4 «Экономическая политика нового лидера и развитие экономики КНДР в 2012-2021 гг.» данного труда наиболее полезны для нас из-за соответствия нашим научным интересам [2].

В статьях К.В. Асмолова, опубликованных в последние годы, раскрыты следующие вопросы: несоблюдение США «Рамочного соглашения» 1994 г. по ядерной проблеме КНДР [3]; уход темы «денуклеаризации КНДР» из повестки реальной политики [4]; «новая» северокорейская политика Джо Байдена [5]. Не сторонится ученый и военно-технической проблематики [6]. В статье «Ядерный потенциал КНДР» ученый констатировал, что современная КНДР является полноправным членом ядерного клуба. Её ракетно-ядерный потенциал перешёл планку минимального сдерживания и является важным фактором предотвращения военного конфликта на Корейском полуострове. США придётся научиться жить с осознанием того, что северокорейское ядерное оружие будет нацелено на континентальную часть Америки. В статье в виде таблицы отражены представления западных (включая японских и южнокорейских) экспертных структур и отдельных экспертов о размерах северокорейского ядерного арсенала. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ученым и инженерам КНДР приписывается ис-

пользование ядерных технологий 1940-х гг. Это ведет к очень значительному (с нашей точки зрения – в разы, если не на порядок) приуменьшению возможностей страны [7]. К.В. Асмолов также подробно исследовал новую ядерную доктрину КНДР [8] и рассмотрел вопрос о том, является ли Северная Корея ядерной державой [9].

Здесь упомянуты только те работы К.В. Асмолова, которые прямо способствовали разработке названной темы. Однако у авторитетного корееведа круг научных интересов существенно шире.

В последние годы обстоятельные аналитические работы по военно-политическим и, отчасти, военно-техническим аспектам ракетно-ядерного развития КНДР опубликовала Анастасия Олеговна Баранникова (канд. ист. наук, научный сотрудник Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток). В своих публикациях она опирается на широкий круг отечественных и зарубежных источников, причем уровень ее аналитики высок, как и точность прогнозов. А.О. Баранниковой обстоятельно рассмотрена проблема взаимосвязи внешней политики КНДР и ракетно-ядерного фактора. Еще в 2018 г. она сделала вывод о том, что «ужесточение позиции по ракетно-ядерной программе говорит о том, что на данном этапе создание ядерного потенциала имеет для северо-корейского руководства большее значение, чем внешняя политика. Это позволяет предположить, что КНДР начнёт проводить последовательную внешнюю политику и налаживать экономические связи с внешним миром после достижения всех целей своей ракетно-ядерной программы, то есть уже в качестве ядерной державы» [10; 11]. Как мы видим, прогноз полностью сбылся.

На основе анализа ядерной доктрины и тенденций развития ракетно-ядерной программы А.О. Баранникова исследовала реальную ядерную стратегию КНДР [12]. Совсем недавно она проанализировала возможность создания Северной Кореей полноценной ядерной триады и сделала вывод о реальности такой перспективы [13]. В одной из недавних работ А.О. Баранникова исследовала влияние радикального улучшения отношений между Россией и КНДР на баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе [14].

Существенный интерес представляют публикации В.В. Хрусталева – признанного исследователя ракетно-ядерной программы и, в более широком плане, – вооружений и вооруженных сил КНДР. В.В. Хрусталевым проанализированы вопросы разработки, производства и испытаний северокорейского ядерного и термоядерного оружия [15; 16]. Эксперт также рассмотрел проблемы возможности и целесообразности создания КНДР системы автоматического децентрализованного примене-

ния ядерного оружия в случае утраты централизованного боевого управления (по аналогии с советской системой «Периметр», именуемой на Западе «Мертвая рука») [17; 18; 19]. К сфере научных интересов В.В. Хрусталева относится и развитие вооруженных сил КНДР в целом [20; 21, с. 44-55] и военного ракетостроения, в частности [22]. С точки зрения В.В. Хрусталева, ядерное разоружение Северной Кореи не относится к реальным вариантам [23]. Таким образом, военный эксперт разделяет мнения авторитетных корееведов, специализирующихся на политической проблематике, в частности, А.З. Жебина [24] и А.В. Воронцова [25].

Из аналитических работ, изданных в последние годы в России, большой интерес представляет статья П.С. Лешакова и А.В. Соловьева «КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности» [26]. Из работ, посвященных военной проблематике, для нас оказалась полезной статья В. Васильева о новых ракетных вооружениях КНДР [27].

Большой интерес для изучения истории оборонно-промышленного комплекса, мотивов его развития и повышения роли в экономике КНДР, представляет аналитическая статья Л.В. Захаровой «Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе». Обоснованным представляется вывод автора, что «милитаризация экономики КНДР на современном этапе, с одной стороны, предполагает направление существенных ресурсов на цели повышения обороноспособности государства, а с другой, обеспечивает руководству страны возможности для мобилизационного решения поставленных хозяйственных задач за счёт привлечения к ним армии и ВПК» [28].

Журналист К.В. Чуприн, специализирующийся на вооруженных силах КНР, постсоветских республик и КНДР, опубликовал в 2016 г. объемный труд о Корейской народной Армии (КНА). В его книге рассмотрены: военная доктрина КНДР, развитие и современное состояние КНА и других силовых структур страны в контексте состояния ее общества и экономики в целом. Привлечение автором большого фактического материала, в том числе впервые введенного в широкий информационный оборот, а также иллюстративного материала делает данное исследование достаточно ценным [29].

В статье В.И. Волощак и А.Л. Лукина «Российские оценки военного потенциала Северной Кореи» представлен аналитический обзор официальных и экспертных российских оценок военной мощи КНДР. В статье рассмотрены как конвенциональные, так и ядерные силы страны. Авторы статьи попытались решить вопрос, достигла ли КНДР эффективного сдерживания в отношении своих вероятных противников. Они

пришли к выводу, что «к настоящему времени ракетно-ядерная программа Северной Кореи достигла уровня, который обеспечивает Пхеньяну потенциал минимального ядерного сдерживания в отношении наиболее вероятных противников: США, Южной Кореи и Японии» [30].

А.В. Губин в обстоятельной статье «Современный военный потенциал КНДР: неядерный аспект» проанализировал возможности Корейской Народной Армии по ведению военных действий в современных условиях, а также в случае возникновения вооружённого конфликта на Корейском полуострове. Автор сделал вывод, что «количественное и качественное превосходство сил США и их союзников в Восточной Азии, вкупе с явной линией Вашингтона на изоляцию КНДР, не оставило Пхеньяну иного выбора, кроме как создать эффективные средства сдерживания в виде баллистических ракет с ядерной боевой частью, способные поразить военные и гражданские цели не только в регионе, но и на континентальной территории США» [31].

Кореевед, историк и журналист О.В. Кирьянов, работающий в Южной Корее, освещает реализацию в КНДР крупных проектов жилищного строительства, в том числе сооружение высотных домов [32; 33]. Крупнейшая работа О.В. Кирьянова о КНДР – книга «Северная Корея», посвященная, главным образом, социально-бытовым аспектам жизни в стране [34].

Из зарубежных аналитических работ нельзя не отметить опубликованную в марте 2019 г. большую статью Пекки Корхонена и Томоуми Мори «Северная Корея как малая великая держава» [35]. Данная работа значительно противоречит «основополагающим методическим указаниям» по освещению положения в КНДР и ее политического поведения. В силу глубины содержания и убедительности аргументации исследование Пекки Корхонена и Томоуми Мори существенно помогает понять мотивы действий страны, прогнозировать ее дальнейшие шаги и рост мирового влияния.

Необходимо учитывать, что способность западных авторов уклоняться от исполнения «методических рекомендаций» является критерием их профессиональной добросовестности. Из зарубежных работ, посвященных развитию ракетно-ядерного потенциала КНДР, представляет интерес аналитический обзор «Северокорейское ядерное оружие, 2022 г.». Его авторы – Ханс М. Кристенсен и Мэтт Корда, рассмотрели: ядерную политику Северной Кореи; оценки количества ядерных оружейных материалов и боеголовок; ядерные испытания; средства доставки ядерного оружия наземного и морского базирования [36]. Главный недостаток данного обширного обзора, на наш взгляд, – стремле-

ние к всемерному приуменьшению научно-технических, производственных и, в целом, оборонных возможностей КНДР.

Для исследования избранного нами круга проблем необходимы не только аналитические работы, но и те, которые просто содержат фактический материал. Такие источники должны давать ответы на вопросы типа «что, где и когда» произошло в Северной Корее, имеющие значение для оценки ее современного состояния и перспектив развития. В отечественной литературе нет избытка материалов, сообщающих подробности относительно оборонного и социально-экономического развития КНДР. Еще меньше их в российских печатных и электронных СМИ, не имеющих в стране корреспондентской сети. Тем ценнее публикации зарубежных экспертов, точнее, тех из них, кому свойственна профессиональная добросовестность.

В последние годы интересные информационно-аналитические материалы публикует Ванн Х. Ван Дипен. В них освещаются испытания новых ракет, прежде всего, МБР, иные способы их презентации «мировой общественности» [37; 38; 39; 40]. В ряде случаев эксперт анализирует значение новых боевых систем для северокорейских ракетно-ядерных сил как функционирующего и развивающегося вида вооруженных сил [41; 42; 43]. Кроме того, Ван Дипен рассматривает перспективы формирования морской составляющей будущей ядерной триады Северной Кореи [44].

О перспективах создания морских стратегических ядерных сил КНДР интересные аналитические выкладки и прогнозы представили Х.И. Саттон – эксперт по морским вооружениям [45] и Сюй Тяньжань – эксперт организации Open nuclear network [46; 47]. Содержательные аналитические материалы публикует авторитетный американский военный эксперт Джейфри Льюис. Естественно большинство из них посвящено северокорейскому ядерному оружию и средствам его доставки [48; 49]. Однако исследователь не пренебрегает и мирной проблематикой. В частности, он опубликовал статью о производстве в КНДР промышленного оборудования с ЧПУ [50].

Ряд западных экспертов проявляют интерес к вопросам разведки и промышленной добычи углеводородного сырья в КНДР. Среди них: Майкл Рего [51], Джозеф Бермудес [52], Эрик Талмадж [53], Антони Фенсом [54].

Интерес к реализации в КНДР крупных социально-экономических проектов проявляют западные исследователи, сотрудничающие с американским Центром Стимсона. Свои работы они, как правило, публикуют на ресурсе 38north.org. Так, Питер Маковски, Дженин Таун, Мишель Кае, Саманта Питц исследовали реализацию программ Северной

Кореи по рекультивации приливных отмелей Желтого моря для увеличения фонда сельскохозяйственных земель [55].

Чрезвычайно интересна серия статей Мартина Уильямса и Илианы Раньоне из Центра Стимсона, посвященная общенациональной программе строительства нового сельского жилья. Ученые показывают обстоятельства и мотивы принятия руководством КНДР данной программы, утвержденной в конце 2021 г., ее цели и задачи. Освещены и мотивы, по которым (по мнению названных ученых) лидер республики прямо дал понять обществу, что он лично отвечает за результаты выполнения данного плана. Отмечено, что широкая реконструкция сельского жилья быстро осуществляется на всей территории КНДР путем замены старого жилья новыми комфортабельными индивидуальными или многоквартирными домами. Реализация поставленной задачи обеспечивается приоритетными поставками строительных материалов, а большую часть строительного персонала обеспечивает КНА [56]. Рассмотрены первые шаги по выполнению программы коренной реконструкции сельских населенных пунктов в КНДР и достигнутые к середине 2024 г. результаты [57]. М. Уильямс и И. Раньоне констатировали исключительную быстроту и успешность реализации проекта [58]. Ученые отмечают, что одной из наиболее очевидных черт нового сельского жилья является разнообразие используемых архитектурных стилей. Причем это не шаблонный стиль, а различные варианты дизайна, придающие каждой из разработок уникальный вид. Инициатива по развитию сельских районов превзошла запланированные темпы, и в ближайшей перспективе нет никаких признаков остановки. Особо авторы подчеркивают интенсивную и яркую рекламу в северокорейских СМИ, особенно на телевидении, вселяющую в людей веру, что они тоже получат просторное, комфортабельное и красивое жилье [59].

М. Уильямс и И. Раньоне успели отреагировать и на новейшую социально-экономическую программу КНДР. Она связана со стремлением Северной Кореи модернизировать свою региональную промышленность и географически диверсифицировать производственную базу. План, принятый на сессии Верховного народного собрания в январе 2024 г., направлен на строительство региональных производственных баз в 20 слаборазвитых городах и уездах в год в течение следующих десяти лет. Ким Чен Ын лично провозгласил план «20×10», призванный повысить «базовый материальный и культурный уровень жизни людей во всех городах и уездах и... по всей стране в течение десяти лет». По истечении года в 20 городах и уездах по всей стране уже открылись новые фабрики по производству одежды, продуктов питания и товаров

для дома, и началась работа по плану второго года реализации программы [60].

Изучение оборонного и социально-экономического развития КНДР на современном этапе потребовало использования множества «разовых» источников информации, по преимуществу, электронных. Некоторые ресурсы использовались, и будут использоваться систематически. В частности, это сайт «Группы солидарности с КНДР» [61]. Среди зарубежных Интернет-ресурсов назовем сайты: американского Центра Стимсона 38 north [62]; международного журнала «Военные часы» [63]; международной организации «Открытая ядерная сеть» [64]; военно-морского эксперта Х.И. Саттона (H.I. Sutton) [65]; международной организации «Центр стратегических и международных исследований» (CSIS) [66].

В заключение отметим, что достижения КНДР в оборонной, социально-экономической и иных сферах, достойны самого внимательного изучения. Это относится также к средствам и методам, при помощи которых указанные достижения были обеспечены. Сейчас уже есть уверенность, что исследования, касающиеся развития КНДР, будут расти в количественном и качественном отношениях.

Примечания

1. Асмолов К. Не только ракеты. Путешествие историка в Северную Корею. – М.: Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2018. – 320 с.
2. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012-2021): монография. – М.: ИКСА РАН, 2022. – 440 с.
3. Асмолов К.В. США-КНДР: как США соблюдали Рамочное Соглашение 1994 г. Интернет-журнал “Новое Восточное Обозрение”. 25.11.2017. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/11/25/ssha-kndr-kto-kogo-obmany-val-25-let-chast-vtoraya-kak-ssha-soblyudali-ramochnoe-soglashenie-1994-g/>.
4. Асмолов К.В. Нет перспективы денуклеаризации КНДР (20 апреля 2021 г.). URL: <https://russian-council.ru/analytic-and-comments/analytic/net-perspektivy-denuklearizatsii-kndr/>.
5. Асмолов К.В. “Новая” северокорейская политика Джо Байдена. Интернет-журнал “Новое Восточное Обозрение”. 14.05.2021. URL: <https://ru.journal-neo.org/2021/05/14/novaya-severokorejskaya-politika-dzho-bajdena/>.
6. Асмолов К.В. Ядерная активность КНДР в 2021 г. Интернет-журнал “Новое Восточное Обозрение”. 29.09.2021. URL: <https://ru.journal-neo.org/2021/09/29/yadernaya-aktivnost-kndr-v-2021-g/>.
7. Асмолов К.В. Ядерный потенциал КНДР. 05.02.2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/yadernyy-potentsial-kndr/>.

8. Асмолов К. Новая ядерная доктрина КНДР. Интернет-журнал “Новое Восточное Обозрение”. 15.09.2022. URL: <https://ru.journal-neo.org/2022/09/15/novaya-yadernaya-doktrina-kndr/?ysclid=lfv6cvqhor407967636>.
9. Асмолов К. Является ли Северная Корея ядерной державой? Интернет-журнал “Новое Восточное Обозрение”. 04/02.2025. URL: <https://journal-neo.su/ru/2025/02/04/yavlyaetsya-li-severnaya-koreya-yadernoj-derzhavoj/>.
10. Баранникова А.О. Внешняя политика КНДР и ракетно-ядерный фактор // Ойкумена. – 2017. – № 2. – С. 72-80.
11. Баранникова А.О. О ядерной доктрине КНДР. Российский совет по международным делам. 28.02.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/anastasiya-barannikova-o-yadernoy-doktrine-kndr/?ysclid=m7g7ic9ys e102102402>.
12. Баранникова А.О. Ядерная стратегия КНДР и готовность к применению ядерного оружия // Известия Восточного института. – 2024. – № 2. – С. 71-84.
13. Баранникова А.О. Ядерные силы КНДР: диада или альтернативная триада? Россия в глобальной политике. 29.01.2024. URL: <https://globalaf-fairs.ru/articles/yadernye-sily-kndr/?ysclid=m7gffwzxp67655345 51>.
14. Баранникова А.О. Партнёрство России и КНДР: как изменится баланс сил в регионе. Россия в глобальной политике. 26.06.2024. URL: <https://globalaf-fairs.ru/articles/rossiya-i-kndr-barannikova/?ysclid=m7g7ilcb1c874482 851>.
15. Хрусталев В.В. Урановый козырь Пхеньяна. 2013. Сайт “Livejournal”. URL: <https://remch-ch.livejournal.com/56671.html>.
16. Хрусталев В.В. Термоядерный шок: детальный анализ взрыва водородной бомбы КНДР и его последствий. 2017.09.06. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201709051832-b5b4.htm>.
17. Хрусталев В.В. “Мертвая рука” – под силу ли Пхеньяну задача? Часть 1. Northeast Asian Military Studies. Центр стратегической конъюнктуры. 03.04.2018. URL: <http://conjunction.ru/neams-ru-03-04-2018/>.
18. Хрусталев В.В. “Мертвая рука” – под силу ли Пхеньяну задача? Часть 2. Northeast Asian Military Studies. Центр стратегической конъюнктуры. 04.04.2018. URL: <http://conjunction.ru/neams-ru-03-04-2018/>.
19. Хрусталев В. “Мертвая рука” – под силу ли Пхеньяну задача? Часть 2. Northeast Asian Military Studies. Центр стратегической конъюнктуры. 07.04.2018. URL: <http://conjunction.ru/neams-ru-03-04-2018/>.
20. Хрусталев В. К отпору готовы? Насколько сильна или слаба военная машина Северной Кореи. 2017. Сайт журнала “Россия в глобальной политике”. URL: <http://globalaffairs.ru/global-processes/K-otporu-gotovy-18892>.
21. Хрусталев В.В. Анонсированные программы наступательных вооружений КНДР: анализ реальных возможностей // Современные проблемы Корейского полуострова. – М.: ИДВ РАН, 2021. – 320 с.
22. Эксперт: КНДР продемонстрировала колоссальный прогресс в военном ракетостроении (Беседа Олега Кирьянова с Владимиром Хрусталевым). 12.01.2022. URL: <https://rg.ru/2022/01/12/ekspert-kndr-prodemonstriro-vala-kolosalnyj-progress-v-voennom-raketostroenii.html>.
23. Хрусталев В.В. Проблемы необратимой и полной денуклеаризации КНДР // Корейский полуостров в поисках мира и процветания: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А.З. Жебин. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2019. – С. 143-148.

24. Жебин А.З. Корейский полуостров: от денуклеаризации к контролю над вооружениями // Современные проблемы Корейского полуострова. – М.: ИДВ РАН, 2021. – С. 14-21.

25. Воронцов А.В. Как воспринимать Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил? 18.09.2022. URL: <https://koreanradio.info/alexander-vorontsov-how-to-perceive-the-law-on-the-dprks-policy-towards-the-nuclear-armed-forces/?ysclid=m7m3ebfry7466352331>.

26. Лешаков П.С., Соловьев А.В. КНДР как структурный фактор региональной и глобальной безопасности // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 4. – С. 20-35.

27. Васильев В. Новые ракеты КНДР: десятки тысяч военнослужащих США попадают под удар. URL: <https://regnum.ru/news/3229613.html>.

28. Захарова Л.В. Милитаризация экономики КНДР и её специфика на современном этапе // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2024. – № 3. – С. 80-91.

29. Чуприн К.В. Военная машина КНДР: Корейская народная армия вчера и сегодня. Краткий информационно-аналитический справочник. – М.: Викта, 2016. – 548 с.

30. Волощак В.И., Лукин А.Л. Российские оценки военного потенциала Северной Кореи // Известия Восточного института. – 2017. – № 4(36). – С. 84-90.

31. Губин А.В. Современный военный потенциал КНДР: неядерный аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – № 1. – С. 138-149.

32. Кирьянов О.В. Руководство Северной Кореи приказало построить небоскребы по всей стране. 25.04.2017. URL: <https://rg.ru/2017/04/25/rukovod-stvo-severnoj-korei-prikazalo-postroit-neboskreby-po-vsej-strane.html>.

33. Кирьянов О.В. Как выглядит новый квартал Рёмён столицы КНДР. 06.06.2017. URL: <https://rg.ru/2017/06/06/foto-kak-vygliadit-novyj-kvartal-ryomyon-stolicy-kndr.html>.

34. Кирьянов О.В. Северная Корея. – М.: Рипол-Классик, 2017. – 432 с.

35. Pekka Korhonen and Tomomi Mori. North Korea as a Small Great Power // The Asia-Pacific journal: Japan focus. Analysis of the forces shaping the Asia-Pacific and the world. March 1, 2019. Vol. 17. Is. 5. № 2. Article ID 5255. URL: <https://apjjf.org/2019/05/Korhonen.html>.

36. Кристенсен Ханс М., Корда Мэтт. Северокорейское ядерное оружие, 2022 г. // Бюллетень ученых-атомщиков. Т. 78. 2022 – Вып. 5: Спец. вып.: Дивный новый мир государства высокотехнологичного наблюдения. URL: https://www-tandfonline-com.translate.goog/doi/full/10.1080/00963402.2022.2109341?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc.

37. Ванн Х. Ван Дипен. Первоначальный анализ северокорейской “крылатой ракеты” большой дальности нового типа (15 сентября 2021 г.). URL: <https://www.38north.org/2021/09/initial-analysis-of-north-koreas-new-type-long-range-cruise-missile/>.

38. Ванн Х. Ван Дипен, Митч Шин. Что означают последние запуски ракет Северной Кореей? Иногда испытание ракеты – это просто испытание ракеты, без каких-либо громких дипломатических сообщений (20 сентября 2021 г.). URL: <https://thediplomat.com/2021/09/what-do-north-koreas-latest-missile-launches-mean/>.

39. Ван Дипен Ванн Х. Новый северокорейский HS-18 вносит солидный, но постепенный вклад в силы МБР. 20 апреля 2023. URL: <https://www.38north.org/>

40. *Ван Дипен Ванн Х.* На параде в Северной Корее 8 февраля были представлены межконтинентальные баллистические ракеты и тактическое ядерное оружие. 23 февраля 2023. URL: <https://www.38north.org/2023/02/north-koreas-feb-8-parade-highlights-icbms-and-tactical-nukes/>.

41. *Ван Дипен Ванн Х.* 16 марта Запуск межконтинентальной баллистической ракеты HS-17. Основные моменты развертывания и политические послания. 20 марта 2023. URL: <https://www.38north.org/2023/03/march-16-hs-17-icbm-launch-highlights-deployment-and-political-messages/>.

42. *Ван Дипен Ванн Х.* Северная Корея запустила четыре ракеты “Хвасал-2”, чтобы продемонстрировать сильное сдерживание и быстрое реагирование. 1 марта 2023. URL: <https://www.38north.org/2023/03/north-korea-launches-four-hwasal-2-lacms-to-show-strong-deterrence-and-rapid-response/>.

43. *Ван Дипен Ванн Х.* Второй подряд успех летных испытаний приближает северокорейскую межконтинентальную баллистическую ракету “Хвасон-18” к развертыванию. 18 июля 2023. URL: <https://www.38north.org/2023/07/second-consecutive-flight-test-success-brings-north-koreas-hwasong-18-icbmcloser-to-deployment/>.

44. *Ван Дипен Ванн Х.* Спящий проснулся: шесть ключевых выводов из развертывания северокорейской “тактической атомной ударной подводной лодки”. 11 сентября 2023. URL: <https://www.38north.org/2023/09/the-sleeper-has-awakened-six-key-takeaways-from-the-roll-out-of-north-koreas-tactical-nuclear-attack-submarine/>.

45. *Саттон Х.И.* Северокорейский флот – атомная подводная лодка. 14 января 2021 г. URL: https://www-hisutton-com.translate.goog/North-Korean-Navy-Nuclear-Submarine.html?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc.

46. *Сюй Тяньжань.* Ограничения и прогноз: будущее развертывание КНДР баллистических ракет подводных лодок. 5 января 2022 г. URL: <https://oneearthfuture.org/research-analysis/constraints-and-outlook-future-deployment-dprk-ballistic-missile-submarines>.

47. *Сюй Тяньжань.* Ядерное вооружение КРАН: расширение возможностей КНДР морского базирования. 21 сентября 2023. URL: https://opennuclear-org.translate.goog/publication/nuclearization-kpan-expansion-dprks-sea-based-nuclear-capabilities?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc.

48. *Льюис Джессифри, Поллак Джошуа, Шмерлер Дэвид.* Северная Корея возобновляет строительство реактора в Йонбёне мощностью 50 МВт (эл.). 10 мая 2022 г. URL: <https://www.armscontrolwonk.com/files/2022/05/50-MWe-Reactor.pdf>.

49. *Льюис Джессифри.* Ошибки в анализе “Хвасон-18”. 20 августа 2023. URL: https://www-armscontrol-wonk-com.translate.goog/archive/1218663/errors-in-postols-analysis-of-the-hwasong-18/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc.

50. *Льюис Джессифри, Ли Эмбер.* Счастье – это теплый станок с ЧПУ. 4 сентября 2013 г. URL: <https://www.38north.org/2013/09/jlewis090413/>.

51. *Рего Майкл.* Северная Корея – разведка и потенциал углеводородов // GEOExPro. Vol. 12. № 4. 2015. URL: <https://www.geoexpro.com/magazine/vol-12-no-4>.

52. *Бермудес Джозеф*. Разведка Северной Кореей нефти и газа (Joseph S. Bermudez Jr. North Korea's Exploration for Oil and Gas). URL: https://www.38north.org/wp-content/uploads/pdf/2015-12-14_Bermudez_North-Koreas-Exploration-for-Oil-and-Gas.pdf?/.

53. *Талмадж Эрик*. Северная Корея изучает защищенные от санкций энергетические технологии. 15 февраля 2019 г., GMT. URL: <https://apnews.com/article/9e241ef4f4ad42bd90b6eb870438efc1>.

54. *Фенсом Антони*. Может ли Северная Корея стать следующим производителем нефти и газа? (Anthony Fensom. Could North Korea Become the Next Oil and Gas Mega Producer?). URL: <https://nationalinterest.org/blog/buzz/ could-north-korea-become-next-oil-and-gas-mega-producer-109066/>(дата обращения: 17.04.2020).

55. *Маковски Питер, Таун Дженнингс, Кэй Мишель И., Питц Саманта Дж.* Усилия Северной Кореи по рекультивации приливных отмелей. Публикация Центра Стимсона). 22 декабря 2021 г. URL: <https://www.38north.org/2021/12/north-koreas-tideland-reclamation-efforts/>.

56. *Уильямс Мартин, Раньоне Илиана*. Развитие сельских районов Северной Кореи: затрагивая каждый уголок страны. 4 июня 2024. URL: <https://www.38north.org/2024/06/north-koreas-rural-development-touching-every-corner-of-the-country/>.

57. *Уильямс Мартин*. Развитие сельских районов Северной Кореи: открытие первых проектов. 13 июня 2024. URL: <https://www.38north.org/2024/06/north-koreas-rural-development-the-first-projects-open/>.

58. *Уильямс Мартин*. Развитие сельских районов Северной Кореи: проект набирает обороты. 21 июня 2024. URL: <https://www.38north.org/2024/06/north-koreas-rural-development-the-project-hits-full-speed/>.

59. *Уильямс Мартин, Раньоне Илиана*. Развитие сельских районов Северной Кореи: дома и день переезда. 26 июня 2024. URL: <https://www.38north.org/2024/06/Rural-Development-in-North-Korea-Homes-and-Moving-Day>.

60. *Уильямс Мартин, Раньоне Илиана*. Проект Ким Чен Ына 20×10 добился успеха в первый год. 27 февраля, 2025. URL: <https://www.38north.org/2025/02/kim-jong-uns-20x10-project-achieves-year-one-successes/>.

61. Сайт “Группы солидарности с КНДР”. URL: <https://vk.com/club34486042>.

62. Сайт американского Центра Стимсона 38 north. URL: <https://www.38north.org/>.

63. Сайт международного журнала “Военные часы”. URL: <https://militarywatchmagazine.com/>.

64. Сайт международной организации “Открытая ядерная сеть”. URL: <https://opennuclear-org.translate.google/>.

65. Сайт военно-морского эксперта Х.И. Саттона (H.I. Sutton). URL: <https://www-hisutton-com>.

66. Сайт международной организации “Центр стратегических и международных исследований”. URL: <https://beyondparallel-csis-org.translate.google/>.

**Неофициальный отзыв на диссертационное исследование
И.Ю. Зубарева «Движение анархистов России в начале XX века
(по материалам Воронежской, Орловской и Тамбовской губерний)»
по специальности 5.6.1 – Отечественная история**

Данная статья является неофициальным рецензионным отзывом на недавно защищенную в Диссертационном совете Белгородского государственного университета диссертационную работу И.В. Зубарева на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Ключевые слова: анархистское движение, Воронежская, Орловская, Тамбовская губернии, три революции и Гражданская война в России.

**Shtyrbul A.A.,
Omsk, Russia**

**Non-official review to dissertation research of I.U. Zubarev
“Movement of the Anarchists of Russia in the beginning of XX century
(by materials of Voronezhskaya, Orlovskaya and Tambovskaya provinces)”
by specialization 5.6.1 – History of Russia**

These article is been the non-official revive to the scientific dissertation investigation of I.U. Zubarev. These dissertation investigation was presented (defended) in Dissertation soviet of Belgorod state university by submit for a candidate's degree.

Keywords: anarchist's movement, Voronezhskaya, Orlovskaya and Tambovskaya provinces, three revolutions and Civil war in Russia.

Избрав заявленную тему исследования, автор справедливо отмечает, что несмотря на неоднократные обращения исследователей к проблемам истории анархизма, все еще осталось немало белых пятен, например, в исследовании некоторых региональных аспектов и проявлений анархизма, в том числе в Центрально-Черноземной области, важной частью которой являлись по территориальному делению того времени Орловская, Воронежская и Тамбовская губернии.

Актуальность работы не вызывает сомнений и, кроме всего прочего, усиливается довольно злободневной необходимостью изучения проблемы политического экстремизма в целом и, в том числе, практического опыта противодействия ему в прошлом.

Автор справедливо отмечает, что исследование проблем истории анархизма в течение XX века сопровождалось наличием и влиянием идеологических штампов и часто рассматривалось сквозь их призму [1, с. 3]. Добавим: и сегодня такие штампы иногда присутствуют. Если в советское время анархисты зачастую подвергались агрессивной (в том числе и не всегда справедливой) критике некоторых исследователей, то сегодня подобная критика достается им от историков право-либерального направления. В то же время со стороны некоторых современных историков анархистского толка можно наблюдать почти безудержную идеализацию и апологию анархизма (особенно этим отличаются работы А.В. Шубина). Но, к счастью, существуют и довольно объективные академические исследования, строго научные и взвешенные, к числу коих относятся, прежде всего, работы В.В. Кривеньского и В.Д. Ермакова, которые автор в своей работе отмечает и которым справедливо отдает должное [2, с. 7].

По материалам автореферата и текста диссертации представляется, что автор в целом сумел достигнуть обозначенной цели исследования «политической деятельности анархистов на территории Воронежской, Орловской и Тамбовской губерний в 1905 – первой половине 1920-х гг.» [1, с. 4] и решить поставленные в начале исследования задачи.

Прежде всего, хотелось бы отметить солидный историографический раздел исследования и довольно значительный комплекс источников. Широкие хронологические рамки исследования позволили автору проследить практически весь процесс анархистского движения в регионе от его возникновения до исчезновения с политической арены. В обозначенных географических рамках работы автору удалось показать как общее, так и особенное в деятельности анархистов в каждой из трех взятых для исследования губерний. Автор вносит немало нового в биографические данные местных и, отчасти, российских деятелей анархистского и анархо-повстанческого движений исследуемого региона и местностей, сопредельных с ним, таких, как М. Сахаров, Г. Аносов, Н. Бодров, А. Пархоменко, И. Сухоносов и др. Работа насыщена многочисленными важными фактами и деталями, в том числе впервые введенными в научный оборот.

Замечания и пожелания.

О формулировке темы исследования. Представляется, что название работы не до конца продумано и звучит несколько претенциозно. Нельзя и неправильно ставить вопрос об исследовании анархистского движения в России по материалам только лишь трех губерний. Другое дело, и совсем бы по-другому звучало, если бы автор в формулировке

темы указал: «Движение анархистов в Центральной России...» или же «Движение анархистов в Центрально-Черноземной области...» на материалах обозначенных трех губерний. Выглядело бы вполне обоснованно и, по существу содержания исследования, вполне оправдано.

Выглядит лишним и, в общем ненужным, первый параграф второй главы «Анархистское движение в России в период Первой русской революции 1905-1907 гг.: география распространения, социальный состав, основные идеологические течения»: он касается общероссийского материала и масштаба и носит обзорный характер, без чего работа вполне могла бы обойтись: достаточно было бы в двух – трех абзацах оговорить это во Введении.

О формулировке второго параграфа второй главы («Анархистский террор в Воронежской губернии»). Данная формулировка не вполне удачна, так как сводит деятельность анархистов Воронежской губернии до 1917 г. только лишь к терроризму. Но если была террористическая деятельность, то тем более, никак не могло не быть деятельности агитационно-пропагандистской, то есть исследуемая историческая реальность явно шире зауженной формулировки параграфа.

Из содержания автореферата и текста диссертационного исследования следует, что практически вся деятельность анархистов и анархоповстанцев после Октябрьского переворота 1917 г. и вплоть до ее прекращения к середине 1920-х гг. в рамках очерченной территории трех губерний сводилась к политическим конфликтам с большевиками (сначала как с союзниками), а по мере развития событий, и к военно-политической борьбе с ними. А как анархисты на этой территории относились к белогвардейцам? На первом этапе местные анархисты боролись с белыми, в частности, с казаками-красновцами, и это в работе отражено. Но вот позиция местных анархистов во время событий лета - осени 1919 г., когда во время генерального наступления армий А.И. Деникина на Москву белым удалось занять и в течение периода от нескольких дней до нескольких месяцев контролировать некоторые местности Воронежской, Орловской и Тамбовской губерний, так и осталась загадкой. В автореферате и диссертации позиция местных анархистов в отношении наступления войск А.И. Деникина практически не отражена и, кажется, не упоминается хотя бы на уровне идейно-политических установок. Более того, автор концентрирует внимание на связях некоторых местных анархистов с организацией «Анархисты подполья» в Москве [2, с. 151-153], диверсионно-террористическая деятельность которой в это время на фоне наступления деникинцев объективно и, по существу, была на руку белогвардейцам.

Однако эти и некоторые другие замечания не могут перечеркнуть значительную исследовательскую работу, проделанную Иваном Юрьевичем Зубаревым. Опираясь на комплекс архивных и опубликованных источников и на работы научных предшественников, при этом, несомненно, обладая своим вполне сформировавшимся личным творческим видением, автор выполнил и представил к защите законченное и самостоятельное историческое исследование.

Материал исследования изложен научным и доступным языком, воспринимается легко и читается с интересом. Научный аппарат работы вполне удовлетворителен, интересны и ценные приложения.

Представленное исследование добавляет важные элементы, детали, фрагменты и выводы в общую и пока еще незавершенную картину исторической «мозаики» анархистского движения России в целом.

В заключение хотелось бы поделиться общим, пусть и субъективным, впечатлением от диссертационной работы И.Ю. Зубарева: хотел того автор или нет, но он в хронологических и географических рамках заявленного исследования показал (кстати, не первый и не единственный из историков анархизма), что современное анархистское движение с его идеей и практикой безгосударственного общества «здесь и сейчас» объективно и неизбежно обречено на поражение, так как существование устойчивого общества без сильного государства (причем вне зависимости от его классового содержания) ни сто лет назад, ни сегодня, ни в обозримом будущем невозможно.

Примечания

1. Зубарев И.Ю. Движение анархистов России в начале XX века (по материалам Воронежской, Орловской и Тамбовской губерний): автореф. дис. ...канд. ист. наук (спец. 5.6.1 – Отечественная история). – Белгород: б.и., 2024. – 22 с. (На правах рукописи).

2. Зубарев И.Ю. Движение анархистов России в начале XX века (по материалам Воронежской, Орловской и Тамбовской губерний): дис. ...канд. ист. наук (спец. 5.6.1 – Отечественная история). – Воронеж: б.и., 2024. – 194 с. (На правах рукописи).

Сведения об авторах

АБДУЛАЕВ Карим Абдулаевич – аспирант кафедры Истории России Дагестанского государственного университета (Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала).

АЛЕКСЕЕНКО Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и анализа Краснодарского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Россия, г. Краснодар).

АСТАШКИН Руслан Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Философии и истории науки Приволжского государственного университета путей сообщения (Россия, г. Самара).

БЕЛАШ Денис Андреевич – сопредседатель Клуба краеведов г. Шахты «Корни твои» (Россия, г. Ростов-на-Дону).

БЕСЕДИНА Елена Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург).

БИТКОВ Иван Сергеевич – ассистент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

БУРКОВА Татьяна Вадимовна – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург).

БУРЫКИНА Людмила Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (Россия, г. Майкоп).

ВАЛИУЛЛИН Ильдар Рауфович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионаоведения им. М.Х. Хасанова Академии наук Республики Татарстан (Россия, Республика Татарстан, г. Казань).

ВАХРОМЕЕВА Оксана Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург).

ВЕЛАГАЕВ Яраги Тагирович – магистрант 2-го курса (магистерская программа «Отечественная история и историческое краеведение») Дагестанского государственного университета (Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала).

ГАРУНОВА Нина Нурмагомедовна – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России Дагестанского государственного университета (Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала).

ГРЕБЕНКИН Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации (Россия, г. Орёл).

ЕЛЕУХАНОВА Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана и Ассамблеи народа Казахстана (АНК) Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова (Республика Казахстан, г. Караганда).

ЖАБЧИК Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета.

тета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

ЗАЙЦЕВ Александр Ярославович – ассистент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва).

КАЛИМУЛЛИНА Фирдаус Галимовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х. Хасанова Академии наук Республики Татарстан (Россия, Республика Татарстан, г. Казань).

КАПУСТИНА Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заместитель начальника Отдела организации заблаговременной работы Управления установления пенсий Государственного учреждения – Управления Пенсионного фонда Российской Федерации по Владимирской области (Россия, г. Гусь-Хрустальный).

КИРИЛЛОВА Алина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга (Россия, г. Елизово).

КОРЧЕМКИНА Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (Россия, г. Майкоп).

КОСОЛАПОВ Владимир Власович – краевед, индивидуальный экскурсовод, член Краснодарского отделения РОИИ, член Российского Географического Общества (РГО) (Россия, г. Геленджик).

КУРУСКАНОВА Наталья Петровна – кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной истории, главный редактор Всероссийского сборника научных трудов «Социально-гуманитарный вестник» (г. Краснодар)» (Россия, г. Краснодар).

ЛАРИН Артем Александрович – аспирант Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Орёл).

ЛАХТИОНОВА Елизавета Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург).

ЛОПИН Константин Борисович – историк, заместитель начальника отдела памятников археологии Управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края (УГООКН АКК) (Россия, г. Краснодар).

МАЛИШ Марьяна Адамовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

МЕЛЬНИКОВА Дарья Андреевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Россия, г. Санкт-Петербург).

НАГОЕВА Саида Руслановна – историк, преподаватель общественных дисциплин Адыгейского педагогического колледжа им. Х. Андрухаева (Россия, г. Майкоп).

НАЛИВАЙКО Роман Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург).

НУЖДИН Олег Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Россия, г. Екатеринбург).

ПОЛУПАНОВ Андрей Николаевич – член Клуба краеведов г. Шахты «Корни твои» (Россия, г. Шахты).

ПСИХОМАХОВА Аминат Рашидовна – кандидат исторических наук, преподаватель ГБПОУ Департамента здравоохранения города Москвы «Медицинский колледж № 5» (Россия, г. Москва).

РУДЬ Михаил Анатольевич – сопредседатель Клуба краеведов г. Шахты «Корни твои» (Россия, г. Шахты).

САЛЧИНКИНА Ангелина Ростиславовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

СИЗИОН Денис Сергеевич – ассистент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

СОЛЯНИК Вера Васильевна – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Краснодар).

СОФЬИН Дмитрий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент и старший научный сотрудник кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета (Россия, г. Пермь).

СОФЬИНА Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры библиотечных и документально-информационных технологий Пермского государственного института культуры, старший научный сотрудник кафедры междисциплинарных исторических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета, заместитель начальника отдела научно-публикационной деятельности Пермского государственного архива социально-политической истории (Россия, г. Пермь).

СУРОВЦЕВА Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор Российской академии естествознания, член Общества русской словесности, Российского философского общества, Российской ассоциации преподавателей русского языка и литературы, учащаяся Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета им. Феофана Затворника (программа профессиональной переподготовки «Теология») (Россия, г. Москва).

ТЕРЕЩЕНКО Олеся Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

ТУРК Светлана Нальбиеvна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

УЛЕЗКО Борис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, председатель Краснодарского отделения Российского общества интеллектуальной исто-

рии, зам. главного редактора Всероссийского сборника научных трудов «Социально-гуманитарный вестник (г. Краснодар)» (Россия, г. Краснодар).

ФАЙЗУЛЛИН Станислав Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения им. М.Х. Хасанова Академии наук Республики Татарстан (Россия, Республика Татарстан, г. Казань).

ФАРОИ Татьяна Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, преподаватель Сочинского филиала Российского государственного социального университета» (РГСУ), Заслуженный юрист Кубани (Россия, г. Сочи).

ФЕДОСЕЕВА Лариса Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета (Россия, г. Майкоп).

ФЛОРОВСКИЙ Алексей Кириллович – независимый исследователь, инженер (Россия, г. Москва).

ФОКИН Федор Александрович – аспирант Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина (Россия, г. Санкт-Петербург).

ХРОЛЕНOK Евгений Валерьевич – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск).

ХУДОЛЕЕВ Алексей Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и обществознания Кузбасского гуманитарно-педагогического института ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет» (Россия, г. Новокузнецк).

ЧИКАЕВА Карина Суреновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

ЧУБЫКИН Игорь Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва).

ШАВЛОХОВА Елена Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина (Россия, г. Краснодар).

ШТЫРБУЛ Анатолий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии Омского государственного педагогического университета, эксперт РАН (Россия, г. Омск).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Секция I «Актуальные проблемы мировой истории»</i>	
Нуждин О.И. Бесславный конец Жана де Монтегю: участь чиновника в борьбе принцев крови.....	4
Асташкин Р.С. Вклад Дж. Тедальди в разработку проблемы Волжско-Каспийского транзита.....	9
<i>Секция II «Актуальные проблемы российской истории»</i>	
Хроленок Е.В. Стародубский полк в Казанском и Крымском походе (1774-1778).....	16
Велагаев Я.Т., Гарунова Н.Н. Георгиевский трактат в системе русско-грузинских отношений XVIII века.....	20
Мельникова Д.А. Государственное коннозаводство в Российской империи в 1820-1830-е гг.	22
Психомахова А.Р. Деятельность М.С. Воронцова на посту наместника на Кавказе (1844-1854).....	27
Фокин Ф.А. Подготовка к открытию памятника тысячелетия России при участии чинов Морского гвардейского экипажа.....	33
Гребенкин А.Н., Ларин А.А. Вклад Охраны Его Императорского Величества в развитие института государственной охраны в России.....	36
Чикаева К.С. Дворянское землевладение в Кубанской области и Ставропольской губернии: характеристика и особенности.....	43
Курусканова Н.П., Флоровский А.К. Народник С.Н. Флоровский в Сибири (1892-1902 гг.).....	49
Софын Д.М., Софына М.В. Иностранные ордена для окружения российских августейших особ (на примере состоящего при великом князе Сергея Александровиче генерала М.П. Степанова).....	58
Зайцев А.Я. Преобразования России: идеи Льва Троцкого как теоретика марксизма.....	63
Чубыкин И.В. Противостояние Добровольческой армии и Грузии в Сочинском округе (1918-1920).....	67
Нагоева С.Р. Женский труд в коллективных хозяйствах Адыгеи во второй половине 1920-х - начале 1930-х гг.	75
Капустина О.В. Об итогах работы Министерства государственного контроля РСФСР и Прокуратуры РСФСР по проверке правильности назначения государственных пенсий в системе социального обеспечения, проведенной в 1948 г.	80

***Секция III «Историческое краеведение: современное
состояние и тенденции развития»***

Абдулаев К.А., Гарунова Н.Н. Перспективы развития российских укреплений Азово-Моздокской пограничной линии (на примере Екатериноградской, Георгиевской и Владикавказской крепостей).....	87
Салчинкина А.Р. Посещение Александром II Кавказа в 1861 г.: памятник императору в станице Царской и его значение для кубанского казачества.....	91
Бурыкина Л.В., Федосеева Л.Д. Деятельность благотворительных организаций в дореволюционном Майкопе.....	95
Беседина Е.А., Буркова Т.В., Наливайко Р.А. Памятники основателям городов в дальневосточных регионах России: особенности коммеморативной практики.....	99
Валиуллин И.Р. «Удельная» сторона Казани.....	106
Белаш Д.А., Полупанов А.Н., Рудь М.А. К истории переименования города Александровска-Грушевского в Шахты в 1920 г.	111
Калимуллина Ф.Г. Вклад Академического центра в татарстанское краеведение (1921-1930 гг.).....	117
Елеуханова С.В. Репрессированные православные верующие в Каркаралинске (1920-1930-е гг.).....	122
Лахтионова Е.С. Проблема терминологии в изучении и сохранении памятников индустриального наследия в 1980-е гг. (по материалам альманаха «Памятники Отечества»).....	125
Лопин К.Б. Аналойные надгробия на кладбищах Краснодарского края..	130

***Секция IV «Методика преподавания исторических
дисциплин в средних и высших учебных заведениях»***

Кириллова А.И. Изменения в преподавании курса «История России» в вузе: вопросы содержания и методики.....	140
Жабчик С.В. Методическое многообразие в современном образовании.	144
Турк С.Н. Визуальные источники в преподавании истории России.....	148
Алексеенко О.И. ИТ-технологии в преподавании истории России как общеобразовательной дисциплины в высшей школе.....	153

Секция V «Вспомогательные исторические дисциплины»

Корчемкина Е.Е. Историческая география как учебно-научная дисциплина в российском высшем образовании.....	160
Малиш М.А. Глобализация мировой системы, ее черты и последствия для развития человечества.....	164
Фарои Т.В. Судебная система Российской Федерации в 2024 г.: итоги и перспективы.....	170

Секция VI «История русской и мировой культуры»

Косолапов В.В. Причины появления мегалитов в Европе.....	178
Шавлохова Е.С., Соляник В.В. Отличительные черты зодчества на территории Северного Кавказа.....	188
Сизион Д.С. Ямадзаки Ансай (1618-1682) как реформатор синтоизма...	192
Файзуллин С.А. Историко-культурное и природное наследие Ютазинского района Республики Татарстан.....	195
Суровцева Е.В. Жития преподобномученика Кронида (Любимова) в контексте современных житий новомучеников и исповедников.....	199

Секция VII «Проблемы историографии и источниковедения»

Терещенко О.В. Историография всеобщей и отечественной истории: этапы, тенденции, взаимосвязь.....	203
Худолеев А.Н. Освещение проблемных вопросов российской истории в рецензионном отделе журнала «Русский архив» (начало XX в.).....	206
Вахромеева О.Б. Бестужевки как номенклатурные и рядовые работники партии большевиков (обзор историографии и анализ источников).....	211
Битков И.С. Антимилитаризм Г.П. Максимова как компонент критики империализма: перспективы исследования.....	224
Улезко Б.В. Социально-экономическое и оборонное развитие КНДР в XXI в.: источники и историография.....	227
Штырбул А.А. Неофициальный отзыв на диссертационное исследование И.Ю. Зубарева «Движение анархистов России в начале XX века (по материалам Воронежской, Орловской и Тамбовской губерний)» по специальности 5.6.1 – Отечественная история.....	240
Сведения об авторах.....	244
Содержание.....	248

Научное издание

КУБАНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы XVI Международной
научно-практической конференции
(г. Краснодар, 30 мая 2025 г.)**

Материалы публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка Курускановой Н.П.

Издательство ИП Колмогоров И.А.

Подписано в печать 22.04.2025 г. Формат 60x84x1/16
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 14,7. Уч.-изд. 13,8. Тираж 500 экз. Заказ № 467.

Отпечатано в типографии:
«Точка печати», ИП Шилов К.Е., г. Краснодар, ул. Сормовская, 5/7.